

ДЖЕННИ
ХАН

Всем
парням,
которых
я любила

Бестселлер The New York Times

Annotation

Ларе Джин 16 лет, и она никогда не выставляет свои чувства напоказ, а изливает душу в письмах, которые хранит в шляпной коробке. Ее письма – это признания парням, которых она когда-то любила.

Однажды все послания находят своих адресатов, а жизнь девушки превращается в сущий ад: ей приходится избегать лучшего друга и сестру, а затем она влюбляется в самого красивого парня школы и становится его липовой подружкой.

Но как долго Лара Джин сможет врать себе и остальным? Сколько ей потребуется времени, чтобы разобраться со своими чувствами и наконец-то позволить себе стать счастливой?

- [Дженни Хан](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

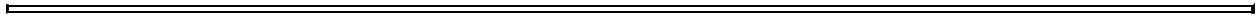
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)

- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Дженни Хан

Всем парням, которых я любила

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ МНОГОЕ СОХРАНЯТЬ. Не спасать людей или китов, не охранять окружающую среду, хотя все это очень важно. Нравится хранить безделушки. Фарфоровые колокольчики из первой попавшейся сувенирной лавки. Формочки для выпечки, которые, я уверена, ни разу не будут использованы – кому нужны печенюшки в виде ступней? Ленточки для волос. Любовные письма... Думаю, из всех моих сокровищ любовные письма – самое ценное.

Я храню их в шляпной коробке – мама купила мне ее когда-то в винтажном магазинчике в центре города. Нет, любовные послания написаны не мне. Увы, таких нет в моей коллекции. Все письма я писала сама. По одному для каждого из тех, кого любила. Каждому из пяти парней.

Я ничего не скрываю, когда пишу, зная, что получатель никогда не прочтет моего письма. Этого никогда не случится. Каждая потаенная мысль, каждое внимательное наблюдение – все, что лежит у меня на сердце, я выплескиваю на бумагу. Излив душу, запечатываю конверт, пишу адрес... И прячу написанное в свою коробочку из-под шляпы.

На самом деле, это даже не признания в любви. Мои письма – объяснения, что я больше не хочу любить. Они – прощание с чувствами. Стоит мне дописать письмо – и любовь уходит. Я могу спокойно есть свою овсянку и более не задаваться вопросом, любит ли он бананы больше, чем «Чириоуз»^[1]. Могу подпевать песням о любви в одиночку, не посвящая их ему. Если любовь подобна одержимости, то, возможно, мои письма – это своеобразный ритуал экзорцизма. Письма словно освобождают меня. Или, по крайней мере, должны бы освободить.

Джош – парень Марго, но, думаю, не солгу, если скажу, что в него влюблена вся моя семья. Даже трудно сказать, кто любит его сильнее. Прежде чем стать парнем Марго, он был просто Джошем. Он всегда был рядом. Я говорю «всегда», но на самом деле это не так. Он переехал в соседний дом пять лет назад, а кажется, будто бы жил здесь всегда.

Папа, окруженный одними девочками, любит Джоша за то, что он парень. Папа окружен женщинами по жизни: он акушер-гинеколог и отец трех дочерей. Поэтому жизнь папы – женщины, женщины и еще раз женщины. С Джошем у них нашлись общие интересы: комиксы и рыбалка. Однажды отец пробовал и нас взять порыбачить, но когда мы все втроем разревелись (я – потому что испачкала туфли, Марго – из-за промокшей

книги, а Китти просто потому, что была еще слишком маленькой), папа оставил эту затею.

Китти любит Джоша, потому что он играет с ней в карты и никогда не скучает в ее обществе. Ну, или делает вид, что не скучает. Они постоянно играют на спор. Китти, например, говорит: если я сейчас выиграю, ты мне сделаешь хрустящий сэндвич с арахисовым маслом, но без корочки. И выигрывает! В этом вся Китти. Но, как всегда, арахисового масла не окажется дома. Джош вздохнет, мол, жаль, выбери что-нибудь другое. Но Китти все ноет, настаивая на своем, – и вот он уже бежит в магазин за маслом... В этом весь Джош.

Почему Марго любит Джоша? Наверное, потому что мы все его любим.

Мы сидим в гостиной, все вместе. Китти наклеивает на гигантский кусок картона картинки с собаками.

И, мурлыча себе под нос, говорит: «Когда папочка спросит, что я хочу на Рождество, я просто покажу ему картинки и скажу – выбери отсюда породу на твой вкус, мне любая подойдет».

Марго с Джошем сидят на диване, а я лежу на полу и смотрю телевизор. Джош приготовил огромную миску попкорна, и я сосредоточенно уплетаю его горсть за горстью, пялясь в экран.

Там идет реклама духов: девушка в летящем платье, нежно-розовом, словно лепестки орхидеи, и тоненьком, как папиросная бумага, бежит по улицам Парижа. Я бы все отдала, чтобы стать этой девушкой в полупрозрачном платье и бежать по весеннему Парижу! Вдруг мне в голову приходит потрясающая идея. Я внезапно вскакиваю и, поперхнувшись попкорном, говорю:

– Марго, а давай встретимся в Париже во время моих весенних каникул!

И я стала представлять себе, как кружусь с фисташковой макарони в одной руке и малиновой – в другой. В глазах Марго появляется огонек.

– Думаешь, папочка тебя отпустит?

– Ему придется. Это же саморазвитие!

Но на самом деле я никогда еще не летала на самолете одна. И вообще еще ни разу не покидала страну. Встретит ли Марго меня в аэропорте или мне придется самой искать дорогу до хостела?

Должно быть, Джош заметил мою тревогу.

– Не волнуйся. Папа точно тебя отпустит, если я поеду с тобой.

Я прямо засияла от радости.

– Да! Мы можем остановиться в хостеле и питаться одними

пирожными и сыром.

– И посетить могилу Джима Моррисона, – добавляет Джош.

– А в парфюмерной лавке закажем индивидуальные духи! – восклицаю я.

Джош фыркает:

– М-м, тогда твоя затея с ароматами обойдется нам дороже недельного проживания в хостеле. – И слегка подталкивает Марго локтем. – У твоей сестры мания величия.

– Да, она из всех нас – самая прикольная, – соглашается Марго.

– А я? А как же я? – скулит Китти.

– Ты? – с издевкой подтруниваю я. – Из девочек Сонг ты самая неряшливая. Тебя и ноги-то вымыть на ночь едва заставишь, не то чтобы принять душ.

Китти краснеет.

– Я не об этом, ты как бестолковый дятел! Я говорила о Париже. Можно мне с вами?

Я небрежно отмахиваюсь:

– Ты еще не доросла, тебе нельзя останавливаться в хостелах.

Китти подползает к Марго и забирается к ней на колени, хотя ей уже девять и она слишком взрослая, чтобы сидеть на чьих-либо коленях.

– Можем устроить полноценный семейный отдых, – отвечает Марго, целуя ее в щеку. – Ты и Лара Джин с папой, все могли бы поехать.

Я насупилась. Это совсем не та поездка в Париж, о которой я мечтала. Поверх головы Китти Джош одними губами произносит: «Позже поговорим». И я незаметно отвечаю ему, подняв большой палец вверх.

Уже поздно, Джош давно ушел, Китти с папой легли спать. Мы на кухне. Марго устала в ноутбук, я рядом с ней скатываю в шарики тесто, а потом обмакиваю их в корицу с сахаром. Пеку любимое печенье Китти, «сникердудль», чтобы вернуть ее расположение. Вечером, когда я зашла пожелать ей спокойной ночи, она отвернулась и не стала со мной разговаривать. Китти все еще убеждена, что я пытаюсь помешать ей поехать в Париж. Мой план состоит в том, чтобы оставить сникердудль на тарелке возле ее подушки, – пусть сестренку разбудит аромат теплого печенья!

Марго вела себя подозрительно тихо, а потом неожиданно оторвалась от экрана компьютера и выпалила:

– Я сегодня рассталась с Джошем. После ужина.

От неожиданности у меня из рук прямо в сахар выпал комок теста.

– Просто было подходящее время, – сказала она.

Глаза не красные, не заплаканные, голос спокойный и ровный. Любой, посмотрев на нее, сказал бы: она в порядке. Марго всегда выглядит отлично, даже если все плохо.

– Я не вижу причин для вашего расставания, – допытываюсь я. – Если ты собралась в колледж, это вовсе не означает, что нужно расставаться с парнем!

– Лара Джин, я уезжаю в Шотландию, а не в университет Вирджинии. Сэнт-Эндрюс почти в четырех тысячах миль отсюда, – Марго поправляет очки. – Какой был бы смысл в наших отношениях?

Я не могу поверить, что она могла сказать такое.

– Смысл – Джош! Джош, который любит тебя, как еще ни один парень на свете не любил ни одной девушки!

Марго закатывает глаза от моих слов. Она считает, я драматизирую, но это не так. Джош действительно ее очень любит. На других девушек он даже не смотрит.

Марго неожиданно произносит:

– Знаешь, что мне однажды сказала мама?

– Что?

На мгновение я совершенно забываю о Джоше. Потому что, несмотря ни на что, – спорю ли я с Марго, или меня вот-вот собьет машина, – я всегда останавлиюсь, чтобы послушать историю о маме. Любая мелочь, любое хранимое Марго воспоминание – я хочу, чтобы оно было также и моим. Хотя мне повезло больше, чем Китти. У Китти вообще нет собственных воспоминаний о маме, кроме тех, что ей дали мы. Мы так много и так часто рассказывали истории про маму, что теперь они принадлежат и ей тоже. «А помнишь...» – начнет Китти и расскажет какую-нибудь историю про далекое прошлое, словно она была там и могла это помнить.

– Мама советовала мне не быть в отношениях с парнем, если я уеду в колледж. Говорила, что не хочет видеть, как я рыдаю в телефонную трубку при каждом разговоре и говорю «нет» там, где в иной ситуации сказала бы «да».

Шотландия – ее «да». Рассеянная, я отрываю кусок теста и кладу в рот.

– Сырое тесто есть вредно, – доносятся до меня слова Марго.

Я словно ее не слышу:

– Джош никогда бы не стал влиять на твое решение. Он не такой. Помнишь, когда ты хотела стать президентом студсовета? Как он руководил твоей избирательной кампанией? Он твой самый преданный фанат!

При этих словах уголки губ Марго дрогнули. Я встаю и обхватываю ее за шею. Она откидывает голову назад и улыбается мне.

– Я в порядке, – заверяет она, но я знаю правду.

– Знаешь, еще не поздно все вернуть. Ты можешь прямо сейчас пойти к нему и сказать, что передумала.

Марго качает головой:

– Лара Джин, все кончено.

Я отпускаю ее, и она закрывает свой ноутбук.

– Когда будет готова первая партия печенья? Я проголодалась.

Бросаю взгляд на магнитный таймер в форме яйца, прилепленный к холодильнику.

Еще четыре минуты. – И продолжаю, садясь на место: – Марго, мне все равно, что ты скажешь, но между вами еще не все кончено. Ты слишком сильно его любишь.

Она качает головой.

– Лара Джин... – начинает Марго снисходительным тоном, будто я ребенок, а она зрелая мудрая женщина сорока двух лет.

Я вожу ложечкой с тестом прямо перед ее носом. Сначала Марго сомневается, но затем открывает рот, и я кормлю ее с ложки как маленькую.

– Вот увидишь, вы с Джошем снова будете вместе через день, максимум два.

Но, даже говоря это, я не верю своим словам. Марго не из тех девушек, кто расстается с парнем, а потом из прихоти снова сходится с ним. Если она что-то решила, то так и будет. Без колебаний, без сожалений. Все так, как она сказала: что сделано, то сделано.

Мне очень хочется быть похожей на Марго (эта мысль посещала меня много-много раз, так часто, что и сосчитать невозможно), потому что временами кажется, что я никогда ни в чем не могу быть уверена. Позже, после того как помыла посуду, разложила печенье на тарелке и оставила ее у подушки Китти, я ушла к себе в комнату. Свет не зажигала. Подошла к окну. У Джоша все еще горел свет.

Глава 2

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, КОГДА МАРГО ЗАВАРИВАЕТ КОФЕ, а я раскладываю кашу по тарелкам, я высказываю сестре то, что беспокоило меня все это время:

– Так, просто, чтобы ты знала: папа и Китти сильно расстроятся.

Чуть раньше, когда мы с Китти чистили зубы, меня так и подмывало выложить ей все. Но сестренка все еще злится на меня после вчерашнего, и я промолчала. Китти даже не поблагодарила за печенье, хотя я знаю, что она съела его, потому что на тарелке остались одни крошки.

Марго тяжело выдыхает.

– И что, я должна остаться с Джошем ради тебя, папы и Китти?

– Нет, я просто говорю тебе то, что думаю.

– В любом случае, он все равно не так часто приходил бы сюда после моего отъезда.

Я нахмурилась. Мне даже на ум не приходило, что Джош прекратил бы заглядывать только из-за отъезда Марго. Он заходил к нам еще задолго до того, как они стали парочкой, поэтому я не понимаю, почему он перестал бы делать это сейчас.

– С чего ты взяла? – говорю я. – Он действительно любит Китти.

Марго нажимает кнопку «пуск» на кофе-машине. Я внимательно наблюдаю за ее действиями, потому что в нашей семье кофе варила всегда она, а не я. А теперь, когда Марго уезжает (уже через шесть дней), мне стоит узнать, как это делается. Не оборачиваясь ко мне, она произносит:

– Может быть, они даже и не узнают об этом...

– Хм, думаю, они догадаются, когда заметят, что он не провожает тебя в аэропорт, Гоу-Гоу. – Я дала Марго это прозвище в честь сапог для исполнения танца гу-гоу. – Сколько стаканов воды ты залила туда? И сколько ложек кофейных зерен положила?

– Я все тебе запишу, – уверяет меня Марго. – В блокнот.

У нас рядом с холодильником лежит специальная записная книжка. Естественно, это идея Марго. В ней записаны все важные телефонные номера, папино расписание, порядок, в котором надо подвозить детей в школу (пометка Китти). В общем, все самое необходимое.

– Проверь, не забыла ли ты записать номер новой химчистки, – напоминаю я.

– Уже сделано. – Марго нарезает банан ломтиками для своей каши,

каждый кусочек – идеальной толщины. – И к тому же Джош в любом случае не поехал бы с нами в аэропорт. Ты же знаешь, как я отношусь к грустным расставаниям.

Марго строит уже давно известную мне гримасу, как бы говоря: «тьфу, эти эмоции».

Уж я-то знаю.

Когда Марго решила поступать в шотландский колледж, для меня это было подобно предательству. Хотя я знала, что она всегда мечтала учиться где-нибудь далеко от дома. И, конечно же, она собиралась поступать именно в университет Шотландии и изучать там антропологию, потому что она – Марго, девушка с картами, путеводителями и планами местности. Рано или поздно она от нас все равно бы уехала.

Тем не менее, я все еще немного злюсь на нее. Совсем чуть-чуть. Понимаю, она ни в чем не виновата. Но моя старшая сестра уезжает так далеко... Мы всегда говорили, что навечно останемся девочками Сонг. Старшая – Марго, я средняя сестра, а Китти – младшая. В свидетельстве о рождении она – Кэтрин, для нас же она просто Китти. Иногда мы зовем ее Котенком, потому что я ее так назвала, когда впервые увидела. Она была похожа на тощего, бесшерстного котеночка.

Мы девочки Сонг – нас трое. Когда-то нас было четверо. Еще моя мама, Ив Сонг. Папа звал ее Иви, мы – мамочка, все остальные называли ее Ив. Сонг – фамилия мамы. Наша же – Кави. Но мы всегда были девочками Сонг, потому что мама говорила, что ее всегда так называли, и Марго решила, мы тоже должны носить эту фамилию. Да к тому же мы больше похожи на кореянок Сонг, чем на типичных американок Кави. По крайней мере, Марго и я. Китти больше похожа на папу: у нее такие же светло-каштановые волосы, как у него. Говорят, я вылитая мама, но мне кажется, что Марго, с ее высокими скулами и темными глазами, больше похожа на нее.

Прошло почти шесть лет. Иногда кажется, что только вчера мама была здесь, а иногда, что ее вовсе не было в нашей жизни, только в мечтах.

В то утро она мыла полы – натерла их до блеска, и все вокруг пахло свежестью и лимонами. На кухне зазвонил телефон, она побежала отвечать и поскользнулась. Ударилась головой об пол и потеряла сознание. Когда же мама очнулась, с ней все было в порядке. Это была короткая ремиссия. Немного позже она пожаловалась на головную боль и прилегла на кушетку отдохнуть, но так и не проснулась.

Маму нашла Марго. Ей тогда было всего двенадцать. Она обо всем позаботилась: позвонила в службу спасения 911, связалась с папой. Она

велела мне присмотреть за Китти, которой на тот момент было три года. Я включила телевизор в игровой комнате и осталась с сестренкой. Это все, чем я помогла в тот день. Не знаю, что бы я делала, если бы Марго не было рядом. Несмотря на то, что она всего на два года старше меня, я всегда равняюсь на Марго больше, чем на кого-либо другого.

Когда взрослые узнавали, что мой папа – отец-одиночка с тремя дочками, они восхищенно качали головой, задаваясь вопросом: «Как это у него получается? Как он вообще умудряется справляться со всем в одиночку?» Ответ прост – это все Марго. Она с самого начала была нашим «органайзером»: все помечено, распланировано и расставлено аккуратными, ровными рядами.

Марго хорошая девушка, и я полагаю, что мы с Китти последовали ее примеру. Я никогда не жульничала, не напивалась и не курила сигареты, я даже не встречалась с парнем. Мы часто подразываем папочку, говоря, какой он счастливчик, раз у него такие хорошие дочери. Но правда в том, что это мы счастливицы. Он действительно очень хороший отец. И старается изо всех сил. Папа не всегда понимает нас, но он старается, а это самое главное. Между нами, тремя девочками Сонг, есть негласное соглашение: сделать жизнь папы настолько легкой, насколько это возможно. Хотя, может быть и не такое уж негласное, потому что я много раз слышала, как Марго говорит: «Шшш, тише, папочка прилег вздремнуть перед тем, как ему снова придется вернуться в больницу» или «Не тревожь папу, сделай это сама».

Я спрашивала Марго, как она считает, что было бы, если бы мама не умерла. Проводили бы мы больше времени с корейскими родственниками со стороны мамы, а не только встречались с ними на День благодарения и Новый год? Или же...

Марго не видит смысла в подобных размышлениях. Такова наша жизнь: в ней нет места для «а что, если бы...». Никто никогда не сможет дать ответа. Я стараюсь, изо всех сил стараюсь, но мне сложно принять такой образ мысли. Я всегда размышляла над тем «а что если», над неизбранным путем.

Папа с Китти вместе спускаются вниз. Марго наливает папе чашку черного кофе, а я добавляю молоко в кашу Китти и пододвигаю ей тарелку. Сестренка отворачивается от меня, достает йогурт из холодильника и уносит его в гостиную, чтобы поест перед телевизором. Вывод: она все еще злится на меня.

– Сегодня я собираюсь заехать в «Костко»^[2], поэтому, девочки, составьте список покупок, – говорит папа, делая большой глоток кофе. –

Думаю, подкупить немного бифштексов «Нью-Йорк» на ужин. Мы могли бы поджарить их на гриле. Захватить один для Джоша?

Моя голова резко поворачивается в сторону Марго. Она открывает рот и тут же его закрывает. А затем произносит:

– Нет, папочка, купи только для нас четверых.

Я одариваю ее упрекающим взглядом, но она игнорирует меня. Никогда прежде не думала, что Марго может струсить, но, полагаю, что в делах сердечных нельзя предсказать, как себя поведет человек.

Глава 3

ВОТ И НАСТАЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА и наши последние дни с Марго. В целом, может быть, это и не так плохо, что они с Джошем расстались, ведь так мы сможем больше времени проводить втроем. Уверена, она продумала это. Наверняка, это было частью ее плана.

Когда мы выезжаем из нашего квартала, то замечаем пробегающего мимо Джоша. В прошлом году он занялся легкой атлетикой и теперь постоянно бегают. Китти окликает его, но окна в машине подняты, да и к тому же Джош притворяется, что не слышит ее.

– Развернись! – просит Китти Марго. – Может, он захочет пойти с нами.

– Сегодня только день девочек Сонг, – напоминаю я.

Остаток утра мы проводим в «Таргете»^[3], в последнюю минуту вспоминая, что надо купить разную мелочь, типа медово-ореховые крекеры «Чекс» в самолет, дезодорант и резинки для волос. Мы позволяем Китти везти тележку, и она выделяет свой любимый трюк: разбегается, а затем катится на тележке, словно на колеснице. Марго разрешает ей проделать это парочку раз, прежде чем заставляет остановиться, чтобы не раздражать других покупателей.

Потом мы возвращаемся домой, готовим обед: салат из курицы и зеленого винограда. Незаметно приходит время отправляться на соревнования по плаванию, в которых участвует Китти. Мы упаковываем сэндвичи из ветчины и сыра и фруктовый салат, берем ноутбук, чтобы посмотреть на нем фильмы, так как соревнования могут продлиться до глубокой ночи. Мы заранее подготовили плакат, гласящий: «Вперед, Китти, вперед!». Я нарисовала на нем собаку.

Так получилось, что папа не сможет прийти на соревнования, потому что он принимает роды, а это довольно-таки уважительная причина. (Как мы потом узнали, родилась девочка. Родители назвали ее Патриция Роуз в честь ее двух бабушек. Папа всегда узнает для меня имена. Это первое, что я обычно спрашиваю, когда он возвращается домой после родов.)

Китти настолько взволнована – она заняла два первых места и одно второе, – что забывает поинтересоваться, где же Джош, пока мы не оказываемся в машине, чтобы поехать домой. Она сидит на заднем сиденье с обмотанным вокруг ее головы полотенцем, как в тюрбане, а ее ленты победителя свисают с ушей словно сережки. Китти подается вперед и

спрашивает:

– Погодите! А почему Джош не пришел на соревнование?

Я вижу, как смутилась Марго, поэтому отвечаю за нее. Возможно, единственное, в чем я лучше старшей сестры, так это во вранье.

– Ему пришлось сегодня работать в книжном магазине, хотя он очень хотел прийти.

Марго протягивает мне руку и в благодарность слегка сжимает мою ладонь.

Выпячивая нижнюю губу, Китти говорит:

– Это было последнее соревнование! Он обещал, что придет посмотреть, как я плаваю.

– Но все случилось в последний момент, – заверяю я. – Он не смог отпроситься с работы в эту смену, потому что у одного из его коллег ЧП.

Китти понимающе кивает. Несмотря на то, что порой она ведет себя совсем как ребенок, Китти знает, что такое непредвиденные смены.

– Давайте купим по заварному мороженому^[4], – неожиданно предлагает Марго.

Китти сияет от радости, забыв о Джоше с его мнимой непредвиденной сменой.

– Да! Я хочу вафельный рожок! Можно мне вафельный рожок с двумя шариками? Хочу с мятной стружкой и козинаками. Нет, с радужным щербетом и двойной шоколадной глазурью. Нет, постой...

Я поворачиваюсь к ней.

– Ты не осилишь два шарика в вафельном рожке, – говорю я ей. – Может, ты смогла бы съесть два шарика в стаканчике, но никак не в рожке.

– Нет, я смогу. Сегодня точно смогу. *Я умираю с голоду.*

– Отлично, но если ты все не съешь, то пеняй на себя, – пугаю я, грозя пальцем, от чего она закатывает глаза и хихикает. Что же касается меня, то я всегда беру вишнево-шоколадное заварное мороженое в сахарном рожке.

Марго заезжает в автокафе, и, пока мы дожидаемся своей очереди, я говорю:

– Держу пари, у них в Шотландии нет заварного мороженого.

– Наверное, нет, – соглашается она.

– И ты не сможешь полакомиться ни одним из них до Дня благодарения, – продолжаю я.

Марго глядит прямо перед собой.

– До Рождества, – произносит она, поправляя меня. – Ты же понимаешь, на День благодарения слишком мало выходных, чтобы проделывать весь этот путь домой и обратно?

– Этот День благодарения будет отстойным, – надувает губки Китти.

Я молчу. Мы никогда не встречали День благодарения без Марго. Она всегда готовит индейку с запеченными в сливках брокколи и луком. Я делаю пироги (с тыквой и орехами пекан) и картофельное пюре. Китти же все дегустирует и накрывает на стол. Я не знаю, как запекать индейку. Придут обе наши бабушки. Нана, папина мать, любит Марго больше нас всех. Она говорит, что Китти изматывает ее, а я слишком мечтательная.

Внезапно меня охватывает чувство паники, становится трудно дышать, и даже вишнево-шоколадное заварное мороженое не спасает. Я не могу представить себе День благодарения без Марго. Даже следующий понедельник вообразить без нее не могу. Знаю, что большинство сестер не ладят между собой, но мы близки с Марго больше, чем с кем-либо в мире. Как мы можем быть девочками Сонг без одной из нас?

Глава 4

КРИС – МОЯ САМАЯ ДАВНЯЯ ПОДРУГА. Она курит, постоянно встречается с парнями, которых едва знает, и даже два раза была отстранена от школьных занятий. Однажды ей пришлось предстать перед судом из-за своих прогулов. До знакомства с ней я и не знала, что это такое. FYI^[5]: нам грозят серьезные проблемы с законом, если мы часто пропускаем школу.

Я уверена, что если бы мы с Крис встретились сейчас, то не подружались бы. Мы совершенно разные, как черное и белое. Но так было не всегда. В классе шестом Крис, как и я, предпочитала спокойствие и ночевки. Ей нравилось оставаться у меня в гостях и всю ночь смотреть фильмы Джона Хьюза. Однако к восьмому классу все изменилось: она приходила ко мне якобы с ночевкой, тайком ускользала из дома, когда мой отец засыпал, чтобы встретиться с парнями, с которыми она знакомилась в торговом центре. Они привозили ее обратно на рассвете. В такие ночи я не спала, нервничая и переживая, что Крис не успеет вернуться до пробуждения папы, но она всегда прибывала вовремя.

Она не из тех подружек, с которыми можно встречаться каждый вечер или обедать каждый день. Ее можно сравнить с уличной кошкой, которая гуляет сама по себе. Крис нельзя связать с каким-либо местом или человеком. Иногда я не вижу ее днями, а затем посреди ночи кто-то стучит в окно моей спальни, и это оказывается Крис, притаившаяся в ветвях магнолии. Я никогда не закрываю окно – на случай ее появления. Крис с Марго терпеть не могут друг друга. Моя подруга считает Марго озлобленной, Марго же думает, что Крис – двуличная. Она уверена: Крис использует меня; Крис же, в свою очередь, считает, будто Марго управляет мной. Возможно, они обе немного правы. Но вот что важно – действительно важно – мы с Крис понимаем друг друга, и не важно, что думают другие.

Крис звонит мне по дороге к нашему дому, чтобы доложить, что ее мама ведет себя как сучка, и она собирается заглянуть ко мне на пару часиков и по ходу дела интересуется, есть ли у нас еда.

Сидя в гостиной, мы с Крис доедаем из общей миски остатки клеток. В это время Марго приходит домой: она отвозила Китти на барбекю, которое устроили для команды по случаю окончания плавательного сезона.

– О, привет, – говорит она. А затем бросает взгляд на стакан диетической колы, который Крис оставила на журнальном столике, не подложив под него подставку. – Ты могла бы, пожалуйста, использовать подставку для стакана?

Как только Марго поднимается по лестнице, Крис произносит:

– Боже! Почему твоя сестра такая сучка?

Я подкладываю подставку под ее стакан.

– Ты сегодня всех так называешь.

– Потому что все они такие, – Крис закатывает глаза и громко добавляет: – Ей бы вытащить занозу из своей задницы.

Марго кричит из своей комнаты:

– Я вообще-то все слышу!

– А я и хотела, чтобы ты услышала! – кричит Крис в ответ, соскребая последний кусочек клецки.

Я вздыхаю.

– Она скоро уезжает.

Злобно посмеиваясь, Крис говорит:

– Так что, Джоши типа собирается зажигать для нее свечу каждую ночь, до тех пор пока она не вернется?

Я колеблюсь. Хотя я не уверена, тайна ли это, но наверняка Марго бы не хотела, чтобы Крис знала о ее личных делах. Я просто говорю:

– Не уверена.

– Погодь минутку. Она бросила его?! – спрашивает Крис.

Я неохотно киваю.

– Но ничего ей не говори, – предупреждаю я. – Ей все еще действительно грустно из-за этого.

– Марго? Грустно? – Крис ковыряет свои ногти. – Твоей старшей сестренке не присущи нормальные человеческие чувства, как всем остальным.

– Ты просто ее не знаешь, – говорю я. – Кроме того, не могут же все быть такими, как ты.

Она ухмыляется, будто скалится. У нее острые резцы, из-за которых она всегда кажется немного голодной.

– Это верно.

Крис – неиссякаемый источник эмоций. Она шумит без причины. Подруга говорит, что иногда нужно открыто показывать свои чувства, а иначе они постепенно отравят организм. На днях Крис накричала на даму в продуктовом магазине, потому что бедняжка нечаянно наступила ей на ногу. Не думаю, что моей подружке грозит эмоциональное отравление.

– Просто не могу поверить, что через несколько дней она уедет, – говорю я, внезапно всхлипывая.

Лара Джин, она же не *умирает*. Нет причин плакать. – Крис тянет болтающийся шнурок своих красных шорт. Они настолько короткие, что, когда она сидит, можно увидеть ее нижнее белье. Которое тоже красное, чтобы гармонировало с шортами. – На самом деле, я считаю, что это к лучшему. Пора бы тебе заняться своими собственными делами и перестать слушать все то, что говорит Королева Марго. Это твой предпоследний год, сучка, в котором должно все измениться в лучшую сторону. Охмуряй парней, отрывайся, поживи хоть немного.

– Я живу достаточно, – отвечаю я.

– Ага, как в доме престарелых, – Крис похихикивает, и я пристально смотрю на нее.

Марго начала волонтерскую деятельность в Пенсионном сообществе Бельвью, когда получила водительские права. Ее работа заключалась в том, чтобы организовывать вечеринки для членов этого сообщества. Иногда и я ей помогала. Мы подавали арахис и разливали напитки, и Марго играла на пианино, но, как правило, Сторми прибирала его к рукам. Сторми – дива Бельвью. Она правит всем балом. Мне нравится слушать ее рассказы. Но мисс Мэри тоже хороша, возможно, она не так ловка в беседе из-за ее слабоумия, зато научила меня вязать.

Теперь у них есть новый волонтер, но я-то знаю: чем больше их в Бельвью, тем веселее, потому что у большинства обитателей очень мало посетителей. Мне нужно будет вскоре вернуться к этому занятию, я скучаю по поездкам туда. И, естественно, мне не нравится, что Крис над этим смеется.

– Те люди в Бельвью прожили жизни полнее, чем все, кого мы знаем вместе взятых, – говорю я ей. – Есть одна дама, Сторми, она была девушкой из Объединенной Организации Военной Службы! Она, бывало, получала по сотне писем в день от влюбленных в нее солдат. И был один солдат, потерявший ногу, – он послал ей бриллиантовое кольцо!

Внезапно у Крис проснулся интерес.

– Она оставила его?

Оставила, – говорю я. Думаю, было неправильно с ее стороны оставлять кольцо себе, поскольку у нее не было намерений выходить за парня замуж, но она показала его мне, и оно было прекрасно. С розовым бриллиантом, очень редким. Готова поспорить, теперь оно стоит намного дороже.

– Полагаю, Сторми – еще та штучка, – произносит Крис с завистью.

– Ты могла бы пойти со мной в Бельвью как–нибудь, – предлагаю я. – Мы бы заглянули к ним во время коктейля. Мистер Перелли обожает танцевать с новенькими девушками. Он научит тебя фокстроту.

Крис стряпает ужасную гримасу, словно я предложила ей пойти тусоваться на городской свалке.

– Нет, спасибо. А как насчет того, что я возьму *тебя* на танцы? – она кивает подбородком в сторону лестницы. – Теперь, когда твоя сестра уезжает, мы можем реально повеселиться. Ты же знаешь, я всегда развлекаюсь.

Это верно, Крис вечно развлекается. Порой даже слишком много.

Глава 5

В НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ МАРГО мы все втроем помогаем упаковывать последние мелочи в ее комнате. Китти аккуратно и красиво складывает ваннские принадлежности в чистый контейнер для душа. Марго пытается решить, какую верхнюю одежду взять.

– Куртку и пуховик или только куртку? – спрашивает она меня.

– Куртку, – отвечаю я. – Она подойдет к любому случаю.

Я лежу на кровати и руковожу процессом.

– Китти, убедись, что колпачок лосьона хорошо закрыт.

– Он же абсолютно новый – разумеется, он хорошо закрыт! – бубнит Китти, но все равно перепроверяет.

– В Шотландии холодает раньше, чем здесь, – размышляет Марго, сворачивая пуховики и укладывая их в чемодан сверху. – Думаю, я все-таки возьму оба.

– Зачем тогда спрашивать, если уже решила, – удивляюсь я. – Кроме того, я думала, что ты приедешь домой на Рождество. Ты же приедешь на Рождество, верно?

– Да, если ты перестанешь ныть, – отвечает Марго.

По правде говоря, она собрала мало вещей. Ей нужно совсем немного. Если бы я собиралась, то упаковала бы всю свою комнату. Но Марго не такая. В ее комнате ничего не изменилось, ну, почти ничего.

Марго сидит рядом со мной, Китти подползает и присаживается в изножье кровати.

– Все меняется, – произношу я, вздыхая.

Марго морщится и обхватывает меня руками.

– Ничего не меняется, по крайней мере, не совсем. Мы же девочки Сонг навечно, помнишь?

Отец стоит в дверях. Он стучится, хотя дверь открыта, и мы его прекрасно видим.

– Я начну загружать вещи в машину, – заявляет он. Мы с постели наблюдаем, как папа спускает вниз один чемодан, а затем приходит за другим. Он иронично добавляет:

– Ах, нет, что вы, не вставайте! Не утруждайте себя!

– Не беспокойся, мы не будем, – вторим мы.

Всю прошедшую неделю папа пребывал в весенне-очистительном режиме, хотя сейчас вовсе не весна. Он избавился от всего: хлебопечки,

которой мы никогда не пользовались, CD-дисков, старых одеял, маминой старой пишущей машинки. Все это отправится в Гудвил. Психиатр наверняка увидел бы связь между этой уборкой и отъездом Марго, но я не могу дать точное значение происходящего. Что бы то ни было – это раздражает. Мне дважды пришлось отгонять его от своей коллекции хрустальных единорогов.

Я опускаю голову на колени Марго.

– Ну, ты действительно приедешь домой на Рождество, правда?

– Правда.

– Жаль, что я не могу поехать с тобой, – дует губки Китти. – Ты лучше Лары Джин.

Я щипаю ее.

– Видишь? – злорадствует она.

– Лара Джин будет милой, – говорит Марго, – если ты будешь хорошо себя вести. И вам обоим придется позаботиться о папе. Следите, чтобы он не работал слишком много по субботам. И чтобы не забыл отвезти машину на техосмотр в следующем месяце. Да, и еще купите фильтры для кофе – вы вечно забываете про них.

– Так точно, сержант-инструктор, – хором отвечаем мы.

Я стараюсь найти признаки печали, страха или беспокойства на лице Марго, хоть какой-нибудь знак того, что ей страшно уезжать так далеко и что она будет так же сильно скучать по нам, как и мы по ней. Но не нахожу их.

Этой ночью мы все вместе спим в комнате Марго.

Китти как всегда засыпает первой. Я лежу в темноте возле нее с открытыми глазами. Не могу уснуть. Мысль, что завтра ночью Марго не будет в этой комнате, сильно расстраивает меня, это просто невыносимо. Больше всего на свете ненавижу перемены.

В темноте Марго спрашивает:

– Лара Джин... Ты когда-нибудь была влюблена? Любила по-настоящему?

Она застала меня врасплох. У меня нет для нее готового ответа. Я пытаюсь что-нибудь придумать, но она продолжает:

– Жаль, что я была влюблена только один раз. Считаю, в старшей школе ты должна влюбиться минимум дважды.

Затем она тихонько вздыхает и засыпает. Вот так засыпает Марго: один мечтательный вздох, и она уже в стране грез. У нее все так просто.

Я просыпаюсь посреди ночи. Марго рядом нет. Китти лежит на боку,

свернувшись калачиком возле меня. Стоит крошечная тьма, и только лунный свет просачивается сквозь занавески. Я выползаю из постели и подхожу к окну. У меня перехватывает дыхание. Вот они: Джош с Марго стоят на подъездной дорожке. Марго смотрит на луну, а не на Джоша. Он плачет. Они не касаются друг друга. Между ними достаточно места. Ясно, что Марго не передумала.

Я опускаю занавески и пробираюсь обратно к кровати, на которой Китти уже перекатилась в центр. Я отодвигаю ее обратно на несколько сантиметров так, чтобы хватило места и для Марго. Мне жаль, что я увидела их там. Этот момент был слишком личным, слишком реальным и касался только их двоих. Если был бы способ «развидеть» это, я бы им воспользовалась.

Я переворачиваюсь на бок и закрываю глаза. Вот как должно быть, когда ты настолько сильно нравишься парню, что он плачет из-за тебя. А это не просто какой-то парень. А Джош. Наш Джош.

Я знаю ответ на вопрос Марго. Да. Думаю, я была по-настоящему влюблена. Хотя только раз. В Джоша. Нашего Джоша.

Глава 6

А ВОТ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МАРГО И ДЖОШ стали встречаться. Как это ни странно, об этом я впервые узнала именно от Джоша.

Это началось два года назад. После школы мы сидели в библиотеке. Я делала домашнюю работу по математике, а Джош помогал, потому что он всегда был силен в ней. Мы сидели, склонив головы над страницей, настолько близко друг к другу, что я могла ощущать запах мыла, которым он пользовался этим утром. Ирландская Весна.

Вдруг Джош произнес:

– Мне нужно кое в чем посоветоваться с тобой. Мне нравится одна девушка.

На долю секунды я подумала, что он намекает на меня. Решила, что собирается признаться мне в своих чувствах. Надеюсь на это. Было начало учебного года. А в августе мы почти каждый день проводили вместе с Джошем, иногда еще и с Марго, но в основном только вдвоем, потому что у сестры три дня в неделю была стажировка на плантации Монтпилиер. Мы много купались, и к концу лета у меня появился прекрасный бронзовый загар. Так что на долю секунды я подумала, что он собирался произнести мое имя.

Но затем я увидела, как он смутился, покраснел и уставился куда-то в пустоту, и я поняла: причина не во мне.

Я мысленно пробежалась по списку возможных девушек. Он оказался очень коротким. Джош никогда не тусовался с толпами девчонок. У него был один лучший друг – Джерси Майк, который переехал из Нью– Джерси, и еще один, Бен. Кажется, все.

В списке «потенциальных возлюбленных» была Эшли, из команды по волейболу. Он однажды выделил ее, как самую симпатичную из всех младшекласниц. По правде говоря, я заставила его это сделать, попросив назвать по самой красивой девушке из каждого класса. Самой привлекательной девятиклассницей (на то время я была в девятом классе) он назвал Женевьеву. Не то, чтобы я была сильно удивлена, но все же в моем сердце что-то неприятно кольнуло.

Еще это могла быть Джоди, студентка из книжного магазина. Джош часто говорил, что она умна и очень образованна (она училась в Индии и теперь была буддисткой). Ха! А ведь я была наполовину корейкой, я научила Джоша есть палочками. Именно у меня дома он впервые

попробовал кимчи^[6].

Я собиралась спросить его, кто же эта счастливица, когда подошла библиотекарь и шикнула на нас. Потом мы снова вернулись к написанию домашки, и Джош больше не поднимал эту тему.

Честно говоря, мне и не хотелось знать. Этой девушкой точно была не я, остальное меня не заботило.

Я даже не могла представить, что Марго была той, которая ему нравилась. Не то чтобы я не рассматривала ее как девушку, которая могла бы ему приглянуться. Ее и раньше приглашали на свидания, но только парни определенного типа: умные ребята, которые могли бы быть ее напарниками по химии и соперничать с нею за звание главы студсовета. Наверное, не так уж и удивительно, что Джошу понравилась Марго, ведь он того же поля ягода.

Если кто-нибудь попросил бы меня описать Джоша, я бы сказала: самый обыкновенный. Он похож на ребят, которые (весьма предсказуемо) хорошо разбираются в компьютерах, называют комиксы графическими романами и все в таком духе. У него самые обычные каштановые волосы. Без какого-либо примечательного оттенка или отлива. Самые обычные зеленые глаза, слегка замутненные в центре. Джош худой, но сильный. Уж поверьте, я знаю, потому что однажды я вывихнула лодыжку на старом бейсбольном поле, и он нес меня на спине всю дорогу домой. У него есть веснушки, из-за которых он выглядит моложе. И ямочка на левой щеке. Мне всегда нравилась эта ямочка. Без нее у него было бы слишком серьезное лицо.

Вот что удивительно, даже шокирующе – Марго ответила ему взаимностью. Это необычно не из-за того, что с Джошем что-то не так, просто нужно знать характер Марго. Я никогда не слышала о том, чтобы она когда-нибудь говорила о понравившемся ей парне, ни разу. Я, например, взбалмошная болтуня, как бы назвала меня моя «белая» бабушка. Марго не такая. Марго всегда была выше этого. Она обитала на некой высокой плоскости, где подобные вещи: мальчишки, косметика, шмотки – не имели никакого значения.

... Это произошло внезапно. В тот октябрьский день Марго поздно вернулась из школы – она работала над проектом. Ее щеки были розовыми от холодного горного воздуха, волосы заплетены в косу, а вокруг шеи был обмотан шарф. Было обеденное время, я приготовила курицу с пармезаном и спагетти в томатном соусе.

Она пришла на кухню и объявила:

– Я должна вам кое-что сказать.

Ее глаза ярко блестели. Помню, что она разматывала с шеи шарф.

Китти делала домашнюю работу за кухонным столом, папа был еще на пути домой, а я помещивала соус.

– Что? – хором спросили мы.

– Я нравлюсь Джошу. – Марго довольно пожала плечами, едва не достав ими до ушей.

Я замерла. А затем уронила деревянную ложку в соус.

– Джошу? Джошу?! Нашему Джошу? – Я даже смотреть на нее не могла. Боялась, она что-то заметит.

– Да. Он подождал меня сегодня после школы, чтобы признаться. Он сказал... – Марго печально улыбнулась. – Он сказал, что я девушка его мечты. Вы можете в это поверить?

– Вау, – произнесла я, пытаюсь выразить счастье в этом слове, но не знаю, прозвучало ли оно именно так. Все, что я ощущала, – отчаяние. И зависть. Зависть настолько черную и сильную, что казалось, я задыхаюсь. Потому я попыталась снова, но на этот раз с улыбкой: – Ух ты, Марго.

– Вау, – отозвалась эхом Китти. – Итак, вы теперь пара?

Я затаила дыхание, ожидая ее ответа.

Марго пальцами взяла щепотку пармезана и забросила ее в рот.

– Да. Думаю, что так. – А потом она улыбнулась, и ее глаза стали нежными и ясными. И тогда я поняла, что он ей тоже нравится. Очень сильно.

В тот вечер я написала Джошу письмо.

«Дорогой Джош...»

Я много плакала. Вот так легко рухнули мои мечты. Для меня все закончилось, так и не начавшись. Важно было не то, что Джош выбрал Марго. А то, что Марго выбрала его.

Вот так оно и было. Я выплакала все глаза, написала письмо и успокоилась. И с тех пор я больше о нем не думала в этом плане. Им с Марго суждено было быть вместе. Они – СДДД. Созданы друг для друга.

Когда Марго возвращается обратно в постель, я еще не сплю, но быстро закрываю глаза и притворяюсь спящей. Китти свернулась клубочком возле меня.

Я слышу всхлипывающий звук и краем глаза поглядываю на Марго. Она лежит к нам спиной, ее плечи трясутся. Она плачет.

Марго никогда не плачет.

Теперь, когда я вижу рыдающую Марго, я уверена, больше чем когда-либо, – между ними еще не все кончено.

Глава 7

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ МЫ ВЕЗЕМ МАРГО В АЭРОПОРТ. Мы загружаем ее чемоданы на тележку для багажа, Китти пытается забраться наверх и потанцевать, но папа тут же стягивает ее. Марго настаивает на том, чтобы пойти дальше одной, как она и собиралась сделать.

– Марго, разреши мне хотя бы отвезти твои сумки на регистрацию, – говорит папа, стараясь обойти ее вокруг. – Хочу посмотреть, как ты проходишь досмотр.

– Со мной все будет хорошо, – в сотый раз уверяет она. – Я и раньше летала. И знаю, как сдавать багаж. – Она встает на цыпочки и обнимает папу за плечи. – Я позвоню, как только доберусь, обещаю тебе.

– Звони каждый день, – шепчу я. Ком в горле становится больше, и несколько слезинок стекают по щекам. Я надеялась, что не буду плакать, потому что знала, что Марго точно не будет, а одной плакать – одиноко, но я ничего не могу с собой поделать.

– Не смей забывать нас, – предупреждает Китти.

Ее слова заставляют Марго улыбнуться.

– Я бы никогда не смогла. – Она еще раз обнимает нас по очереди. Меня же оставляет напоследок, как я и предполагала. – Позаботься хорошенько о папе с Китти. Теперь ты за все отвечаешь.

Я не хочу ее отпускать, поэтому крепко обнимаю. Я все еще надеюсь и жду какого-нибудь признака, некого намека на то, что она будет скучать по нам так же сильно, как и мы по ней. Она смеется, и я отпускаю ее.

– Пока, Гоу-Гоу, – говорю я, вытирая глаза краешком рубашки.

Мы все наблюдаем, как она толкает багажную тележку к стойке регистрации. Я плачу навзрыд, утирая слезы тыльной стороной руки. Папа одной рукой обнимает меня, а другой – Китти.

– Мы подождем, пока она не встанет в очередь на досмотр, – говорит он.

Когда Марго проходит регистрацию, она оборачивается и смотрит на нас сквозь стеклянные двери. Поднимает руку и машет, а затем направляется к линии досмотра. Мы глядим ей вслед, надеясь, что она обернется еще разок, но она не оглядывается. Она уже, кажется, так далеко от нас. Круглая отличница, вечно самостоятельная. Когда придет мое время уезжать, сомневаюсь, что я буду такой же сильной, как Марго. Но, откровенно говоря, кто вообще может быть настолько сильным?

Я плачу всю дорогу домой. Китти говорит, что я еще больший ребенок, чем она, но потом с заднего сиденья она хватается мою руку и сжимает. И я знаю, ей тоже грустно.

Даже несмотря на то, что Марго не была шумной, дома совсем тихо. Как-то пусто. Каково будет, когда через два года уеду я? Что будут делать папа с Китти? Мне ненавистна мысль о том, как они вдвоем возвращаются в пустой, мрачный дом, где нет ни меня, ни Марго. Может быть, я уеду недалеко и даже буду жить дома, по крайней мере, первый семестр. Думаю, так было бы правильнее.

Глава 8

ПОЗЖЕ ДНЕМ ЗВОНИТ КРИС И ПРЕДЛАГАЕТ ВСТРЕТИТЬСЯ в торговом центре. Она хочет посоветоваться по поводу кожаной куртки, а чтобы достичь полного эффекта, я должна увидеть ее лично. Я горжусь тем, что она спрашивает моего совета, да и рада просто выбраться из дома, отвлечься и не грустить. Но я нервничаю по поводу того, что мне придется ехать в торговый центр одной. По правде говоря, я (да и другие) посчитали бы меня пугливым водителем.

Я спросила Крис, может ли она просто прислать фотографию, но подруга слишком хорошо меня знает. Она ответила:

– Не-а. Лара Джин, тащи свою задницу сюда. Ты никогда не станешь лучше водить, если не смиришься и не перестанешь бояться.

Так что сейчас я еду на машине Марго в торговый центр. Не то чтобы у меня не было прав, просто я очень неуверенно чувствую себя за рулем. Папа множество раз давал мне уроки вождения, да и Марго тоже. С ними в автомобиле я чувствую себя хорошо, но нервничаю, когда езжу одна. Больше всего меня пугает та часть дороги, где нужно менять полосу. Мне не нравится отрывать взгляд от происходящего прямо передо мной. Даже на секунду. А еще я не люблю ездить слишком быстро.

Но самое худшее – у меня есть привычка теряться. Единственные места, куда я могу абсолютно уверенно доехать, – школа и магазин. Я никогда не забывала дорогу до торгового центра, потому что нас отвозила туда Марго. Но теперь мне надо постараться, потому что ответственность за Китти лежит на мне. Хотя, по правде говоря, она лучше ориентируется, чем я, и знает, как доехать до многих мест. Слышать от младшей сестры наставления по поводу маршрута я не желаю. Мне хочется ощущать себя старшей. Хочется, чтобы сестренка расслабилась на пассажирском сиденье, уверенная, что Лара Джин отвезет ее туда, куда ей нужно, точно так же, как я чувствовала себя с Марго.

Конечно, можно было бы воспользоваться GPS, но я почувствовала бы себя глупо и неловко, следуя маршруту до торгового центра, где была миллион раз. Это должно было прийти ко мне интуитивно, легко, о чем я даже не задумывалась. Вместо этого я переживаю из-за каждого поворота, предугадывая каждый дорожный знак – это север или юг? Мне надо повернуть направо здесь или на следующем повороте? Мне никогда не приходилось обращать на это внимание.

Но сегодня все идет хорошо. Я слушаю радио, подтанцовывая под музыку, и даже веду машину только одной рукой, чтобы симулировать уверенность, потому что чем больше притворяешься, тем скорее ты сам поверишь.

Все идет так хорошо, что я выбираю короткий путь вместо основного. Срезав через примыкающий квартал, тут же задаюсь вопросом: «А было ли это такой уж гениальной идеей?». Через пару минут все выглядит не таким уж и знакомым, и я понимаю, что должна была свернуть налево, а никак не направо. Пытаясь заглушить панику, поднимающуюся в моей груди, я стараюсь вернуться прежним путем.

«Ты сможешь сделать это, у тебя все получится».

Впереди четырехсторонний знак «стоп». Не замечая никого, мчусь дальше. Я даже не обращаю внимания на машину, едущую на меня справа, но чувствую ее, прежде чем заметить. Я неистово ору. Во рту ощущается привкус меди. У меня кровь? Я откусила язык? Дотрагиваюсь до него, он все еще на месте. Сердце бешено бьется, все тело становится влажным и липким. Я стараюсь сделать глубокий вздох, но, кажется, будто мне не хватает воздуха.

У меня трясутся ноги, когда я выбираюсь из машины. Водитель из другого автомобиля уже вышел, осматривает свою машину со скрещенными на груди руками. Он седой, явно старше моего папы, одет в шорты с красными омарами. Его автомобиль в порядке, у моего же огромная вмятина на боку.

– Разве ты не видела знак «стоп»? – спрашивает он. – Эсэмэски писала, да?

Я качаю головой. Горло сжало. Не хочу расплакаться. Пока я не плачу... По-видимому, он увидел мое состояние. Морщинка раздражения на его лбу смягчилась.

– Ну, с моей машиной, похоже, все нормально, – неохотно говорит он. – Ты-то в порядке?

Я киваю.

– Мне очень жаль, – произношу я.

– Детям нужно быть более осторожными, – заявляет он, не замечая моих извинений.

Комок в горле становится больше.

– Я очень-очень сожалею, сэр.

Он издает звук, похожий на хрюканье.

– Тебе бы позвонить кому-нибудь, чтобы за тобой приехали, – говорит мужчина. – Хочешь, я подожду?

– Нет, спасибо. – А что если он серийный убийца или растлитель малолетних? Я не хочу оставаться наедине с незнакомым человеком.

И затем он уезжает.

Как только мужчина уехал, мне пришло на ум, что, возможно, нам следовало вызвать полицию, пока он был здесь. Разве не нужно всегда вызывать полицию, когда попадаешь в аварию? Уверена, в автошколе об этом говорили. Итак, еще один мой промах.

Я усаживаюсь на бордюр и пялюсь на свою машину. Всего два часа за рулем, а уже умудрилась попасть в аварию! Я опускаю голову на колени и сижу, сжавшись в комок. Начинает болеть шея. Нервы не выдержали, и я разрыдалась. Папа точно не будет счастлив. Марго тоже не обрадуется. Оба наверняка скажут, что не стоит мне разъезжать по городу без присмотра. И возможно будут правы. Вождение автомобиля – это огромная ответственность. Может быть, я еще не готова к этому. А может быть, никогда не буду готова. Возможно, даже когда я состарюсь, сестрам или папе придется возить меня, потому что я такая бестолковая.

Я вытаскиваю телефон и звоню Джошу. Когда он снимает трубку, я говорю:

– Джош, можешь сделать мне од-од-одолжение? – Мой голос так сильно дрожит, что мне неловко.

Конечно же, он это заметил, ведь это Джош. Он сразу же напрягается и спрашивает:

– Что случилось?

– Я только что попала в автомобильную аварию и даже не знаю, где нахожусь. Можешь приехать и забрать меня? – я трясусь.

– Ты ранена? – спрашивает Джош.

– Нет, со мной все в порядке. Я просто... – Если я скажу еще слово, то разревусь.

– Какие видишь уличные знаки? Какие магазины?

Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть.

– Фальстон, – отвечаю я и высматриваю ближайший почтовый ящик. – Я на Фальстон Роуд, 8109.

– Я уже еду. Хочешь, чтобы я оставался на связи?

– Да нет, все нормально. – Я кладу трубку и начинаю плакать.

Не знаю, как долго я сижу и плачу, но еще один автомобиль подъезжает и останавливается передо мной. Поднимаю глаза. Это черный «Ауди» с тонированными стеклами – машина Питера Кавински. Стекло автомобиля опускается.

– Лара Джин? С тобой все в порядке?

Я киваю головой и показываю ему, чтобы он ехал дальше. Питер снова закрывает окно, и мне кажется, что он действительно собирается уезжать, но затем он съезжает на обочину и паркуется. Питер выходит и начинает осматривать мою машину.

– Ты реально лажанулась, – говорит он. – Ты хоть записала страховую информацию другого водителя?

– Нет, с его машиной все было в порядке, – я украдкой вытираю рукой щеки. – Это моя вина.

– У тебя есть «Тройное А»^[7]?

Я киваю.

– И ты им уже позвонила?

– Нет. Но я позвала приятеля.

Питер садится рядом со мной.

– Как долго ты уже сидишь здесь и плачешь?

Я поворачиваю голову и снова вытираю лицо.

– Я не плачу.

Когда-то мы с Питером Кавински были друзьями, до того как он стал *Кавински*. Раньше его звали просто – Питер К. В средних классах у нас была целая банда. Среди мальчиков были Питер Кавински, Джон Амброуз Маккларен и Тревор Пайк. Девочки – Женестьева, я и Элли Фельдман, которая жила кварталом ниже, ну и иногда к нам примыкала Крис. Раньше Женестьева жила в двух улицах от меня. Забавно, как в детстве дружба зависит от близости. Например, кто является твоим лучшим другом, напрямую связано с тем, насколько близко расположены ваши дома; или то, с кем ты сидишь рядом на музыке, – от того, настолько близко стоят ваши имена в алфавите. Вот такая игра случая. В восьмом классе Женестьева переехала в другой квартал, мы оставались еще какое-то время друзьями. Она приезжала потусить с нами, но все стало совсем по-другому. В старшей школе Женестьева затмила нас всех. Она все еще дружила с мальчиками, но команда девочек распалась. Мы с Элли оставались друзьями до тех пор, пока она тоже не переехала в прошлом году. В последнее время мы чувствовали себя немножко униженно, словно были двумя корочками хлеба и составляли сухой бутерброд.

Больше мы не дружим. Ни с Женестьевой, ни с Питером. Вот почему так странно сидеть рядом с ним на обочине, словно с того времени ничего не изменилось.

Звонит телефон, и Питер достает его из кармана.

– Я должен ехать.

Я фыркаю.

– Куда направляешься?

– К Джен.

– Тогда тебе лучше стартовать, – говорю я. – Женевьева будет в ярости, если ты опоздаешь.

Питер издает пренебрежительное «пфф», но молниеносно встает. Интересно, как это – иметь так много власти над парнем. Не думаю, чтобы хотела этого. Такая ответственность – держать чье-то сердце в своих руках. Он садится в машину, но оборачивается и спрашивает, словно ему только приходит в голову:

– Хочешь, чтобы я позвонил «Тройной А» вместо тебя?

– Да нет, все нормально, – отвечаю я. – Хотя спасибо, что остановился. Очень мило с твоей стороны.

Питер улыбается. Помню эту черту его характера – он любит, когда его хвалят.

– Теперь ты чувствуешь себя лучше?

Я киваю. Я на самом деле чувствую себя лучше.

– Хорошо, – говорит он.

Питер словно красавчик из прошлого. Он мог бы быть удалым солдатом Первой Мировой войны, настолько привлекательным, что любая девушка годами ждала бы его возвращения с войны, а может – и вечность. Он носил бы красную школьную куртку^[8], разъезжал на «Корвете» с опущенным верхом с одной рукой на руле и ехал бы к своей девушке, чтобы забрать ее на танцы. Физическая привлекательность Питера больше относится ко вчерашнему дню, чем к сегодняшнему. В нем есть что-то такое, что нравится девушкам.

Он подарил мне первый поцелуй. Так странно думать об этом сейчас. Словно прошла вечность, но на самом деле это было всего четыре года назад.

Примерно через минуту появляется Джош. Я пишу эсэмэску Крис, что не приеду, и встаю с обочины.

– Ты так долго!

– Ты же мне сказала 8109! А это – 8901!

Я с уверенностью говорю:

– Нет, я точно называла 8901.

– Да нет же, ты определенно сказала 8109. И почему ты не отвечала на телефон? – Джош выходит из машины. Когда он видит помятый бок моего автомобиля, у него отвисает челюсть. – Черт возьми! Ты уже позвонила в «Тройной А»?

– Нет. Позвони ты?

Джош соглашается, а потом мы садимся в его машину и ждем, прохладжаясь под кондиционером. Я почти забралась на заднее сиденье, когда вспомнила: Марго здесь больше нет. Я так много ездила в машине Джоша, не думая, что мне хоть раз удастся посидеть на переднем сиденье. На месте Марго.

– Э-э-э... Понимаешь, что Марго тебя убьет?

Я так быстро поворачиваю голову, что волосы хлещут по щекам.

– Марго не должна знать, поэтому не говори ей ни слова!

– Стал бы я с ней вообще разговаривать? Мы расстались, помнишь?

Я хмуро смотрю на него.

– Ненавижу, когда люди так говорят – ты их просишь держать что-либо в тайне, а вместо того, чтобы ответить «да» или «нет», они говорят: «А кому мне рассказывать?».

– Я не говорил «А кому мне рассказывать?»!

– Просто скажи «да» или «нет», и все! Не надо условных наклонений.

– Я ничего не расскажу Марго, – произносит он. – Это останется только между мной и тобой. Обещаю. Так пойдет?

– Пойдет, – отвечаю я. А потом в салоне становится тихо, мы оба молчим, слышно только жужжание работающего кондиционера.

Меня начинает подташнивать при мысли о том, что мне придется сообщить об аварии папе. Может быть, следует преподнести ему эту новость со слезами на глазах, чтобы ему стало меня жалко. Или я могла бы сказать что-нибудь типа: «У меня есть хорошая новость и плохая. Хорошая – со мной все в порядке, на мне ни царапины. Плохая же – машина разбита». Возможно, «разбита» не совсем верное слово.

Я мысленно подбираю правильное слово, когда Джош говорит:

– Правильно ли я понимаю, что из-за того, что мы с Марго расстались, ты не собираешься разговаривать со мной, как раньше? – Джош произносит это шутливо-горько или горько шутя, если есть такое сочетание.

Я изумленно на него смотрю.

Не глупи! Конечно же, я все равно буду с тобой разговаривать. Просто не на публике. – С ним я разыгрываю роль вредной маленькой сестры. Как будто я такая же, как и Китти. Словно между нами нет года разницы. Джош не улыбается, он выглядит угрюмым, поэтому я стучаюсь своим лбом об его. – Это была шутка, дурачок!

– Она говорила тебе, что собиралась это сделать? Я имею в виду, планировала ли она это? – Когда я медлю с ответом в нерешительности, он добавляет: – Ну же. Я знаю, она все тебе рассказывает.

– Не совсем. Не на этот раз, во всяком случае. Джош, честно. Я ничего

не знала об этом. Клянусь тебе, – я подношу руку к сердцу.

Он переваривает сказанное, кусая нижнюю губу. Затем спрашивает:

– Может быть, она передумает. Такое возможно, правда?

Не знаю, окажется ли с моей стороны более бессердечно ответить «да» или «нет», потому что в любом случае ему будет больно. И хотя я на девяносто девять целых и девять десятых процента уверена, что она к нему вернется, все же есть крошечный шанс, что этого не произойдет. Мне не хочется вселять в него надежду. Поэтому я ничего не говорю.

Он сглатывает, его кадык дергается вверх-вниз.

– Нет. Если Марго приняла решение, то она не пойдет на попятную.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только не плачь», – мысленно молю я. Я кладу голову ему на плечо и говорю:

– Никогда не знаешь, что случится в следующую секунду, Джоши.

Джош смотрит прямо перед собой. Белка спует по большому дубу во дворе. Вверх и вниз, и опять вверх. Мы оба наблюдаем за ней.

– В котором часу она приземляется?

– Через несколько часов.

– Она... она приедет домой на День благодарения?

Нет. Они не отдыхают на День благодарения. Джош, это же Шотландия. Алло, они не отмечают американские праздники! – вновь поддразниваю я, хотя мое сердце сейчас не лежит к этому.

– Верно, – отвечает он.

Я говорю:

– Хотя она будет дома на Рождество, – мы оба вздыхаем.

– Я все еще могу тусоваться с вами? – спрашивает меня Джош.

– Со мной и Китти?

– И с твоим папой тоже.

– Мы никуда не денемся от тебя, – заверяю я его.

Джош успокаивается.

– Хорошо. Было бы невыносимо потерять и вас тоже.

Как только он это произносит, мое сердце замирает, и я забываю, что надо дышать. И всего на одну эту секунду у меня кружится голова. А затем так же быстро, как и появилось – чувство, странный трепет в груди, – все исчезает. Пребывает эвакуатор.

Когда мы подъезжаем к моему дому, Джош спрашивает:

– Хочешь, чтобы я был с тобой, когда будешь рассказывать отцу?

Я оживляюсь, но потом вспоминаю слова Марго, что теперь я за все отвечаю. Уверена, брать ответственность за свои ошибки – и есть часть того, чего хотела от меня сестра.

Глава 9

В ИТОГЕ, ПАПА НЕ ТАК УЖ И ЗЛИТСЯ НА МЕНЯ. Я выбалтываю ему все хорошие и плохие новости за раз, на что он просто вздыхает и говорит:

– Ну, хотя бы с тобой все в порядке.

После аварии для машины требуется специальная деталь, которую должны доставить из Индианы или Айдахо, не могу вспомнить точно откуда. А пока мне придется делить автомобиль с папой, ездить в школу на автобусе или просить Джоша подвезти меня, что я и собираюсь сделать.

Вечером, когда мы с Китти смотрим телевизор, звонит Марго. Я зову папу. Мы сидим на диване и передаем телефон по кругу, каждый говорит с ней по очереди.

– Марго, угадай, что сегодня приключилось! – выкрикивает Китти.

Я яростно мотаю головой. «Не рассказывай ей о машине», – произношу я одними губами и одариваю ее предупреждающим взглядом.

– Лара Джин... – Китти загадочно замолкает, – ...поругалась с папой. Да, она вредничала, а папа заставил ее быть милой. Вот так они поссорились.

Я выхватываю телефон из рук сестры.

– Гоу-гоу, мы не поругались. Китти просто издевается.

– Что у вас, ребят, на ужин? Вы приготовили курицу, которую я вчера вечером разморозила? – спрашивает Марго. Ее голос звучит так отдаленно.

Я прибавляю громкость на телефоне.

– Да, не беспокойся об этом. Ты уже заселилась в комнату? Она большая? Кто твоя соседка?

– Соседка милая. Она из Лондона, и у нее очень необычный акцент. Ее зовут Пенелопа Сент Джордж– Диксон.

– Боже, у нее даже имя звучит необычно, – говорю я. – А что насчет твоей комнаты?

– Комната примерно такая же, как и в общежитии в университете Вирджинии. Но древнее.

– Сколько сейчас там времени?

– Уже почти полночь. У нас время на пять часов вперед, помнишь?

«У нас время на пять часов вперед». Словно она уже считает Шотландию своим домом, а ее всего лишь день не было, да и то не целый.

– Мы уже соскучились по тебе, – говорю ей я.

– Я тоже по вам скучаю.

После ужина я пишу Крис, интересуясь, хочет ли она заглянуть ко мне, но подруга не отвечает. Возможно, она гуляет с одним из тех парней, с которыми постоянно знакомится. Это мне даже на руку. Мне нужно заняться скрапбукингом.

Я надеялась доделать альбом Марго, прежде чем она уедет в колледж. Но любой, кто когда-либо занимался скрапбукингом^[9], знает – Рим не один день строился. Можно потратить год или более, работая над одним–единственным альбомом.

В комнате играет музыка девчачьей группы Мотаун. Вокруг меня полукругом разложены все принадлежности: дырокол в виде сердца, листы бумаги и страницы из альбома, картинки, вырезанные из журналов, клейкарандаш, держатель для клейкой ленты со всеми разноцветными ленточками из «васи»^[10]. Сувениры, как например, театральная программка со времен, когда мы смотрели «Злую» в Нью-Йорке, квитанции, фотографии, ленты, пуговицы, наклейки, брелоки – все здесь.

У качественного альбома есть текстура. Он плотный, толстый и никогда полностью не закрывается.

Сейчас я работаю над страницей Джоша и Марго. Меня не волнует, что она рассказывает всем. Они снова будут вместе, я знаю. А если даже не сразу, то Марго не сможет просто взять и стереть его из своей истории. Он был огромной частью ее выпускного года. Так же, как и всей ее жизни.

Единственная уступка, на которую я согласна пойти, – я приберегла ленту васи с сердечками для этой странички, но вместо нее я просто могу использовать обычную в клеточку. Я прикладываю ленту в клеточку к фотографиям, но цвета выглядят не так хорошо. Поэтому я все-таки использую ленту с сердечками. А потом, покачиваясь в такт музыке, я беру шаблон в виде сердца, чтобы вырезать изображение их двоих с выпускного. Марго будет в восторге от этого.

Когда я аккуратно приклеиваю засохшие лепестки роз от корсажа Марго, папа стучится в дверь.

– Чем занимаешься? – спрашивает он меня.

– Этим, – отвечаю я, приклеивая еще один лепесток. – Если сильно постараюсь, то, возможно, к Рождеству доделаю.

– А-а-а, – папа не двигается, стоит в дверях, наблюдая, как я работаю. – Ну, я собираюсь посмотреть тот новый документальный фильм Кена Бернса, если захочешь, присоединяйся.

Может быть, – говорю я, просто чтобы быть любезной. Понадобилось

бы чересчур много усилий, спустить вниз все принадлежности и снова их разложить на полу. Прямо сейчас я вошла в хороший рабочий ритм. – Почему бы тебе не начать без меня?

– Хорошо. Тогда я пошел. – Папа шаркающей походкой спускается вниз. Я работаю над альбомом практически всю ночь, но в итоге заканчиваю страницу Джоша и Марго, она получилась действительно красивой. Следующей идет страничка сестер. Для фона я использую бумагу с цветами, а поверх нее приклеиваю нашу старую фотографию, которую сделала мама. Мы стоим перед дубом напротив нашего дома в одежде для церкви. Мы все одеты в белые платья с розовыми ленточками в волосах. Самое замечательное в этой фотографии то, что мы с Марго мило улыбаемся, а Китти ковыряется в носу.

Я улыбаюсь про себя. У Китти случится припадок, когда она увидит эту фотографию в альбоме. Не могу этого дождаться.

Глава 10

КАК ГОВОРIT МАРГО, ПРЕДПОСЛЕДНИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД – самый решающий, оживленный и настолько важный, что от него зависит вся жизнь. Так что, думаю, мне нужно успеть получить максимальное удовольствие от чтения перед тем, как на следующей неделе начнутся занятия в школе и официально стартует предпоследний год. А сейчас я сижу на крыльце и читаю шпионский британский роман восьмидесятых годов, который купила за семьдесят пять центов на библиотечной распродаже.

Я как раз подбираюсь к самому интересному (Крессида должна соблазнить Найджела, чтобы заполучить доступ к шпионскому коду!), когда из своего дома выходит Джош, чтобы забрать почту. Он тоже меня замечает, поднимает руку, словно просто собирается помахать, но затем все же подходит.

– Привет! Симпатичный комбинезончик, – говорит он, пересекая дорожку.

Мой костюмчик выцветшего голубого цвета с подсолнухами завязывается вокруг шеи. Я купила его в винтажном магазинчике со скидкой семьдесят пять процентов. И это не комбинезон.

– Это *пляжный костюм*, – сообщаю я, возвращаясь к книге, и стараюсь незаметно прикрыть обложку рукой. Меньше всего я хочу, чтобы Джош критиковал меня за чтение дрянной книжки, когда я просто пытаюсь насладиться приятным днем.

Я чувствую, как он ждет, скрестив руки на груди, и поднимаю голову.

– Что?

– Хочешь сегодня вечером посмотреть кино в Бесс? Показывают мультфильм «Пиксар». Можем взять Китти.

– Да, конечно. Напиши мне, когда будешь готов, – отвечаю я, переворачивая страницу.

«Найджел расстегивает блузку Крессиды. Девушка задается вопросом, когда же подействует снотворное, которое она подсыпала в его Мерло. Крессида надеется, что оно не подействует слишком скоро, потому что Найджел очень хорошо целуется».

Джош наклоняется и пытается поближе взглянуть на мою книгу. Я шлепаю его по руке, но он успевает прочитать вслух:

– «Сердце Крессиды учащенно забилось, когда Найджел провел рукой

вдоль ее бедра». – Джош покатывается со смеха. – Что за ерунду ты читаешь?

У меня горят щеки.

– Ох, лучше молчи.

Джош отступает, посмеиваясь.

– Тогда я оставляю тебя с Крессидой и Ноэлем.

– К твоему сведению, его зовут *Найджел*! – кричу ему в спину.

Китти вне себя от радости от того, что мы идем тусоваться с Джошем.

Когда в кинотеатре он просит девушку у стойки положить слой масла на попкорн (на доньшко, в середину и сверху), мы одобрительно киваем.

Сестренка сидит посередине, и на смешных моментах она так сильно смеется, что закидывает ноги в воздух. Китти весит всего-ничего, и поэтому ее кресло опускается не до конца. Мы с Джошем улыбаемся поверх ее головы.

Всякий раз когда Джош, Марго и я ходили в кино, Марго тоже сидела посередине. Таким образом, она могла перешептываться с нами обоими. Она специально так делала, чтобы я не ощущала себя брошенной, из-за того, что у нее был парень, а у меня – нет. Сестра всегда была очень внимательной и поначалу заставляла меня волноваться: не подозревает ли она меня в чем-то. Но Гоу-Гоу не из тех, кто утаивает что-либо или приукрашивает правду. Она просто очень хорошая старшая сестра. Самая лучшая.

Но бывали времена, когда я все равно чувствовала себя одиноко. Не в романтическом смысле, а в дружеском. Мы всегда были с Джошем друзьями, но в те моменты, когда он обнимал Марго, стоя вместе со мной в очереди за попкорном, или в машине, когда они тихо беседовали друг с другом, я ощущала себя ребенком на заднем сиденье, который не может слушать, о чем разговаривают взрослые. Это заставляло чувствовать себя невидимкой. Из-за них я захотела, чтобы у меня тоже был кто-то, с кем я могла бы перешептываться на заднем сиденье.

Теперь странно сидеть впереди. Вид здесь не так уж и отличается от вида с заднего сиденья. На самом деле, все кажется таким же обычным, как прежде. И это успокаивает.

Крис звонит мне ночью, когда я крашу ногти на ногах в разные оттенки розового. На заднем фоне так шумно, что ей приходится кричать.

– Угадай что!

– Что? Я едва тебя слышу! – Я наношу на мизинец цвет фруктового пунша под названием «Порази меня своим лучшим выстрелом».

– Погоди. – Я понимаю, Крис передвигается по комнатам, потому что становится немного тише. – А теперь ты меня слышишь?

– Да, гораздо лучше.

– Угадай, кто расстался.

Я перехожу на ультрасовременный розовый, который выглядит как белый с каплей красного цвета.

– Кто?

– Джен и Кавински! Она послала его.

Мои глаза лезут на лоб.

– Ого! Почему?

– По-видимому, она встретила какого-то парня из университета Вирджинии на своей работе. Уверена, она все лето изменяла Кавински. – Кто-то выкрикивает имя Крис, и она говорит: – Мне пора. Моя очередь в бочке^[11].

Крис вешает трубку не прощаясь, что в ее стиле.

На самом деле, я познакомилась с Крис через Женевьеву. Их матери – сестры, то есть девочки – кузины. Крис, бывало, иногда приходила к нам, когда мы были маленькими, но они с Джен уже тогда не ладили: спорили о том, чья Барби претендовала на Кена (он был только один). Я даже не пыталась за него бороться, хотя он был моим. Точнее, раньше он принадлежал Марго. В школе некоторые даже не подозревают, что Джен и Крис кузины. Они совершенно не похожи друг на друга: Джен – миниатюрная, с изящными руками и белокурыми волосами золотистого цвета. Крис тоже блондинка, но обесцвеченная. Она выше, плечи широкие, как у пловчихи. Но, тем не менее, между ними есть некоторое сходство.

В девятом классе Крис была распушенной. Она постоянно ходила на вечеринки, напивалась и цепляла парней постарше. В том году десятиклассник из команды по лакроссу рассказывал всем, как они с Крис занимались сексом в мужской раздевалке, что было неправдой. Женевьева заставила Питера пригрозить этому нахалу, чтобы тот рассказал всем правду. Я думала, что было действительно здорово со стороны Женевьевы вступить за Крис, но подруга настаивала на том, что Женевьева сделала так, только чтобы люди не подумали о ее родстве со шлюхой. После этого Крис перестала ходить на вечеринки и начала общаться с ребятами из другой школы.

За ней сохранилась та репутация девятого класса. Она ведет себя, словно ее это не волнует, но я знаю, что, хоть немного, но волнует.

Глава 11

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ПАПА ГОТОВИТ ЛАЗАНЬЮ. Он всегда кладет в нее мексиканскую черную фасоль для остроты. Хотя звучит довольно мерзко, на самом деле получается вкусно, бобы даже не заметны. Джош приходит к нам в гости, поэтому у папы есть целых три помощника, чему он безумно рад. Когда во время ужина всплывает имя Марго, я поглядываю на Джоша и замечаю, как он напрягается. Мне становится его жаль. Должно быть, Китти тоже это заметила, потому что она переводит тему разговора на мой десерт: арахисовые пирожные.

Так как готовил папа, за нами остается уборка. Он использует каждую кастрюлю на кухне, для того чтобы приготовить лазанью, поэтому нам все приходится мыть, но лазанья того стоила.

После уборки мы отдыхаем перед телевизором. Сейчас вечер воскресенья. Но ни у кого нет этого знакомого воскресного ощущения, потому что завтра – День труда, и у нас остается лишь один денек перед началом занятий.

Китти трудится над своим коллажем с собаками (*какая неожиданность!*).

– И какую ты хочешь больше всего? – спрашивает ее Джош.

Китти молниеносно отвечает:

– Акиту.

– Мальчика или девочку?

И вновь следует незамедлительный ответ:

– Мальчика.

– Как ты его назовешь?

Тут Китти медлит, и я знаю почему. Поворачиваясь, я щекочу ее босые ноги.

– А я знаю, как ты его назовешь, – певуче протягиваю я.

– Молчи, Лара Джин! – визжит сестренка.

Теперь все внимание Джоша переключилось на меня.

– Ну же, скажи нам, – умоляет он.

Я поглядываю на Китти, та одаривает меня злобным сверкающим взглядом.

– Не бери в голову, – говорю я, внезапно занервничав. Китти может быть и ребенок, но она из тех детей, с кем шутки плохи.

Тогда Джош тянет меня за хвост и продолжает:

– Ай, да брось, Лара Джин! Не томи нас.

Я привстаю на локтях, Китти же пытается зажать ладонью мой рот. Хихикая, я говорю:

– В честь мальчика, который ей нравится.

– Заткнись, Лара Джин, заткнись!

Китти пинает меня и случайно разрывает одну из фотографий с собаками. Сестренка издает крик и падает на колени, рассматривая коллаж. Ее лицо красное из-за подступающих слез, которые она пытается сдержать. Я ощущаю себя ничтожеством. Сажусь и пытаюсь обнять ее в знак *сожаления*, но она уклоняется от меня и пинает по ногам настолько сильно, что я взвизгиваю. Поднимаю фотографию и пытаюсь прикрепить обратно, но прежде чем успеваю это сделать, Китти выхватывает ее из моих рук и отдает Джошу.

– Джош, исправь, – произносит она. – Лара Джин испортила ее.

– Китти, я же только дразнила, – запинаясь, говорю я. – Не собиралась я называть имя мальчика. Я бы никогда его не сказала.

Сестра игнорирует меня. Джош разглаживает бумагу подставкой и с концентрацией хирурга склеивает две части. Он утирает лоб.

– Фу-у. Думаю, не отвалится.

Я хлопаю в ладоши и пытаюсь поймать взгляд Китти, но она даже не смотрит в мою сторону. Знаю, это заслуженно.

Мальчик, в которого влюблена Китти, – Джош.

Китти быстро забирает коллаж у Джоша и сухо произносит:

– Я пошла доделывать наверх. Спокойной ночи, Джош.

– Спокойной ночи, Китти, – отвечает наш гость.

Я кротко говорю:

– Спокойной ночи, Китти, – но она уже несется вверх по лестнице и, естественно, не отвечает.

Как только до нас доносится звук закрывающейся двери спальни, Джош поворачивается ко мне и произносит:

– Вот это ты попала.

– Знаю, – отвечаю я. Внутри меня все сжимается. Почему я это сделала? Даже когда я говорила, я уже понимала, что это неправильно. Марго бы так никогда не поступила со мной. Не так старшие сестры должны обращаться с младшими, особенно, когда я настолько старше Китти.

– Кто ей нравится?

– Просто мальчик из школы.

Джош вздыхает.

– Разве она уже доросла до того, чтобы влюбляться? Мне кажется, она еще слишком юна для всего этого.

– Я влюблялась в мальчиков, когда мне было девять, – говорю я ему, все еще думая о Китти. Интересно, как мне сделать так, чтобы она на меня больше не злилась. Не похоже, что на сей раз я отделаюсь только сникердудлем.

– В кого? – спрашивает Джош.

– Что в кого?

Может быть, если я каким-нибудь образом уговорю папу купить ей щенка...

– Кто был твоей первой любовью?

– Хм-м. Моей первой *настоящей* любовью? – Я влюблялась в детском саду, первом и втором классах, но это не считается. – Первой, которая действительно что-то значила?

– Конечно.

– Ну... думаю, Питер Кавински.

Джош едва не давится.

– Кавински? Ты шутишь? Он же такой банальный. Я думал, тебе нравился кто-то более... ну не знаю, утонченный, что ли. Питер Кавински – клише. Он как картонная фигурка «крутого парня» из фильма про старшекласников.

Я пожимаю плечами.

– Сам спросил.

– Вау, – произносит он, качая головой. – Просто... вау.

– Раньше он был другим. Ну, я имею в виду, он был все тем же Питером, но в меньшей степени. – Джош колеблется, и я добавляю: – Ты парень, поэтому тебе не понять.

– Ты права. Я не понимаю!

– А вообще-то, кто бы говорил, ты сам-то был влюблен в мисс Ротшильд!

Джош краснеет.

– Она тогда была действительно симпатичной!

– Угу. – Я одаиваю его понимающим взглядом. – Она была «действительно симпатичной». – Наша соседка, мисс Ротшильд, часто подстригала газон в коротеньких махровых шортиках с верхом от бикини. В те дни соседские мальчишки всегда приходили поиграть во дворе Джоша.

– В любом случае, мисс Ротшильд не была первой, в кого я влюбился.

– Нет?

– Нет. Ты была.

Мне требуется несколько секунд, чтобы переварить услышанное. Все, что я могу выдать:

– А?

– Когда я впервые переехал сюда. До того, как узнал твою истинную натуру. – За это я пинаю его в голень, Джош взвизгивает. – Мне было двенадцать, а тебе одиннадцать. Помнишь, я разрешал тебе кататься на моем скутере? Он был моей радостью и гордостью. Я сберег деньги с двух дней рождений, чтобы купить его. И я дал покататься на нем тебе.

– Я думала, ты просто был щедрый.

– Ты упала и посадила огромную царапину на его боку, – продолжает он. – Помнишь это?

– Да, помню, как ты плакал.

– Я не плакал! А был по праву расстроен. Тогда и пришел конец моей маленькой влюбленности. – Джош встает, и мы направляемся к выходу.

Перед тем как открыть дверь, Джош оборачивается и говорит:

– Не знаю, что бы я делал, если бы тебя не было рядом после того... как Марго бросила меня. – Его лицо заливает легкий румянец, покрывая каждую очаровательно веснушчатую щеку. – Ты придаешь мне сил, Лара Джин.

Джош глядит на меня, и я вспоминаю каждое разделенное когда-либо мгновение с ним. Затем он быстро и пылко обнимает меня и исчезает в ночи.

Я стою в открытых дверях, и в моей голове проносится мысль, настолько быстрая, настолько неожиданная, что я не могу удержаться: «Если бы ты был моим, я бы никогда с тобой не рассталась. Ни за что на свете».

Глава 12

А ВОТ ИСТОРИЯ НАШЕГО С ДЖОШЕМ ЗНАКОМСТВА. Однажды мы с девочками устроили на лужайке пикник с мишками, настоящим чаем и кексами. Мы расположились на заднем дворе так, чтобы никто нас не увидел. Мне было уже одиннадцать: слишком взрослая девочка для таких игр, а Марго – тринадцать: слишком-слишком взрослая. Именно мне в голову пришла подобная идея (вычитала ее в книге). Я смогла притвориться, что это все ради младшей сестренки, и убедила Марго поиграть с нами. Мама умерла годом ранее, и с тех пор Марго редко отказывала нам в чем-либо, если дело касалось Китти.

Мы расположились на старом синем детском одеяле Марго с изображением белки. Я расставила треснутый чайный сервиз, мини-кексы с черникой и крупинками сахара, которые заставила папу купить в магазине, а также положила по плюшевому мишке для каждой из нас. Мы все были в шляпках – я настояла на этом.

– Ты должна надеть шляпу на чаепитие, – беспрестанно повторяла я, пока Марго наконец-то не надела ее лишь для того, чтобы я отстала. На ней была мамина соломенная садовая шляпа, Китти нацепила теннисный козырек, а я украсила старую меховую бабушкину шапку, прикрепив несколько пластиковых цветочков на макушку.

Я разливала теплый чай из термоса в чашки, когда Джош взобрался на забор и стал следить за нами. Месяц назад из окна игровой комнаты мы наблюдали, как въезжала семья Джоша. Мы надеялись, что нашей новой соседкой окажется девочка, но когда увидели, что грузчики вытаскивают мальчишеский велосипед, то вернулись обратно к игре.

Джош молча сидел на заборе. Марго была напряжена и смущена, ее щеки пылали, но она не сняла шляпу. Китти окликнула его.

– Привет, мальчик, – сказала она.

– Привет, – ответил он, мальчик с длинными непослушными волосами, которые приходилось откидывать назад. На нем была красная футболка с дыркой на плече.

Китти спросила:

– Как тебя зовут?

– Джош.

– Ты должен поиграть с нами, Джош, – велела сестренка.

Так он и поступил.

Тогда я и не подозревала, насколько важным станет этот мальчик для меня и для самых любимых мною людей. Но даже если бы я и знала, что бы изменилось? Мы бы никогда не были вместе. Даже если бы...

Глава 13

Я ДУМАЛА, ЧТО ПЕРЕБОЛЕЛА ИМ.

Когда я писала письмо и прощалась с ним, я по-настоящему говорила «пока». Мне было не так тяжело, в особенности когда я думала, как сильно он нравился Марго, как сильно она его любила. Как я могла держать обиду на первую любовь сестры? На саму Марго, которая пожертвовала столь многим ради нас всех? Она всегда-всегда ставила меня с Китти на первое место. Отпустить Джоша – это своего рода мой способ поставить интересы Марго выше своих.

Но теперь я сижу одна в гостиной, моя сестра находится за четыре тысячи миль отсюда, а Джош – по соседству, и все, о чем я могу думать, это: *«Джош Сандерсон, мне ты первой понравился. По всем законам справедливости, ты мой. И если бы мы были вместе, я бы упаковала тебя в свой чемодан и взяла с собой или осталась бы тут. Я бы никогда не бросила тебя. Ни за что на свете».*

Думать об этом, испытывая подобные чувства, – это больше, чем вероломство. И я это знаю. Это полнейшее предательство. Мне кажется, что моя душа грязна. Марго уехала меньше недели назад, и взгляните на меня, как быстро я поддалась соблазну! Как быстро во мне проснулось желание. Я худшая из предательниц, потому что я предаю свою собственную сестру, а в мире нет ничего хуже этого. Но что теперь? Что я должна делать со всеми этими чувствами?

Полагаю, я могу сделать только одно. Написать ему еще письмо. Постскрипtum. С таким количеством страниц, которое потребуется, чтобы вычеркнуть все оставшиеся к нему чувства. Решу этот вопрос раз и навсегда.

Я иду в свою комнату и нахожу специальную ручку с очень гладкими черными чернилами, достаю тяжелую почтовую бумагу и начинаю писать.

P.S. Я Все еще люблю тебя.

Я все еще люблю тебя, и это поистине огромная проблема для меня, а также по-настоящему большой сюрприз. Клянусь, я не знала. Все это Время я думала, что переболела тобой. Как же могло быть иначе, Ведь ты любишь Марго? Всегда была только Марго...

Закончив, я кладу письмо в свой дневник, а не в коробку из-под шляпы. У меня такое чувство, что я еще не все дописала и мне многое нужно сказать, просто я еще об этом не подумала.

Глава 14

КИТТИ ВСЕ ЕЩЕ НА МЕНЯ ЗЛИТСЯ. Признание Джоша выбило меня из колеи, и я напрочь забыла о ней. Сестренка игнорирует меня все утро, а когда я спрашиваю, хочет ли она поехать со мной в магазин за школьными принадлежностями, она огрызается:

– И на какой машине? Ты же разбила автомобиль Марго.

Упс.

– Я собиралась взять папину, когда он вернется домой из «Хоум дипоу»^[12], – я делаю пару шагов назад, чтобы сестра не смогла на меня наброситься с пинками. – Незачем вредничать, Кэтрин.

Китти практически рычит – именно на такую реакцию я и надеялась. Ненавижу, когда Китти становится злой и молчит. Затем она бросается прочь и, не поворачиваясь ко мне, говорит:

– Я с тобой не разговариваю. Ты сама знаешь, что сделала, так что не утруждай себя и не пытайся вернуть мое расположение.

Я хожу за ней, стараясь разговорить ее, но от этого нет никакого проку. Меня отшили. Поэтому я сдаюсь, возвращаюсь к себе в комнату и включаю саундтрек из «Русалочек», раскладываю на кровати одежду для первой учебной недели. Тут приходит эсэмэс от Джоша. При виде его имени на телефоне у меня бегут мурашки по спине, но я строго напоминаю себе о своей клятве. *Он все еще принадлежит Марго, а не тебе.*

И не важно, что они расстались. Он был ее первым, что означает, он всегда будет ее.

Хочешь прокатиться на велосипеде на той дорожке в парке?

Езда на велосипеде – занятие, которое обожает Марго. Она любит ходить по тропам, отправляться в походы и кататься на велосипеде. А я нет. Джош знает это. У меня даже больше нет собственного велосипеда, а Марго еще слишком велик для меня. Велосипед Китти и то больше мне подходит.

Пишу в ответ, что не могу; я должна помочь папе по дому. Это не ложь. Папа действительно попросил меня помочь пересадить некоторые из его растений. И я сказала, что, если это приказ и я не могу отвертеться, тогда согласна.

С чем ему нужно помочь?

Что сказать? Мне нужно быть осторожной в своих оправданиях. Он запросто может посмотреть в окно и увидеть: дома я или нет. Я пишу неопределенно в ответ: *«Да так, повседневные дела»*. Зная Джоша, он бы мог появиться с лопатой и граблями или любым другим инструментом, нужным для работы. А затем он бы остался на ужин, потому что всегда остается поужинать, когда заходит к нам.

Джош сказал, что я придаю ему сил. Я, Лара Джин. Я хочу быть для него таким человеком, желаю быть той, кто поддерживает его в это трудное время. Хочу быть зрителем его маяка, пока мы ждем возвращения Марго. Но это тяжело. Тяжелее, чем я думала.

Глава 15

Я ПРОСЫПАЮСЬ СЧАСТЛИВАЯ, ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ первый день школы. Я всегда больше любила первый учебный день, чем последний. Первые всегда лучше: они – начало.

Пока папа и Китти умываются наверху, я готовлю блины из пшеничной муки с ломтиками бананов – любимое лакомство Китти. Завтрак в первый учебный день всегда был великим событием для мамы, потом его на себя взяла Марго, теперь же, полагаю, настала моя очередь. Блинчики немного толстоватые, не такие легкие и нежные, как у сестры. И кофе... ну, должен ли быть кофе светло-коричневым, как какао? Когда папа спускается вниз, он весело произносит:

– Я чувствую запах кофе! – а затем пьет его и в знак одобрения поднимает большой палец вверх, но я замечаю, что он сделал всего один глоток. Видимо, лучше мне печь, а не готовить кофе.

– Ты похожа на девчонку с фермы, – язвительно говорит Китти, и я понимаю, она все еще немного злится на меня.

– Спасибо, – отвечаю я. На мне выцветший комбинезон и цветочная рубашка с круглым вырезом. Действительно, выглядит по-фермерски, но в хорошем смысле. Марго оставила свои коричневые армейские сапоги на шнуровке, которые велики мне лишь на полразмера. Идеальны с толстыми носками.

– Ты заплетешь мне косичку набок? – спрашиваю я сестру.

– Ты не заслуживаешь того, чтобы я заплетала твои волосы, – говорит Китти, облизывая вилку. – Кроме того, с косой будет слишком.

Китти только девять, но у нее хорошее чувство стиля.

– Согласен, – поддерживает папа, не отрывая взгляда от своих бумаг.

Я кладу свою тарелку в раковину, а затем ставлю пакет с обедом Китти рядом с ее тарелкой. Здесь все, что она любит: бутерброд с сыром Бри, хрустящие чипсы, разноцветные печенья и яблочный сок.

– Отличного первого дня, – радостно говорит папа. Он подставляет щеку для поцелуя, я наклоняюсь и целую его. Я пытаюсь поцеловать и Китти, но она отворачивается.

– Я положила твой любимый яблочный сок и сыр Бри, – жалобно говорю я ей. Мне не хочется, чтобы новый учебный год начался с плохой ноты.

– Спасибо, – фыркает она.

И прежде чем Китти успевает остановить меня, я обнимаю ее и так крепко сжимаю, что она вскрикивает. Затем беру новый цветочный рюкзак и выскакиваю за дверь. Новый день, новый год. У меня такое ощущение, что он будет хорошим.

Джош уже в машине. Я подбегаю, открываю дверь и залезаю внутрь.

– Ты вовремя, – говорит Джош. Он поднимает руку вверх, и я даю ему «пять» с громким шлепком. – Этот был хорош, – замечает он.

– На восемь, по меньшей мере, – соглашаюсь я. Мы проносимся мимо бассейна, знака нашего квартала, а затем мимо «Уэндиз»^[13].

– Китти уже простила тебя за тот вечер?

– Не совсем, но надеюсь, что скоро.

Никто не умеет держать обиду так, как Китти, – говорит Джош, и я киваю, полностью с ним соглашаясь. Я никогда не умела долго злиться, но Китти будет лелеять обиду, словно от этого зависит ее жизнь. – Я приготовила ей вкусный обед, так что надеюсь, это поможет, – произношу я.

– Ты хорошая старшая сестра.

Я запеваю: «Такая же хорошая, как и Марго?», и мы хором продолжаем: «Никто так не хорош, как Марго».

Глава 16

ШКОЛА ОФИЦИАЛЬНО НАЧАЛАСЬ, и жизнь вошла в привычный ритм. Несколько первых учебных дней всегда уходят впустую: на выдачу книг и расписания, на выяснения, кто, где и с кем сидит. А вот теперь действительно началась учеба.

Во время физкультуры тренер Уайт вывел нас на улицу, чтобы мы могли насладиться теплым солнышком. Мы с Крис прогуливаемся по спортивной площадке. Подруга рассказывает мне о вечеринке, на которую ходила на выходных в День труда.

– Я чуть не подралась с той девчонкой, которая все повторяла, что на мне были накладки. Не моя вина, что у меня потрясающие волосы.

Когда мы проходим третий круг, я ловлю на себе взгляд Питера Кавински. Сначала я подумала, что мне просто показалось, будто бы он смотрит в мою сторону, но это уже в третий раз! Он играет с ребятами в фрисби. Когда мы проходим мимо них, Питер подбегает к нам.

– Можно с тобой поговорить?

Мы с Крис переглядываемся.

– С ней или со мной? – спрашивает она.

– С Ларой Джин.

Крис бережно обхватывает меня за плечо:

– Валяй. Мы слушаем.

Питер закатывает глаза.

– Я хочу поговорить с ней наедине.

– Ладно, – резко произносит подруга и уходит прочь, но оглядывается через плечо, смотря на меня широко распахнутыми глазами, будто вопрошая: «Что происходит?» Я в ответ пожимаю плечами: «Понятия не имею!»

Тихим, спокойным голосом Питер говорит:

– Чтобы ты знала, у меня нет никаких венерических заболеваний.

Какого черта? Я смотрю на него с открытым ртом.

– Я никогда не говорила, что у тебя есть венерические заболевания!

Его голос по-прежнему тихий, но в нем слышатся нотки гнева:

– А еще я не всегда забираю последний кусочек пиццы.

– О чем ты говоришь?

– О том, что ты написала обо мне. В своем письме. Какой я эгоистичный парень, который одаривает всех девушек вокруг

венерическими заболеваниями. Помнишь?

– Какое письмо? Я никогда не писала тебе никаких писем!

Постой. Да, было. Я действительно написала ему письмо, около миллиона лет тому назад. Но он же не об этом письме говорит. Этого просто не может быть.

– Да. Ты. Написала. Оно было адресовано мне, от тебя.

О, боже. Нет. Нет. Этого не может быть. Это не по-настоящему. Я сплю. Я в своей комнате, вижу сон, и в моем сне Питер Кавински пристально смотрит на меня. Я закрываю глаза. Я сплю? Или это все происходит по-настоящему?

– Лара Джин?

Я открываю глаза. К сожалению, это не сон. Это кошмар наяву. Питер Кавински держит в руке мое письмо. Это мой почерк, мой конверт – все мое.

– Как... как ты его получил?

– Оно пришло вчера по почте, – вздыхает Питер. Он продолжает хриплым голосом: – Слушай, в этом нет ничего страшного. Я просто надеюсь, что ты не собираешься рассказывать всем.

– Оно пришло по почте? К тебе домой?

– Да.

У меня кружится голова. Я чувствую слабость. Как бы я хотела упасть в обморок прямо сейчас, чтобы не быть здесь, не быть в реальности.

Это было бы как в кино: девушка теряет сознание от ужаса, и все самое страшное происходит, пока она спит; просыпается же она на больничной койке с синяком или ссадинами, зато пропустила все самое плохое. Хотелось бы, чтобы все так и произошло.

Я чувствую, как начинаю потеть, и быстро говорю:

– Ты должен знать, что я написала это письмо очень-очень давно.

– Окей.

– Много лет назад. Миллион лет назад. Я даже не помню, что сказала в нем. – *«Вблизи твое лицо было не просто симпатичным – прекрасным»*. – Seriously, то письмо со средних классов. Я даже не знаю, кто мог его отправить. Можно взглянуть? – Я тянусь за письмом, стараясь оставаться спокойной и не показывать отчаяния. Простое небрежное спокойствие.

Питер колеблется, а затем усмехается своей идеальной улыбкой.

– Не-а, я хочу оставить его. Я никогда раньше не получал подобные письма.

Я бросаюсь вперед, быстро, словно кошка, выхватываю письмо из его руки.

Питер смеется и поднимает руки.

– Ладно, хорошо, забирай. Боже.

– Спасибо. – Я делаю несколько шагов назад. Бумага дрожит в моей руке.

– Постой, – колеблется он. – Слушай, я не хотел красть твой первый поцелуй и все такое. Это не входило в мои планы...

Я смеюсь поддельным смехом, который звучит безумно даже для моих собственных ушей. Народ оборачивается и смотрит на нас.

– Извинения приняты! Древняя история! – а затем даю деру. Я бегу быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Весь путь до женской раздевалки.

Как это вообще могло случиться?

Я опускаюсь на пол. Мне раньше снилось, что я приходила в школу голый. Или в сочетании: приходила-в-школу-голой-забыв-подготовиться-к-экзамену-на-урок– на-который-никогда-не-подписывалась или так: обнаженная-на-экзамене-и-некто-пытается-убить-меня. И все это в бесконечных вариациях.

Мне ничего больше не остается, как вытащить из конверта письмо и прочитать его.

Дорогой Питер К.,

Во-первых, я отказываюсь звать тебя Кавински. Ты считаешь себя таким крутым, ни с того ни с сего отзываясь только по фамилии. Так вот, чтобы ты знал, Кавински идеально подходит для старика с длинной седой бородой.

Знал ли ты, целуя меня, что я в тебя влюблюсь? Иногда я думаю, что да. Определенно – да. И знаешь почему? Потому что ты думаешь, Питер, что ВСЕ тебя любят. И вот это я в тебе ненавижу больше всего. А самое ужасное, тебя реально все любят. В том числе и я. Любила. Но больше нет.

Здесь все твои наихудшие качества:

Ты рыгаешь и не извиняешься, думая, что остальные найдут это очаровательным. И если они так не считают, то тебя это не заботит, верно? Так вот, ты ошибаешься! На самом деле, тебя волнует это. Ты беспокоишься о том, что думают о тебе люди.

Ты всегда забираешь последний кусочек пиццы. И никогда не спрашиваешь, хочет ли кто-то еще. Это грубо.

Ты во всем хорош. Слишком хорош. Мог бы дать шанс и

другим парням проявить себя, но ты никогда этого не делал.

Ты поцеловал меня просто так, без причины. Хотя я знала, что тебе нравится Джен, и ты сам знал, что тебе она нравится, да и Джен была в курсе. Но ты все равно сделал это. Просто потому что мог. И мне действительно хочется знать: почему ты сделал это со мной? Мой первый поцелуй должен был быть чем-то особенным. Я читала про то, что должна была при этом почувствовать: фейерверки, разряды молний и шум волн, грохочущих в ушах. У меня ничего такого не было. Спасибо тебе, он был такой неособенный, насколько мог бы быть первый поцелуй.

Но самое худшее – этот дурацкий, ничего не значащий поцелуй заставил меня влюбиться в тебя. Ты мне никогда не нравился. Я никогда даже не думала о тебе до этого. Джен Всегда говорила, что ты самый красивый мальчик в нашем классе, и я соглашалась, потому что так оно и есть. Но я по-прежнему не видела твоего очарования. У многих людей привлекательная внешность. Но это не делает их интересными, интригующими или классными.

Может быть, именно поэтому ты поцеловал меня. Чтобы установить мысленную власть надо мной, заставить взглянуть на тебя по-другому. Знаешь, что? Это сработало. Твоя маленькая уловка удалась. С тех пор я тебя заметила. Вблизи твое лицо было не просто симпатичным – прекрасным. Кок много красивых парней ты вообще видел? Для меня же бил только один. Ты. Думаю, тут многое связано с твоими ресницами. У тебя очень длинные ресницы. Несправедливо длинные.

Хоть ты этого не заслуживаешь, я все-таки перечислю все то, что мне в тебе нравится (-лось):

Как-то рад на естествознании никто не хотел быть напарником Джеффри Саттлмана, потому что от него пахнет потом, но ты вызвался добровольцем, словно в этом не было ничего особенного. После этого случая все внезапно решили, что Джеффри не так уж плох.

Ты по-прежнему в хоре, хотя остальные ребята перешли в группу и оркестр. Ты даже поешь соло, танцуешь и при этом не стесняешься.

Ты вырос самым последним из ребят. Теперь же ты самый

высокий из всех, словно это заслужил. Хотя, даже когда ты был низеньким, никого это не волновало – девочкам ты все равно нравился, да и мальчишки всегда выбирали тебя первого для игры в баскетбол на физкультуре.

После того как ты поцеловал меня, ты мне нравился до конца седьмого класса и большую часть восьмого. Нелегко видеть тебя с Джен, когда ты держишь ее за руку и целуешь на автобусной остановке. Вероятно, она чувствовала себя с тобой очень особенной. Поэтому что в этом твой талант, верно? Ты хорош в том, чтобы заставляя людей чувствовать себя особенными.

Знаешь, каково это, любить настолько сильно, что аж невыносимо, и знать, что этот человек никогда не почувствует того же? Наверное, нет. Людям вроде тебя не приходится страдать от подобных чувств После того как Джен переехала и мы перестали дружить, мне стало легче. По крайней мере, не приходилось больше выслушивать рассказы о тебе.

Теперь же, когда год почти закончился, я точно знаю, что переболела тобой. Теперь у меня к тебе иммунитет, Питер. И я с гордостью могу сказать, что я единственная девушка в этой школе, которая больше не восприимчива к чарам Питера Кавински. И все потому, что я получила очень сильную дозу тебя в седьмом классе и в большей части восьмого. Теперь мне больше не придется беспокоиться, чтобы «подхватить» тебя снова. Какое облегчение! Могу поспорить, если бы мне когда-нибудь пришлось поцеловать тебя еще раз, то я определенно подхватила бы что-нибудь, но это была бы не любовь. А венерическое заболевание!

Лара Джин Сонг

Глава 17

ЕСЛИ БЫ Я МОГЛА ЗАЛЕЗТЬ В НОРУ, с комфортом зарыться в ней и прожить там остаток своих дней, я бы так и сделала.

Ну зачем мне нужно было поднимать разговор о том поцелуе? Зачем?

Я до сих пор отчетливо помню тот день в доме Амброуза Макларена. Мы были в подвале, и там пахло плесенью и стиральным порошком. На мне были белые шорты и вышитый сине-белый коротенький топик, который я стащила у Марго. Я тогда впервые надела бюстгальтер без бретелек, который мне одолжила Крис и который я постоянно поправляла, потому что чувствовала себя в нем неудобно.

Это была одна из наших смешанных (мальчики-девочки) ночных тусовок. Она была странной, так как у меня сложилось ощущение, что все было спланировано. Не так, как когда зависаешь после школы у Элли дома, где соседские мальчишки ошиваются с ее братом – близнецом. Также не было похоже на то, когда собираешься пойти к игровым автоматам в торговый центр, зная, что есть вероятность натолкнуться на ребят. Здесь же все было продумано заранее: место сбора, наличие специального бюстгальтера, субботний вечер. Никаких родителей, только мы в суперприватном подвале Джона. Старший брат Джона должен был присматривать за нами, но Джон заплатил ему десять долларов, чтобы тот оставался в своей комнате.

В тот вечер ничего интересного не произошло, мы не играли в бутылочку или семь минут на небесах – ради этого девочки вооружились жвачкой и блеском для губ. Мальчишки просто играли в видеоигры, а мы наблюдали да играли в свои телефоны, перешептываясь. А потом родители забрали всех по домам, и все, что было запланировано, оказалось пустой тратой времени. Мне же было обидно не из-за того, что мне кто-то нравился, а потому, что мне хотелось романтики и драмы, и я надеялась, с кем-то случится нечто интересное.

И это нечто действительно произошло.

Со мной!

Мы с Питером остались внизу одни – последние, кого должны были забрать. Мы сидели на диване, я писала папе сообщения «Где тыыыы?», а Питер играл в игру на своем телефоне.

И вдруг он сказал:

– Твои волосы пахнут кокосами.

Мы даже сидели не близко. Я спросила:

– Правда? Ты можешь почувствовать запах оттуда?

Он быстро пододвинулся ближе и, вдохнув носом, кивнул:

– Да. Он напоминает мне о Гавайях или типа того.

– Спасибо! – ответила я. Я не была уверена в том, что это комплимент, но это прозвучало примерно как комплимент, поэтому я сказала «спасибо». – Я поочередно использую кокосовый и детский шампунь моей сестры, чтобы понять, какой из них делает мои волосы мягче...

И тут Питер Кавински наклонился и поцеловал меня. Я была потрясена.

Я никогда не думала о нем до этого поцелуя. Он был слишком красивый, слишком привлекательный. Вообще не мой тип. Но после того как он поцеловал меня, он был единственным, о ком я могла думать в течение нескольких последующих месяцев.

А что если Питер – это только начало? Что, если... что, если все мои письма тоже каким-то образом были отправлены?

Джону Амброузу Макларену. Кенни из лагеря. Лукасу Крапфу...

Джошу.

О боже, Джош.

Я вскакиваю с пола. Я должна найти эту коробку. Должна найти эти письма.

Иду обратно на улицу к беговой дорожке. Крис нигде не видно, наверное, курит за спортплощадкой. Я направляюсь прямо к тренеру, который сидит на трибунах с телефоном.

– Меня до сих пор тошнит, – хнычу я, сгибаясь и обхватывая руками живот. – Пожалуйста, можно мне пойти в медпункт?

Тренер едва отрывает взгляд от своего телефона:

– Конечно.

Как только я оказываюсь вне поля его зрения, начинаю бежать изо всех сил. Физкультура – мой последний урок сегодня, да и дом всего лишь в нескольких милях от школы. Я бегу словно ветер. Не думаю, что когда-либо в своей жизни бежала так энергично и быстро, да и вероятно, уже никогда не побегу. Я мчусь столь усердно, что мне приходится пару раз остановиться, потому что меня вот-вот вырвет по– настоящему. А потом вспоминаю письма и Джоша, и *«Вблизи твое лицо было не просто симпатичным – прекрасным»*, я стартую и снова бегу.

Как только добираюсь домой, то сразу же мчусь наверх и захожу в гардеробную за коробкой из-под шляпы. Ее нет на верхней полке, где она обычно лежит. Ее нет на полу и за кипой настольных игр. Ее нигде нет.

Встаю на четвереньки и начинаю копаться в грудe свитеров, обувных коробок, принадлежностей для рукоделия, заглядываю в места, где ее не может быть, потому что коробка большая, но я все равно ищу. Ее нигде нет.

Я грохаюсь на пол. Настоящий фильм ужасов. Моя жизнь превратилась в фильм ужасов. Возле меня жужжит телефон. Это Джош.

Ты где? Тебя Крис подвезла до дома?

Я отключаю телефон, спускаюсь на кухню и звоню Марго на домашний. Первый порыв, как и прежде – обратиться к старшей сестре, когда все становится плохо. Я не буду говорить о Джоше, а сосредоточусь на Питере. Она знает, что делать; Марго всегда знает, что делать.

Я готова взорваться, Гоу-Гоу. Я так по тебе скучаю, и без тебя в моей жизни все вверх дном.

Когда сестра поднимает трубку, и я слышу ее сонный голос, понимаю, что разбудила ее.

– Ты спала? – спрашиваю я.

– Нет. Я просто прилегла, – врет она.

– Да ты *спала*! Гоу-Гоу, там нет даже десяти! Постой, или есть? Я снова неправильно посчитала?

– Нет, все верно. Я просто очень устала. С пяти часов на ногах, потому что... – она умолкает. – Что случилось?

Я колеблюсь. Может быть лучше не обременять Марго всем этим. Она ведь только поступила в колледж – это то, ради чего она работала, ее сбывшаяся мечта. Она должна веселиться, а не переживать из-за того, как обстоят дела дома. Кроме того, что я могла сказать? «Я написала кучу любовных писем (в том числе твоему парню), и их все разослали»?

– Все в порядке, – отвечаю я. Я делаю то, что бы сделала Марго – справляюсь со своими проблемами сама.

– А звучит, как будто что-то не так, – зевает Марго. – Скажи мне.

– Иди спать, Гоу-Гоу.

– Хорошо, – говорит сестра, снова зевая.

Мы вешаем трубки, и я делаю себе «сандэ»^[14] прямо в упаковке со сливочным мороженым: добавляю туда шоколадный соус, взбитые сливки и орехи. Все как полагается. Я беру его с собой в комнату и ем лежа на кровати. Я съедаю все, до последнего кусочка, словно лекарство.

Глава 18

КИТТИ СТОИТ У КРОВАТИ, КОГДА Я ПРОСЫПАЮСЬ.

– Все твои простыни в мороженом, – говорит она мне.

Издавая приглушенный стон, я переворачиваюсь на бок.

– Китти, поверь, это наименьшая из моих проблем.

– Папа интересуется, что ты хочешь на ужин: курицу или гамбургер.

Лично я голосую за курицу.

Я сажусь на кровати. Папа дома! Может, он что–нибудь знает. Он устроил большую уборку и выбрасывал тонну всего ненужного. Возможно, он тайком спрятал мою коробку в какое-нибудь безопасное место, а письмо Питера просто по несчастной случайности было отправлено?!

Я вскакиваю с кровати и бегу вниз, сердце бешено колотится в груди. Папа в кабинете читает толстенную книгу о картинах Одабана.

Я выпаливаю на одном дыхании:

– Пап, ты видел мою коробку из-под шляпы?

Отец переводит взгляд на меня, но по растерянному выражению его лица я могу определить, что он все еще с птицами Одабана.

– Какая коробка?

– Моя коробка из-под шляпы, которую дала мне мама!

– Ах, эта... – произносит он, по-прежнему выглядя озадаченным. Он снимает очки. – Не знаю. Возможно, она ушла тем же путем, что и твои роликовые коньки.

– Что это значит? О чем ты вообще говоришь?

– Гудвилл^[15]. Есть небольшая вероятность, что я отнес ее в Гудвилл.

Когда я ахаю, папа говорит в свое оправдание:

– Те роликовые коньки даже больше не налезали на тебя. Они просто пылились в шкафу!

Я сползаю на пол.

– Они были розовые и к тому же винтажные, я берегла их для Китти... но дело не в этом. Меня не волнуют роликовые коньки. Меня заботит моя коробка! Ты даже не представляешь, что ты наделал.

Папа встает и пытается поднять меня с пола. Я сопротивляюсь и плюхаюсь на спину как золотая рыбка.

– Лара Джин, я даже не знал, что избавился от нее. Ну же, давай посмотрим дома хорошенько, ладно? Не надо пока паниковать.

– Она могла быть только в одном месте, и там ее нет. Пропала.

– Я заеду завтра в Гудвилл по дороге на работу, – заверяет папа, присаживаясь рядышком на корточки. Он смотрит на меня таким сочувствующим, но в то же время негодующим и удивленным взглядом, словно говорит: *«Как такое возможно, что мое здоровое и разумное ДНК создало такую безумную дочь?»*

– Поздно. Слишком поздно. В этом нет смысла.

– Что такого важного было в той коробке?

Я чувствую, как пломбир свертывается комочком в моем животе. Уже второй раз у меня появляется ощущение, что меня стошнит.

– Все.

Папа делает сочувствующее выражение лица.

– Я действительно не знал, что мама дала коробку тебе и что это было настолько важным. – Направляясь на кухню, он добавляет: – Эй, а как насчет пломбира до ужина? Он приободрит тебя?

Как будто десерт перед обедом может утешить меня, словно я ровесница Китти, а не шестнадцатилетняя девушка, которой, кстати, скоро уже исполнится семнадцать. Я даже не удосуживаюсь ответить, просто лежу на полу, прислонившись щекой к прохладной древесине. Кроме того, мороженого не осталось, я все съела. Впрочем, папа сам об этом скоро узнает.

Я даже не хочу думать о Джоше, о том, как он читает письмо. Я вообще не хочу думать. Все просто ужасно.

После ужина (курица, по требованию Китти) я мою посуду, и вдруг раздается дверной звонок. Папа открывает дверь, и я слышу голос Джоша:

– Здравствуйте, доктор Кави. Лара Джин дома?

О, нет. Нет-нет-нет-нет. Я не могу видеть Джоша.

Знаю, что когда-нибудь мне придется это сделать, но не сегодня. Не в эту секунду. Не могу. Просто не могу.

Я бросаю тарелки обратно в раковину и удираю через заднюю дверь, вниз по ступенькам крыльца, через задний двор и во двор Пирсов, вскарабкиваюсь по деревянной лестнице в старый дом на дереве Кэролайн Пирс. Я не была в этом доме со средних классов. Мы иногда тусовались здесь по ночам – Крис, Женевьева, Элли и я, и пару раз даже мальчишки.

Свернувшись в клубок, я украдкой поглядываю сквозь деревянные рейки, выжидая момента, когда Джош вернется к себе домой. Когда я полностью уверена, что он внутри дома, я спускаюсь вниз по лестнице и бегу к себе. Да уж, много сегодня побегала. Только сейчас я резко почувствовала усталость.

Глава 19

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я ПРОСЫПАЮСЬ ОБНОВЛЕННОЙ. Теперь я девушка с планом: просто буду избегать Джоша – вечно. Вот так легко. А если и не вечно, то, по меньшей мере, до тех пор, пока все не уляжется и он не позабудет о моем письме. Хотя есть крошечный шанс, что он вообще никогда его не получал. Возможно, кто бы ни отправил письмо Питеру, он послал только одно! Но мало ли что.

Мама всегда говорила, что оптимизм был моей лучшей чертой характера. Крис с Марго заявляли, что он раздражает, на что я отвечала: «Еще никто не умирал, глядя на светлую сторону жизни».

Когда спускаюсь вниз по лестнице, папа с Китти уже сидят за столом и едят тосты. Я готовлю себе тарелку хлопьев и тоже сажусь.

– По дороге на работу я заскочу в Гудвилл, – говорит папа, скрывшись за газетой и похрустывая тостом. – Уверен, коробка окажется там.

– Пропала твоя коробка из-под шляпы? – спрашивает Китти. – Та, которую тебе подарила мама?

Я киваю и запихиваю хлопья в рот. Мне нужно скорее уходить, иначе есть шанс столкнуться с Джошем по дороге.

– А все-таки, что было в коробке? – интересуется Китти.

– Это личное, – отвечаю я. – Все, что тебе надо знать, – ее содержимое очень ценно для меня.

– А ты будешь злиться на папочку, если он не найдет коробку? – Китти отвечает на собственный вопрос, прежде чем я успеваю открыть рот. – Сомневаюсь. Ты никогда не могла долго злиться.

Это верно. Я не злопамятна.

Выглядывая из-за газеты, папа спрашивает сестру:

– Бога ради, что же было в той коробке?

Китти пожимает плечами. Она отвечает с набитым ртом:

– Вероятно, еще несколько французских беретов?

– Нет, не береты. – Я сердито смотрю на них. – А теперь, если вы меня извините, я не хочу опоздать в школу.

– А разве еще не рановато?

Я сегодня на автобусе, – и вероятно каждый день до тех пор, пока не починят машину Марго, но им этого знать не обязательно.

Глава 20

ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ДАЛЬШЕ, можно назвать странным стечением обстоятельств. Замедленным крушением поезда. Чтобы что-то пошло так колоссально неправильно, все должно пересечься и столкнуться в точности в верный или, как в данном случае, в совершенно неверный момент времени.

Если бы у водителя автобуса не было проблем с выездом из тупика, занявшим четыре драгоценных минуты, я бы никогда не натолкнулась на Джоша.

Если бы у Джоша завелась машина и ему не пришлось бы поехать с отцом, он бы не проходил мимо моего шкафчика.

И если бы Питеру не пришлось встречаться с мисс Вутен у нее в кабинете, он бы не шел по коридору десятью минутами позже. И возможно вся эта история не произошла бы. Но все случилось так, как случилось.

Я стою у своего шкафчика, дверцу которого заклинило, и пытаюсь открыть его. Наконец-то мне это удастся. Тут появляется Джош.

– Лара Джин... – У него такое потрясенное и растерянное выражение лица! – Я пытаюсь поговорить с тобой со вчерашнего вечера. Я приходил к вам, но никто не смог найти тебя. – Джош протягивает мое письмо. – Я не понимаю. Что это?

– Я не знаю. – произносит мой голос. Звук кажется таким далеким, словно я парю над собой, наблюдая за всем происходящим сверху.

– Я имею в виду, оно же от тебя, верно?

– О, вау. – Я делаю вдох и беру в руки письмо, борясь с огромным желанием разорвать его. – А где ты вообще его взял?

– Оно пришло мне по почте, – Джош засовывает руки в карманы. – Когда ты его написала?

– *Давным-давно*, – я издаю притворный смешок. – Настолько, что даже не помню когда. Возможно в средних классах. – Хорошая работа, Лара Джин. Продолжай в том же духе.

Он медленно продолжает:

– Верно... но ты упоминаешь поход в кино с Марго, Майком и Беном. А это было всего пару лет назад.

Я закусываю нижнюю губу.

– Точно. Но все равно, это было довольно-таки давно. – Я чувствую, как подступают слезы, так быстро, что если я хотя бы на секунду

растеряюсь, дрогну, то расплачусь, и все станет еще хуже, если такое вообще возможно. Я должна быть невозмутимой, беззаботной и равнодушной. Слезы только все испортят.

Джош так пристально на меня смотрит, что мне приходится отвернуться.

– Итак... у тебя есть... или были чувства ко мне, или?..

– Да, конечно, в какой-то момент я была увлечена тобой, но это было до того, как вы с Марго начали встречаться. Миллион лет назад.

– Почему ты ничего не сказала? Потому что Лара Джин. Боже. Я не знаю. – Он не сводит с меня взгляда, в котором читается смущение, но в то же время кое-что еще. – Это безумие. Меня будто оглушили.

Его взгляд внезапно вызывает у меня воспоминания того летнего дня, когда мне было четырнадцать, а ему пятнадцать, и мы возвращались откуда-то домой. Он смотрел на меня так пристально, что я была уверена, он поцелует меня. Я начала нервничать, поэтому спровоцировала его на спор, и он больше никогда не смотрел на меня подобным образом.

До этого момента.

Не надо. Пожалуйста, только не это.

Что бы он ни думал, что бы ни хотел сказать, я не хочу этого слышать. Я сделаю все, что угодно, в буквальном смысле, что угодно, чтобы только не услышать этого.

– Я кое с кем встречаюсь.

Челюсть Джоша опускается.

– Что?

Что?

– Угу. Я кое с кем встречаюсь, с тем, кто мне очень-очень нравится, поэтому не беспокойся насчет меня, – я размахиваю письмом, словно это простая бумажка, мусор, будто когда-то давным-давно я не излила свою душу на этой странице. Я запихиваю его в сумку. – Я действительно была в замешательстве, когда писала. Даже не знаю, каким образом письмо было отослано. Честно, тут не о чем разговаривать. Поэтому, пожалуйста-пожалуйста, не говори ничего Марго.

Джош кивает, но этого недостаточно. Мне нужно словесное подтверждение. Мне нужно услышать слова, идущие из его уст. Поэтому я добавляю:

– Ты клянешься? Своей жизнью? – Если бы Марго когда-нибудь об этом узнала, мне бы захотелось умереть.

– Хорошо, клянусь. Но мы даже не разговаривали с тех пор, как она уехала.

Я делаю громадный выдох.

– Ну и прекрасно. Спасибо. – Я уже собираюсь уходить, но Джош останавливает меня.

– Кто этот парень?

– Какой парень?

– Парень, с которым ты встречаешься.

И именно в этот момент я вижу его. Питера Кавински, идущего по коридору. Как по волшебству. Красивый, темноволосый Питер. Ему не хватает музыки на заднем фоне, как в кино, настолько он потрясающий.

– Питер. Кавински. Питер Кавински! – Тут раздается звонок, и я медленно обхожу Джоша. – Я должна идти! Поговорим позже!

– Подожди! – окрикает он.

Я подбегаю к Питеру и бросаюсь к нему, обнимая руками за шею и обхватывая ногами его талию. Я даже не представляю, откуда мое тело знает, как это делать, потому что я никогда в жизни не прикасалась к парню подобным образом. Как будто мы в кино: нарастает музыка, и волны бьются возле нас. За исключением того, что лицо Питера выражает откровенный шок и недоверие, и, возможно, каплю веселья, потому что Питер любит так забавляться. Приподнимая брови, он спрашивает:

– Лара Джин? Какого?..

Я не отвечаю. Я просто целую его.

Моя первая мысль: а у меня все еще осталась мышечная память о прикосновении его губ.

Вторая: надеюсь, что Джош смотрит. Он должен наблюдать, иначе весь этот цирк – зря.

Мое сердце бьется так быстро, что я забываю испугаться сделать что-то неправильно. Потому что примерно через три секунды Питер целует меня в ответ. Питер Кавински, парень, о котором мечтает каждая девушка, целует меня в ответ! Я целовалась с немногими. Питер Кавински, Джон Амброуз Макларен, кузен Элли Фельдман со странными глазами и вот теперь снова Питер.

Я открываю глаза, и парень глядит на меня с тем же выражением на лице. Я говорю искренне: «Спасибо». Он отвечает: «Пожалуйста», выпрыгиваю из его рук и бегу в противоположном направлении.

Проходит весь урок истории и большая часть английского, прежде чем мой пульс замедляется. Я поцеловала Питера Кавински! В коридоре! На глазах у всех! Перед Джошем!

Разумеется, я не продумала все хорошенько. Что бы сказала Марго? Если бы я продумала все, то выдумала бы парня, а не указала бы на

реального человека. Более того, не назвала бы Питера К. Он в буквальном смысле наихудшая персона, которую я могла бы выбрать, потому что его знают все. Он же Питер Кавински! Кавински! Джен и Кавински. И не важно, что они расстались. Эта парочка – неперенный атрибут этой школы.

Остаток дня я провожу, скрываясь ото всех. Даже обедаю в женском туалете.

Мой последний урок на сегодня – физкультура. С Питером. Тренер Уайт снова отправил нас в тренажерный зал, где нам предстоит тренировка. Питер с его друзьями уже знают, как пользоваться тренажерами, поэтому они занимаются отдельно от группы и могут свободно соревноваться между собой. И у меня нет возможности с ним поговорить. В какой-то момент Питер ловит на себе мой взгляд и подмигивает, из-за чего мне хочется свернуться клубочком и умереть.

После урока я жду Питера около мужской раздевалки, обдумывая, что сказать и как все объяснить. Я начну так: «Итак, насчет утра...», а потом издам небольшой смешок: «Как это было забавно!»

Питер выходит из зала последним. Его волосы мокрые после душа. Странно, что ребята принимают душ в школе, поскольку девушки никогда этого не делают. Интересно, есть ли у них там душевые кабинки или же просто куча душевых леек, и никакого уединения.

– Привет, – произносит он, замечая меня, но не останавливаясь.

Я быстро говорю ему в спину:

– Итак, насчет утра. – Смеюсь. Питер оборачивается и смотрит на меня.

– Ах, да. Что это было?

– Это была просто глупая шутка, – начинаю я.

Питер скрещивает на груди руки и прислоняется к шкафчикам.

– Имеет ли это какое-то отношение к тому письму, что ты мне послала?

– Нет. Точнее, да. Поверхностное.

– Слушай, – дружелюбно говорит он. – Я считаю тебя милой. В причудливом смысле. Но мы с Джен только что расстались, и прямо сейчас у меня нет желания с кем-то встречаться. Поэтому...

Я в шоке. Питер Кавински меня отшивает! Мне он даже не нравится, и он меня отшивает?! И, кроме того, «причудливая»? В каком это месте я «причудливая»? «Милая в причудливом смысле» – это оскорбление. Полнейшее оскорбление!

Он все еще продолжает говорить, по-прежнему глядя на меня добрыми

глазами.

– Безусловно, я польщен. То, что я тебе нравился все это время, – это лестно, понимаешь?

Хватит. С меня хватит.

– Ты мне не нравишься, – громко заявляю я. – Поэтому у тебя нет никаких оснований быть польщенным.

Теперь очередь Питера удивляться. Он оглядывается, чтобы понять: слышал ли кто-нибудь, наклоняется и произносит шепотом:

– А почему ты тогда поцеловала меня?

– Поцеловала, потому что ты мне не нравишься, – объясняю я, словно это и так очевидно. – Видишь ли, кто-то разослал мои письма. Не я.

– погоди минутку. «Письма»? И сколько их всего?

– Пять. И парень, который мне нравится, тоже получил одно.

Питер хмурится.

– Кто?

Почему это я должна ему что-то рассказывать?

– Это... личное.

– Эй, мне кажется, я имею право знать, поскольку ты втащила меня в эту маленькую драму, – заявляет Питер. Я втягиваю верхнюю губу и качаю головой, на что он добавляет: – Если, конечно же, этот парень существует.

– Еще как существует! Это Джош Сандерсон.

– А разве он не встречается с твоей сестрой?

Я киваю. Я удивлена тем, что он это знает. Не думала, что Джош с Марго находились в поле его зрения.

– Они расстались. Но я не хочу, чтобы он знал, что у меня к нему есть чувства... по понятным причинам. Поэтому я сказала ему, что ты мой парень.

– Значит, ты использовала меня, чтобы спасти свою репутацию?

– Точно подмечено. Именно так.

– А ты забавная.

Сначала я милая в причудливом смысле, теперь забавная. Я знаю, что это значит.

– Как бы то ни было, спасибо, что подыграл, Питер. – Я одариваю его, надеюсь, обаятельной улыбкой и ухожу, разворачиваясь на пятках. – Увидимся!

Питер протягивает руку и хватается меня за рюкзак.

– Постой! Итак, Сандерсон теперь считает меня твоим парнем, верно? Так что ты собираешься ему сказать?

Я пытаюсь стряхнуть его, но он не отпускает.

– Я еще не решила. Но разберусь. – Я гордо поднимаю подбородок. – Я же такая причудливая.

Питер громко смеется, широко открыв рот.

– А ты действительно забавная, Лара Джин.

Глава 21

РЯДОМ СО МНОЙ ВИБРИРУЕТ ТЕЛЕФОН. Звонит Крис.

– Это правда? – Я слышу, как она попыхивает сигаретой.

– Что правда?

Я лежу на кровати на животе. Мама советовала: если болит живот, то надо лечь на него. Он согреется, и тебе станет лучше. Не думаю, что это действительно помогает. У меня целый день сводит живот.

– Что ты подбежала к Кавински и поцеловала его как маньячка?

Закрываю глаза и хнычу. Хотела бы я сказать «нет», так как на меня это не похоже. Но я все-таки сделала это, и были причины! Мне хочется рассказать Крис правду, но это прозвучит неловко.

– Да. Я подошла к Питеру Кавински и поцеловала. Как маньячка.

Крис выдыхает.

– Черт!

– Знаю.

– О чем, черт возьми, ты думала?

– Честно? Даже не могу тебе объяснить. Я просто... сделала это.

– Вот дерьмо. Не знала, что в тебе это есть. Я даже впечатлена в каком-то смысле.

– Спасибо.

– Но ты же знаешь, что Джен не даст тебе покоя? Может, они и расстались, но она по-прежнему считает, что его задница принадлежит только ей.

Живот опять сводит.

– Ага. Знаю. Мне страшно, Крис.

– Я сделаю все возможное, чтобы защитить тебя от нее, но ты же знаешь Джен. Тебе лучше быть начеку. – Крис вешает трубку.

Я чувствую себя еще хуже, чем раньше. Если бы Марго была здесь, она наверняка заявила бы, что писать эти письма было бессмысленно с самого начала, и поймала бы меня на этой огромной лжи. А затем она помогла бы мне разобраться с ситуацией. Но Марго здесь нет, она в Шотландии – и даже более того, она единственная, с кем я не могу поговорить. Она никогда-никогда– никогда не должна узнать о моих чувствах к Джошу.

Через какое-то время я вылезаю из постели и иду в комнату Китти.

Она сидит на полу, копаясь в нижнем ящике. Не отрываясь от дела, сестра спрашивает:

– Ты видела мою пижаму с сердечками?

– Я вчера ее постирала, так что, наверное, она в сушилке. Хочешь сегодня посмотреть кино и сыграть в Уно^[16]? – Мне бы не помешало развеяться и приободриться.

Китти поднимается с пола.

– Не могу. Я собираюсь на день рождения Алисии Бернارد. Оно в расписании записной книжки.

– Кто такая Алисия Бернارد? – я плюхаюсь на незаправленную постель Китти.

– Она новенькая. Пригласила всех девочек нашего класса. Ее мама делает тонкие блинчики для нас на завтрак. Ты знаешь, что такое блинчик?

– Да.

– Ты когда-нибудь его пробовала? Я слышала, они бывают соленые или сладкие.

– Да, как-то раз я съела один с Нутеллой и клубникой. – Мы с Джошем и Марго поехали в Ричмонд, потому что моя сестра хотела пойти в музей Эдгара Аллана По. Мы обедали в кафе в центре города, и вот там я попробовала свой первый блинчик.

Глаза Китти становятся огромными и жадными.

– Надеюсь, что ее мама делает именно такие. – Она убегает, полагая, вниз, чтобы найти свою пижаму в прачечной.

Я подбираю плюшевого поросенка Китти и крепко обнимаю его. Ну вот, даже у моей девятилетней сестры есть планы на вечер пятницы. Если бы Марго была здесь, то мы бы отправились в кино с Джошем или заглянули в дом престарелых Бельвью на вечеринку. Если бы папа был дома, я, возможно, отважилась бы взять его машину или же попросила его подвезти меня, но я не могу сделать даже этого.

После того как забрали Китти, я иду в комнату и раскладываю свою коллекцию обуви. Немного рановато переходить с сандалий на зимние ботинки, но я все равно продолжаю, потому что у меня сейчас такое настроение. Я подумываю разобрать и одежду, но это не такая простая задача. Вместо этого я сажусь и пишу письмо Марго на почтовой бумаге, которую бабушка купила для меня в Корее. Листы бледно-голубые с пушистыми белыми ягнятами по краям. В письме я сообщаю о школе и о новом учителе Китти, о лавандовой юбке, которую заказала на японском сайте и которую, уверена, она захочет одолжить. Но я не рассказываю сестре ни о каких реально существенных проблемах.

Я так скучаю по Гоу-Гоу. Без нее все по-другому. Теперь понимаю: год будет одинокий, потому что со мной нет Марго и Джоша. Я совсем одна. Есть Крис, но это немного не то. Жаль, у меня не так много друзей. Если бы у меня было больше товарищей, может быть, я бы не сглупила, поцеловав Питера К. у всех на глазах и не сказав Джошу, что он мой парень.

Глава 22

В СУББОТУ УТРОМ Я ПРОСЫПАЮСЬ от звука жужжащей газонокосилки и не могу снова уснуть, поэтому просто лежу в кровати, уставившись на стены, на все сбереженные мною фотографии, на все вещи в комнате. Мне хочется что-нибудь здесь переделать. Может быть, перекрасить всю комнату? Но в какой цвет? Лавандовый? Нежно-розовый? Или во что-нибудь смелое, типа бирюзового? А может быть, просто сделать акцент на одной стене? Выкрасить ее в желто-оранжевый цвет, а другую, например, в оранжево-розовый. Тут есть о чем подумать. Вероятно, мне следует дожидаться возвращения Марго, прежде чем принимать такое важное решение. Кроме того, я никогда раньше не красила комнаты в отличие от Марго, которая помогала благотворительному фонду. Сестра-то знает, что делать.

Как правило, по субботам у нас на завтрак что-нибудь вкусненькое, например, блины или фриттата^[17] с мелконарезанным замороженным картофелем и брокколи. Но поскольку Китти с Марго нет, я просто ем хлопья. Не будешь же готовить блины или фриттату только для одного? Папа уже давно проснулся и сейчас стрижет газон. Мне не хочется помогать ему с работой во дворе, поэтому хлопочу по дому и натираю лестницу. Я полностью погружена в уборку: чищу, подметаю и протираю столы, и все это время я беспрестанно думаю о том, как мне выкрутиться из этой истории с Питером К., сохранив крупицу достоинства. Колесики все вращаются и вращаются, но ничего хорошего на ум так и не приходит.

Я складываю белье, когда Китти возвращается домой. Она плюхается животом на кушетку и спрашивает меня:

– Что ты делала вчера вечером?

– Ничего. Просто сидела дома.

– И?

– Перебирала гардероб. – Как унизительно произносить это вслух. Я быстренько меняю тему. – Итак, мама Алисии сделала сладкие блинчики или соленые?

– И то, и другое. Сначала мы ели с ветчиной и сыром, а потом с Нутеллой. А почему мы никогда не покупаем Нутеллу?

– Потому что от фундука у Марго зудит в горле.

– Ну, мы можем купить немного в следующий раз?

– Конечно, – отвечаю я. – Нам просто нужно будет съесть всю баночку,

до того как Марго вернется домой.

– Не проблема, – говорит Китти.

– По шкале от одного до десяти, как сильно ты скучаешь по Гоу-Гоу? – спрашиваю я сестру.

Китти задумывается.

– Шесть с половиной, – отвечает она наконец.

– Всего лишь шесть с половиной?!

– Да, я была очень занята, – говорит она, перевернувшись и закидывая ноги в воздух. – У меня совсем не было времени скучать по Марго. Знаешь, если бы ты больше гуляла со своими друзьями, то, возможно, не скучала бы по ней так сильно.

Я кидаю в нее носок, и Китти заливается от смеха. Я щекочу ее, когда заходит папа со стопкой писем.

– Тут кое-что пришло к тебе, Лара Джин, обратно к отправителю, – говорит он, вручая мне конверт.

На нем мой почерк! Я поднимаюсь и выхватываю письмо из его рук. Это мое письмо к Кенни – мальчику из лагеря. Оно вернулось ко мне!

– Кто такой Кенни? – допытывается папа.

– Просто мальчик, с которым я познакомилась в церковном лагере давным-давно, – отвечаю я, на ходу распечатывая конверт.

Дорогой Кенна,

Сегодня последний день смены и, возможно, последний раз, когда я вижу тебя, потому что мы живем так далеко друг от друга. Помнишь, как на второй день я боялась стрелять из лука, а ты пошутил по поводу мелких рыбешек? Это было так смешно, что я чуть не описалась в штаны...

Я останавливаюсь. Шутка про мелких рыбешек? Почему она показалась мне смешной?

...Я очень скучала по дома, но ты развеселил меня, а мне стало лучше. Думаю, я бы уехала из лагеря раньше, если бы не ты, Кенна. Так что спасибо тебе. Ты также изумительный пловец, а мне нравится твой смех. Хотелось бы, чтобы именно меня ты поцеловал у костра прошлой ночью, а не Блэр Х.

Кенни, береги себя. Желаю тебе хорошего летнего отдыха и хорошей жизни.

С любовью, Лара Джин

Я прижимаю письмо к груди.

Это первое любовное письмо, которое я когда-либо писала. Рада, что оно вернулось ко мне. Хотя, полагаю, было бы не так плохо, если бы Кенни Донати узнал, что тем летом в лагере он помог двум людям – ребенку, который чуть не утонул в озере, и двенадцатилетней Ларе Джин Сонг Кави.

Глава 23

ПО ВЫХОДНЫМ ПАПА ГОТОВИТ КОРЕЙСКУЮ ЕДУ. Она, конечно же, не совсем аутентичная. Папа отправляется на корейский рынок и покупает готовые гарниры и маринованное мясо. Но бывает и так, что он звонит бабушке, узнает рецепт и действительно пытается что-то приготовить. Только в том-то и дело, что *пытается*. Он так не говорит, но я-то знаю, что он это делает, чтобы мы не потеряли связь с нашей корейской стороной, а еда – единственный известный ему способ, как этому поспособствовать. После смерти мамы отец, бывало, пытался заставить нас общаться с другими корейскими детьми, но такие встречи всегда были неловкими и напряженными.

Разве что я на мгновение увлеклась Эдвардом Кимом. Слава Богу, это увлечение так и не переросло в настоящую влюбленность – а иначе я бы написала и ему письмо, и он тоже бы появился в списке людей, которых я избегаю всеми силами.

Папа приготовил Боссам – блюдо из нарезанной свиной лопатки, завернутой в листья салата. Прошлой ночью он положил все это в рассол из соли и сахара и теперь весь день запекает блюдо в духовке. Мы с Китти постоянно проверяем: так вкусно пахнет!

Когда, наконец, наступает время обеда, папа все красиво раскладывает на столе. Серебряная чаша с только что вымытыми маслянистыми листьями салата с бусинками воды, все еще цепляющимися за поверхность листьев; хрустальная чаша с кимчи, которую он купил в магазине натуральных и органических продуктов; вазочка с пастой из перца; соевый соус с зеленым луком и имбирем.

Папа фотографирует наш обеденный стол.

– Я пошлю фото Марго, – говорит он.

– Сколько сейчас там времени? – спрашиваю я его.

Сегодня такой приятный и уютный день. Почти шесть часов, а я до сих пор еще в своей пижаме. Я обхватываю руками колени, прижав их к себе, сидя на большом обеденном стуле с подлокотниками.

– Одиннадцать. Уверен, она еще не легла, – отвечает папа. – Почему бы тебе не пригласить Джоша? Нам понадобится помощь, чтобы доесть всю эту еду.

– Он наверняка занят, – быстро отвечаю. Я все еще не решила, что скажу ему о Питере и тем более о письме.

– Просто пригласи его. Он любит корейскую еду, – папа перемещает свиную лопатку в центр. – Поторопись, а то Боссам остынет!

Я делаю вид, что набираю сообщение на мобильнике. Чувствую себя чуть-чуть виноватой за ложь, но папа бы понял, если был бы в курсе всех обстоятельств.

– Не понимаю, почему вы, молодежь, пишете эсэмэс, когда могли бы просто позвонить. И получили ответ тотчас, вместо того, чтобы ждать.

– Ты такой старомодный, папочка, – говорю я и смотрю на свой телефон. – Джош не сможет прийти. Давайте просто поедим. Китти!

– Ид-у-у! – кричит Китти сверху.

– Ну, может, он подойдет позже и доест остатки, – произносит папа.

– Папочка, у Джоша теперь своя жизнь. Зачем ему приходить к нам, когда Марго здесь нет? Кроме того, они даже больше не вместе, помнишь?

Папа делает растерянное лицо.

– Что? Не вместе?

Полагаю, Марго все-таки не рассказала ему. Хотя он и сам мог догадаться: Джош не поехал с нами в аэропорт. Как он мог этого не понять? Разве у папы нет глаз и ушей?

– Не вместе. И кстати, Марго сейчас в колледже Шотландии. А меня зовут Лара Джин.

– Хорошо, хорошо. Твой отец бестолковый, – говорит папа. – Понял. Не нужно повторять. – Он почесывает подбородок. – Боже, клянусь, Марго никогда не упоминала о...

Китти врывается в столовую.

– Ням, ням, ням, – она плюхается на стул и протыкает свинину вилкой.

– Китти, сначала нужно помолиться, – напоминает папа, усаживаясь на стул.

Мы молимся перед едой только тогда, когда едим в столовой. А в столовой мы едим, когда папа готовит по-корейски, на День благодарения или на Рождество. Когда мы были маленькими, мама частенько брала нас в церковь, и даже после ее смерти папа пытался продолжить традицию, но по воскресеньям у него бывают смены, и походы в церковь стали еще реже.

– Спасибо, Господи, за пищу, что ты послал нам. Спасибо тебе за моих прекрасных дочерей и, пожалуйста, пригляди за нашей Марго. Во имя Иисуса, Аминь.

– Аминь, – эхом вторим мы.

– Выглядит очень даже, да, девочки? – папа улыбается, перемешивая лист салата со свининой, рисом и кимчи. – Китти, ты же знаешь, как это делается, да? Это вроде маленького тако^[18].

Китти кивает и повторяет за ним.

Я же делаю свое собственное тако из салатных листов и чуть не выплевываю его. Свинина очень соленая. Аж до слез. Но я продолжаю жевать, а на другой стороне стола Китти строит мне гримасу, но я бросаю на нее взгляд: «молчи». Папа еще не попробовал; он фотографирует свою тарелку.

– Так вкусно, папочка, – говорю я. – Как в ресторане.

– Спасибо, Лара Джин. Получилось прямо как на картинке. Не могу поверить, насколько красивой и хрустящей выглядит корочка. – Наконец папа откусывает кусочек, затем хмурится. – Для вас не солоновато?

– Не совсем, – отвечаю я.

Он откусывает еще раз.

– А по мне, на вкус очень солено. Китти, как тебе?

Китти запивает водой.

– Нет, вкусно, папочка.

Я тайно посылаю ей большой палец вверх.

– Хм-м, нет, на вкус определенно соленая. – Папа сглатывает. – Я в точности следовал рецепту... Может, я использовал не ту соль для рассола? Лара Джин, попробуй снова.

Я откусываю крошечный кусочек и пытаюсь спрятаться, заслонив лицо листом салата.

– М-м-м.

– Может быть, если бы я отрезал от середины.

На столе звонит мой телефон. Это сообщение от Джоша. Он вернулся с пробежки и увидел свет в нашей столовой. Совершенно обычное сообщение. Словно вчерашнего поцелуя с Питером и не было.

Корейская еда??

Джош обладает шестым чувством: он всегда знает, когда папа готовит корейскую еду, и заходит, принохиваясь, прямо в тот момент, когда мы садимся есть. Он обожает корейскую кухню. Когда бабушка приезжает в гости, он от нее не отходит. Джош даже смотрит с ней корейские дорамы^[19]. Она нарезает яблоко кусочками и срезает для него кожицу, словно Джош младенец. Мальчики нравятся бабушке больше девочек.

Теперь до меня доходит: все женщины нашей семьи обожают Джоша. Кроме мамы, которая никогда не встречалась с ним. Но я уверена, она бы тоже его полюбила. Она полюбила бы каждого, кто настолько же хорош для Марго, как Джош. Был.

Китти вытягивает шею, чтобы заглянуть через мое плечо.

– Это Джош? Он к нам придет?

– Нет! – Я кладу телефон, и он снова вибрирует.

Я могу зайти?

– Он пишет, что хочет зайти!

Папа оживляется.

– Пригласи его! Я хочу знать его мнение по поводу этого Боссам.

– Слушайте, всем в этой семье нужно понять, что Джош больше не является ее частью. Он и Марго... – я медлю в нерешительности. Китти все еще не знает? Не могу вспомнить, должно ли это быть еще тайной. – Я имею в виду, Марго в колледже, и они так далеко друг от друга.

– Я знаю, что они расстались, – заявляет Китти, заворачивая в лист салата рис. – Марго сообщила мне по видеочату.

На другой стороне стола папа делает грустное лицо и впихивает кусочек салата в рот.

Китти продолжает с полным ртом:

– Я просто не пойму, почему мы не можем остаться с ним друзьями. Он всем нам друг. Верно, папочка?

– Верно, – соглашается папа. – И к тому же, отношения невероятно аморфные. Они могут снова сойтись. Остаться друзьями. Кто знает, что случится в будущем? Я к тому, что мы не можем сбрасывать Джоша со счетов.

Когда мы заканчиваем ужинать, я получаю еще одно эсэмэс от Джоша:

Неважно

Оставшиеся выходные нам приходится есть ту соленую свиную лопатку. На следующее утро папа готовит жареный рис и режет свинину на мелкие кусочки, приговаривая: «Думай о ней как о беконе». На ужин я проверяю свою теорию, смешав свинину с макаронами Крафт^[20] и сыром, но, в конце концов, выбрасываю всю порцию: на вкус как помой.

– Если бы у нас была собака... – продолжает повторять Китти.

В итоге я готовлю обычные макароны.

После ужина я вывожу Дорогушу Сэди на прогулку. Так мы с сестрой называем Сэди, золотистого ретривера, который живет вниз по улице. Шаховы уезжают из города на ночь и поэтому попросили меня покормить и выгулять их собаку. Как правило, Китти умоляла бы позволить ей это

сделать самой, но по телевизору показывают какое-то кино, которое она очень хотела посмотреть.

Мы с Сэди прогуливаемся по обычному маршруту – вокруг нашего глухого переулочка, когда к нам подбегает Джош в спортивном костюме. Нагнувшись, чтобы погладить Сэди, он говорит:

– Ну и как обстоят дела с Кавински?

Забавно, что ты об этом заговорил, Джош. Потому что история похоронена. Мы с Питером поссорились по видеочату этим утром (на случай если Джош заметил, что я не выходила из дома все выходные) и расстались. Из-за всего этого я просто опустошена, так как неизменно любила Питера Кавински, начиная с седьмого класса, но *se ля ви*.

– По правде говоря, мы с Питером расстались этим утром, – я закусываю губу и стараюсь выглядеть огорченной. – Просто очень тяжело, понимаешь? Он мне так долго нравился и, наконец-то, ответил взаимностью. Но этому не суждено быть. Думаю, он все еще не отошел от своего разрыва с Женевьевой. Возможно, ее власть над ним по-прежнему очень сильна, так что в его сердце нет места для меня.

Джош как-то странно на меня поглядывает.

– А он совсем другое рассказывал сегодня в Мак– Коллсе.

Какого лешего Питер К. делал в книжном магазине? Он не особенно любит читать.

– И что же он говорил? – Я стараюсь казаться равнодушной, но мое сердце так громко колотится, что я почти уверена: Сэди может его слышать.

Джош продолжает поглаживать Сэди.

– Что он сказал? – Теперь я просто стараюсь не визжать. – Что именно он сказал?

– Я его спросил, когда вы, ребята, начали встречаться, он ответил, что недавно. Он сказал, что ты действительно ему нравишься.

Что...

Должно быть, я выгляжу настолько же потрясенной, насколько и чувствую себя, потому что Джош выпрямляется и говорит:

– Да, я тоже был удивлен.

– Ты был удивлен, что я ему могла понравиться?

– Ну, типа того. Кавински не из тех парней, которые будут встречаться с девушкой вроде тебя. – Когда я, мрачная и не улыбающаяся, пристально смотрю на него в ответ, он пытается как можно скорее пойти на попятную. – Я имел в виду, потому что ты не такая, ну ты знаешь...

– Я не такая какая? Красивая? Как Женевьева?

– Нет! Это не то, что я имею в виду. Я пытаюсь сказать, что ты из тех

милых, невинных девушек, которые любят проводить время дома вместе со своей семьей, и... Не знаю, Кавински не производит на меня впечатления того, кого такие девушки интересуют.

Прежде чем он успевает произнести еще хоть слово, я выхватываю телефон из кармана и говорю:

– Это Питер звонит мне прямо сейчас, видишь, ему нравятся домашние девочки.

– Я не говорил домашние! Я просто сказал, тебе нравится быть дома!

Позже, Джош. Я быстро ухожу прочь, волоча за собой Сэди. И говорю в трубку: – О привет, Питер.

Глава 24

НА ХИМИИ ПИТЕР СИДИТ ПЕРЕДО МНОЙ.

Я пишу ему записку: *«Почему ты сказал Джошу, что мы... – я колеблюсь, а потом заканчиваю, – ...то самое»?*

Когда я пинаю спинку его стула, Питер оборачивается и берет мою записку. Он сползает под парту, чтобы прочесть, а потом пишет что-то в ответ. И, откидываясь на стуле, бросает мне записку.

«То самое? Ха-ха».

Отвечая, я так сильно давлю на карандаш, что его кончик обламывается.

«Пожалуйста, ответь на вопрос».

«Позже поговорим».

Я разочарованно вздыхаю, и Мэтт, мой партнер по лабораторке, начинает как-то странно на меня поглядывать.

После урока Питер смывается вместе с друзьями. Я складываю свои вещи в рюкзак, когда он возвращается, уже один.

– Итак, давай поговорим, – произносит он супернебрежно, запрыгивая на стол.

Я откашливаюсь и пытаюсь собраться с мыслями.

– Зачем ты сказал Джошу, что мы. – я чуть не говорю «то самое» снова, но, опомнившись, заканчиваю, – .вместе?

– Не понимаю, чем ты так расстроена. Я сделал тебе одолжение, хотя мог бы запросто разоблачить тебя.

Я замираю. Ведь он действительно мог.

– Так почему не разоблачил?

– А у тебя забавный способ благодарить. Пожалуйста, кстати.

Я автоматически говорю «Спасибо». Стоп. Почему я его благодарю?

– Я ценю то, что ты позволил себя поцеловать, но...

– Пожалуйста, – повторяет он вновь.

Ух! Питер просто невыносим лишь из-за того, что я собираюсь прикрыться им.

– Это было... очень великодушно с твоей стороны. Позволить мне сделать это. Но я уже объяснила Джошу, что у нас ничего не выйдет, так как Женестьева тебя захомотала, поэтому все хорошо. Теперь ты можешь перестать притворяться.

Он пристально глядит на меня.

– Меня не захомутали.

– А разве не так? Ну, я имею в виду, вы же, ребята, с седьмого класса вместе. Ты практически ее собственность.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – усмехается Питер.

– В прошлом году прошел слух, что Женестьева на свой день рождения заставила тебя сделать тату на заднице с ее инициалами. Так что, сделал? – Потягивая руку, я имитирую попытку приподнять его рубашку сзади. Он вскрикивает и отпрыгивает от меня, а я заливаюсь от смеха.

– Итак, у тебя *есть* тату!

– У меня нет тату! – кричит он. – И мы даже не вместе, поэтому не могла бы ты завязать со всем этим дерьмом? Мы расстались. Все кончено. Я с ней порвал.

– Постой, а разве не *она* тебя *бросила*? – спрашиваю я.

Он неодобрительно смотрит на меня.

– Это было взаимно.

Я быстренько добавляю:

Ну, уверена, вы скоро вновь сойдетесь. Вы же и раньше расставались, верно? Только для того, чтобы сразу сойтись снова. Это, наверное, потому что вы были первыми друг для друга. Вот и не можете быть порознь. Я слышала об этом.

У Питера отпадает челюсть.

– Откуда ты знаешь...

– О-о, это все знают. Вы, ребята, сделали это в девятом классе в подвале ее родителей, верно?

Он неохотно кивает.

– Видишь? Даже я знаю, а я – никто. И если на этот раз вы действительно расстались, в чем я сомневаюсь, вряд ли какая-нибудь другая девушка сможет встречаться с тобой, – и многозначительно добавляю, – давай не будем забывать о том, что случилось с Джамилой Сингх.

В прошлом году Питер и Женестьева расстались на месяц, так что он начал встречаться с Джамилой Сингх. Она, может быть, даже красивее Женестьевы – во всяком случае, намного сексуальнее. У нее длинные вьющиеся черные волосы, узкая талия и широкий зад. В целом, для нее это не очень-то хорошо закончилось. Женестьева не только выгнала ее из компании, она также рассказала всем, что у семьи Джамилы был индонезийский раб, который жил с ними, а на самом деле это был ее двоюродный брат. И я уверена, что именно Женестьева пустила в Интернете слух, что Джамила мыла волосы только раз в месяц. Последней каплей

стало анонимное электронное письмо для ее родителей, в котором говорилось, что у нее с Питером был секс. Родители Джамилы сразу же перевели ее в частную школу. И уже к весеннему балу Женестьева и Питер снова были вместе.

– Джен говорит, что она не имела никакого отношения к этому.

Я одариваю его взглядом – «спустись на землю».

– Пожалуйста, Питер. Я ее знаю так же хорошо, как и ты. Ну, знала. Но не думаю, что люди кардинально меняются. Они такие, какие есть.

Питер медленно произносит:

– Точно. Вы тогда были лучшими подругами.

– Мы были подругами, – соглашаюсь я, – хотя я бы не назвала нас лучшими, но... – Минуточку, почему мы снова болтаем обо мне? – Все знают, что это Женестьева растрепала все родителям Джамилы. Не нужно быть детективом, чтобы догадаться. Джамила была самой красивой девушкой в нашем классе, после Женестьева, а Джен всегда всем завидовала. Помню, как один раз папа купил мне.

Питер задумчиво смотрит на меня, отчего я начинаю нервничать.

– Что?

– Давай просто сделаем это.

– Сделаем что?

– Пусть народ думает, что мы пара.

– Погоди... что?

– Джен сходит с ума, не зная, что происходит между тобой и мной. Почему бы не дать ей понервничать немного дольше? Это идеально. Ты со мной встречаешься, а до Джен дойдет, что между нами все кончено. Ты ломаешь печать. – Он приподнимает бровь. – Ты хоть знаешь, что означает сломать печать?

– Да, конечно, я знаю. – Понятия не имею, что это значит. Мысленно делаю себе пометку: спросить об этом Крис.

Питер подходит ко мне ближе, и я шарахаюсь от него в сторону. Он смеется, наклоняет голову набок и кладет руки мне на плечи.

– Тогда сломай мою печать.

Я выпускаю нервный смешок.

– Ха-ха, извини, Питер, но я не заинтересована. Той.

– Ну, да. В этом-то и весь смысл. Я тоже не заинтересован тобой. Как бы, вообще. – Питер содрогается. – Ну, что скажешь?

Яжимаю плечами, чтобы стряхнуть его руки.

– Алло, я только что объясняла: Джен убьет каждую, кто приблизится к тебе!

Питер не придает этому значения.

– Джен только болтает. Она никогда никому ничего не сделает. Ты просто не знаешь ее так, как я.

Когда я ничего не произношу, он принимает мое молчание за одобрение и продолжает:

– Тебе бы тоже это помогло. С тем парнем, Джошем. Не ты ли боялась упасть в грязь лицом перед ним? Это бы спасло тебя от унижения. Зачем быть с ним, когда можно быть со мной? Ну, притвориться, что ты со мной. Однако, это только бизнес, я не хочу, чтобы ты влюбилась в меня.

Я с огромным удовольствием смотрю на его красивое лицо и ласково произношу:

– Питер, я не хочу быть даже твоей мнимой девушкой, не говоря уже о реальной.

Он моргает.

– Почему нет?

– Ты же читал мое письмо. Ты не в моем вкусе. Никто и никогда не поверил бы, что ты мне нравишься.

– Тебе решать. Я просто пытаюсь помочь нам обоим, – он пожимает плечами и смотрит сквозь меня, словно ему наскучил разговор. – Но Джош определенно поверил.

В одно мгновение, даже не задумываясь, я отвечаю:

– Окей, давай сделаем это.

Той ночью, несколько часов спустя, я лежу в постели, все еще изумляясь всему произошедшему. Что скажут люди, когда увидят меня идущей по коридору с Питером Кавински?

Глава 25

КОГДА СЛЕДУЮЩИМ УТРОМ Я ВЫХОЖУ ИЗ АВТОБУСА, Питер уже ждет меня на стоянке.

– Хэй, – говорит он. – Ты что, серьезно ездешь на автобусе каждый день?

– Мою машину чинят, помнишь? Авария?

Он вздыхает, словно то, что я езжу в школу на автобусе, каким-то образом оскорбляет его. Затем он хватает меня за руку, и мы входим в школу.

Впервые я иду по школьному коридору, держась с парнем за руки. Это должно быть чем-то знаменательным, особенным, но ничего подобного нет: все не по-настоящему. Честно говоря, нет никаких ощущений.

Эмили Нуссбаум дважды оглядывается, увидев нас. Она лучшая подружка Джен. Эмили так пялится, что я удивляюсь, почему она до сих пор не сфоткала нас на телефон, чтобы отправить Джен.

Питер останавливается, чтобы поздороваться с народом, я же стою рядом и улыбаюсь, словно в мире нет ничего более естественного, чем я и Питер Кавински.

В какой-то момент я пытаюсь высвободить руку, потому что моя начинает немного потеть, но он только еще крепче сжимает ее.

– Твоя рука слишком горячая, – шепчу я.

Сквозь стиснутые зубы он отвечает:

– Нет, твоя.

Уверена, руки Женовьевы никогда не потеют. Она, вероятно, днями напролет может держаться за руки, не перегреваясь.

Когда же наконец мы подходим к моему шкафчику, мы разжимаем руки, чтобы я могла скинуть учебники внутрь. Я закрываю дверцу шкафчика, а Питер наклоняется и пытается поцеловать меня в губы. Я настолько удивлена, что отворачиваю голову, и мы ударяемся лбами.

– Ой! – Питер потирает лоб, уставившись на меня.

– Что ж, не надо так ко мне подкрадываться! – Мой лоб тоже болит. Мы сильно ими ударились, словно металлическими тарелками. Если бы я сейчас посмотрела вверх, то увидела бы синих мультяшных птичек.

– Тише, тупица, – говорит он сквозь стиснутые зубы.

– Не называй меня тупицей, тупица, – шепчу я в ответ.

Питер тяжело вздыхает, как будто он очень раздражен. Я собираюсь

огрызнуться, что это его вина, а не моя, когда мельком замечаю скользящую по коридору Женевьеву.

– Мне надо идти, – произношу я и убегая в противоположном направлении.

– Постой! – окрикает Питер.

Но я мчусь стрелой.

Я лежу на кровати, закрыв лицо подушкой, вновь переживая ужасный поцелуй-которого-не-было. Стараюсь заблокировать его, но воспоминание продолжает всплывать вновь и вновь.

Я кладу руку на лоб. Не думаю, что справлюсь. Это все так... ну, эти поцелуи, потные ладони, все смотрят. Это все слишком.

Я просто скажу ему, что передумала и не хочу больше этого делать. Ну, вот и все. У меня нет его номера телефона, а сообщать что-либо из этого по электронке мне тоже не хочется. Придется пойти к нему домой. Это не так далеко; я все еще помню дорогу.

Я сбегая вниз по лестнице, мимо Китти, которая пытается удержать тарелку с печеньем Орео и стакан молока на подносе.

– Я возьму твой велосипед! – кричу я, пробегая мимо нее. – Скоро вернусь!

– Тебе же лучше, если с ним ничего не случится! – кричит в ответ Китти.

Я хватаю ее шлем и велосипед и мчусь со двора, крутя педалями так быстро, как только могу. Коленки слегка врезаются в грудь, но я не намного выше Китти, поэтому все не так уж и плохо. Питер живет в двух кварталах от меня, и мне понадобится меньше двадцати минут, чтобы до него добраться.

Когда я подъезжаю, то не вижу ни одной машины около дома. Питера нет. У меня все падает внутри. И что теперь делать? Сидеть и поджидать его на крыльце, как какой-то сталкер? А что если его мама вернется домой первой?

Снимаю шлем и присаживаюсь на минуточку, чтобы передохнуть. Волосы влажные и сальные после поездки, да и сама я вымоталась. Я пытаюсь расчесать волосы пальцами, но все безрезультатно.

Пока я размышляю, написать ли Крис и узнать, могла бы она приехать за мной, на улице с ревом появляется автомобиль Питера, въезжая на подъездную дорожку. Я роняю телефон, а затем ползу, чтобы поднять его.

Питер выходит из машины и в удивлении приподнимает бровь.

– Посмотрите-ка кто здесь. Моя обожаемая подружка.

Я встаю и машу ему.

– Можно с тобой поговорить минуточку?

Он перекидывает рюкзак через плечо и идет медленным шагом, садится на первую ступеньку, словно принц на трон, я же стою перед ним со шлемом в одной руке и с телефоном в другой.

– Ну, и в чем дело? – протяжно говорит он. – Дай угадаю. Ты здесь, чтобы отказаться, я прав?

Он такой самодовольный, такой уверенный в себе. Я не дам ему насладиться ощущением, что он прав.

– Нет, просто хотела пройтись по нашему с тобой плану, – садясь, отвечаю я. – Четко разложить нашу историю по полочкам до того, как люди начнут задавать вопросы.

Он поднимает брови.

– О-о. Окей. Имеет смысл. Итак, *как* мы сошлись?

Я обхватываю руками колени и рассказываю:

– Когда я попала в ту аварию на прошлой неделе, ты проезжал мимо и дождался со мной «тройное А», а затем отвез меня домой. Ты все время сильно нервничал, потому что у тебя на самом деле были ко мне чувства еще со средних классов. И я была первой, кого ты поцеловал. Так что это был огромный шанс для тебя...

– Ты была первой, кого я поцеловал? – перебивает он. – А как насчет того, что я был первым, поцеловавшим *тебя*? Это намного правдоподобнее.

Я игнорирую его и продолжаю дальше:

– Это был твой единственный шанс, так что ты воспользовался им и пригласил меня на свидание в тот же день. С тех пор мы встречаемся, и сейчас мы фактически пара.

– Не думаю, что Джен купится на это, – говорит он, качая головой.

– Питер, – говорю я своим самым терпеливым голосом, – самое правдоподобное вранье – то, в котором есть хоть немножко правды. Я действительно попала в автомобильную аварию; ты остановился и сидел со мной, и мы целовались в средних классах.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Мы с Джен встречались в тот день, после того как я видел тебя.

Я вздыхаю.

– Ладно. Избавь меня от подробностей. Но моя история все же работает. После автомобильной аварии ты никак не мог перестать думать обо мне, так что пригласил меня на свидание, как только Женевьева бросила... я имею в виду, как только вы, ребята, расстались, – я

откашливаюсь. – Раз уж мы завели разговор на эту тему, то я бы также хотела установить несколько основных правил.

– И какого рода правила? – спрашивает он, откидываясь назад.

Я сжимаю губы и делаю вдох.

– Ну... я не хочу, чтобы ты снова пытался поцеловать меня.

Питер скривил губы.

– Поверь мне, я тоже не хочу этого делать. Мой лоб до сих пор болит. Думаю, будет синяк. – Он приподнимает со лба волосы. – Видишь его?

– Нет, но я вижу залысину.

– *Что?*

Ха. Так и знала, это заденет его. Питер такой самовлюбленный.

– Успокойся, я шучу. У тебя есть листок бумаги и ручка?

– Ты собираешься все записать?

Я чопорно отвечаю:

– Это поможет нам ничего не забыть.

Закатив глаза, Питер лезет в рюкзак, достает блокнот и протягивает его мне. Я открываю чистую страницу и пишу наверху «*Контракт*». А затем «*Никаких поцелуев*».

– Думаешь, народ действительно купится на это, если мы вообще не будем прикасаться друг к другу на публике? – спрашивает Питер скептически.

Я не считаю, что отношения сводятся только к физиологии. Есть и другие способы показать, что тебе кто-то не безразличен, не только с помощью губ. – Питер улыбается, и по его виду похоже, что он вот-вот отпустит шутку, поэтому я быстро добавляю: – Или любой другой части тела.

Он стонет.

– Ты должна оставить хоть что-то, Лара Джин. Я должен поддерживать репутацию. Никто из моих друзей не поверит, что я вдруг превратился в монаха, чтобы встречаться с тобой. Как насчет руки в заднем кармане твоих джинсов, по меньшей мере? Поверь мне, все сугубо профессионально.

Я молчу о том, что думаю, то есть о том, что он слишком сильно беспокоится насчет общественного мнения. Я просто киваю и записываю: «*Питеру позволено засовывать руку в задний карман джинсов Лары Джин*».

– Но больше никаких поцелуев, – говорю я, не поднимая головы, чтобы он не увидел, как я краснею.

– Ты же все это начала, – напоминает он мне. – И к тому же, у меня нет никаких венерических заболеваний, так что можешь выбросить это из

своей головы.

– Я не думаю, что у тебя есть венерические заболевания, – оглядываюсь на него. – Дело в том... У меня никогда раньше не было парня. Я никогда не была на настоящем свидании и не держалась за руки, идя по коридору. Для меня все в новинку, поэтому извини за лоб сегодня утром. Я просто... хотела бы, чтобы все эти первые разы происходили по-настоящему и не с тобой.

Похоже, Питер обдумывает сказанное.

– Ага. Окей. Давай тогда просто кое-что прибережем.

– Да?

– Конечно. Мы прибережем кое-что для настоящего, а не показного.

Я тронута. Кто знал, что Питер мог быть таким заботливым и щедрым?

– Например, я ни за что не буду платить. Приберегу это для парня, который действительно будет тебя любить.

Моя улыбка исчезает.

– Я не ожидала, что ты будешь за что-нибудь платить!

Питер продолжает:

– Не буду провожать тебя до класса или покупать цветы.

– Я поняла. – Мне кажется, что Питера волнует больше его бумажник, чем я. Он надеется на халяву. – Итак, когда ты был с Женеьевой, что ей нравилось и хотелось, чтобы ты делал?

Я опасаясь, что он воспользуется этой возможностью, чтобы пошутить, но вместо этого Питер просто смотрит в никуда и отвечает:

– Она всегда ворчала на меня, заставляя писать ей записки.

– Записки?

– Да, в школе. Не понимаю, почему я не мог просто отправить ей сообщение. Это быстро и эффективно. Почему не воспользоваться доступными для нас технологиями?

Я ее прекрасно понимаю. Женеьеве не нужны были записки. Она хотела письма. Настоящие письма, написанные его почерком на бумаге, которые бы она могла держать, хранить и читать всякий раз, когда накатит настроение. Они были доказательством – твердым и осязаемым, – что кто-то о ней думает.

– Я буду писать тебе по записке в день, – внезапно говорит Питер с энтузиазмом. – Это сведет ее задницу с ума.

Я записываю: *«Питер будет писать Ларе Джин по одной записке каждый день»*.

Питер наклоняется.

– Запиши, что тебе придется ходить со мной на вечеринки. И добавь:

«Никаких романтических комедий».

– А кто говорил что-нибудь о романтических комедиях? Не каждая девушка хочет смотреть романтические комедии.

– Могу сказать только, что ты из тех девушек, которые их смотрят.

Меня раздражает, что он такого мнения обо мне, и даже больше раздражает то, что он прав. Я записываю: «НИКАКИХ ТУПЫХ БОЕВИКОВ»».

– Тогда что у нас остается? – требует Питер.

– Фильмы с супергероями, ужасы, исторические фильмы, документальные, иностранные...

Питер стряпает гримасу, выхватывает у меня ручку и бумагу и записывает: «НИКАКИХ ИНОСТРАННЫХ ФИЛЬМОВ»». Он также пишет: «Лара Джин сделает фотографию Питера заставкой на своем телефоне»».

– И наоборот! – говорю я и направляю свой телефон на него. – Улыбочку.

Питер улыбается, и, ух, раздражает, до чего он хорош. Затем он достает свой телефон, но я останавливаю его.

– Только не сейчас. Мои волосы выглядят сальными и грязными.

– Верно подмечено, – соглашается он, и мне хочется ему врезать.

– Можешь также записать, мы никому не скажем правду, ни при каких обстоятельствах? – спрашиваю я его.

– Первое правило Бойцовского клуба, – знаяще отвечает Питер.

– Никогда не смотрела этот фильм.

– Конечно, не смотрела, – говорит он, и я строю ему гримасу. Добавляю мысленную пометку: посмотреть Бойцовский клуб.

Питер записывает, а затем я сажусь рядом с ним и забираю ручку, подчеркивая «ни при каких обстоятельствах»» дважды.

– А что насчет окончания наших отношений? – неожиданно спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, как долго мы собираемся этим заниматься? Две недели? Месяц?

Питер пожимает плечами.

– Так долго, как захотим.

– Но... разве тебе не кажется, что мы должны на чем-то условиться.

Он перебивает:

– Тебе стоит расслабиться, Лара Джин. Жизнь не нужно так тщательно планировать. Просто плыви по течению, и пусть все происходит само

собой.

Я вздыхаю и говорю:

– Слова мудрости от великого Кавински. – Питер водит бровью. – Только все должно закончиться до возвращения моей сестры на рождественские каникулы. Она всегда может определить, когда я вру.

– О-о, мы определенно закончим к тому времени, – уверяет он.

– Хорошо, – говорю я и затем подписываю бумагу так же, как и он. Наш контракт готов.

Я слишком гордая, чтобы просить подвезти меня, да и Питер не предлагает, так что снова надеваю шлем и еду на велосипеде Китти обратно домой. Уже на полпути туда вспоминаю, что мы так и не обменялись телефонами. Ха, я даже не знаю номер телефона собственного предполагаемого парня.

Глава 26

Я ЗАШЛА В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МАККОЛЛС» за копией «Стеклянного зверинца» для урока английского и сейчас выискиваю Джоша. Теперь, когда мы с Питером все проработали, я с триумфом могу этим похвастаться. Подумает еще, прежде чем пикнет о том, что я – простая домоседка, с которой никто не захочет встречаться.

Замечаю Джоша у стойки с новинками в разделе публицистики. Он не видит меня, так что я подкрадываюсь сзади и кричу:

– Бу!

Он вздрагивает и роняет книгу на пол.

– Ты напугала меня до чертиков!

– В этом-то и был весь смысл, Джоши! – Я весело хихикаю, глядя на выражение его лица. Интересно, почему это так восхитительно смешно подкрадываться к людям?

– Хорошо, хорошо. Прекращай смеяться. Что ты здесь делаешь?

Я поднимаю книгу и размахиваю ею перед его лицом.

– У меня мистер Раднор по английскому. Он у тебя тоже был, верно?

– Да, он хорош. Строгий, но справедливый. У меня все еще есть записи, если они тебе нужны.

– Спасибо, – отвечаю я. И весело добавляю: – Догадайся, что... Мы с Питером все-таки не разошлись. Это было простое недоразумение.

– Ах да? – Джош начинает складывать книги в стопку.

Ага. Я виделась с ним вчера, мы болтали и разговаривали часы напролет. У меня такое чувство, что я могу разговаривать с ним о чем угодно. Он понимает меня.

Джош морщит лоб.

– И о чем вы, ребята, разговариваете?

– Ах, обо всем. О фильмах, книгах, обычных вещах.

– Хм. Я никогда не считал его любителем книг, – он прищуривается и смотрит через мое плечо. – Эй, я должен идти помочь Джанис за прилавком. Когда будешь готова расплатиться, подходи к моей кассе, я сделаю тебе скидку.

Хм, не совсем та реакция, на которую я надеялась. У меня едва был шанс похвастаться.

– Звучит здорово, – говорю я, но он уже зашагал прочь.

Я прижимаю книгу к груди. Теперь, когда Джош знает, что я больше не

люблю его и что я встречаюсь с Питером, думаю, все вернется на свои места. Словно моего письма никогда и не было.

Глава 27

– МАРГО ЗВОНИЛА СЕГОДНЯ, когда тебя не было, – сообщает за ужином папа.

Ужин – просто салат. Салат для меня с папой и хлопья для Китти. Мы планировали приготовить куриные грудки, но так как я забыла утром вытащить их из морозильника, то у нас был просто салат и морковь, приправленные бальзамическим уксусом. Папа дополнил блюдо двумя вареными яйцами, а я взяла кусочек тоста с маслом. Вот тебе и ужин. Хлопья да салат. Мне срочно нужно выбраться в магазин.

С тех пор как Марго уехала, я разговаривала с ней дважды, и один раз по видеочату вместе со всеми, столпившимися вокруг моего ноутбука. Я не успела ее расспросить обо всех интересных вещах – о приключениях и людях, с которыми она повстречалась. Я слышала, что британцы распивают абсент в пабах. Интересно, попробовала ли она его уже? Я отправляла Марго кучу писем по электронной почте, а в ответ получила всего лишь одно. Понимаю, она занята, но, по крайней мере, могла бы писать по письму в день. Может, я лежу мертвой в канале, а она даже это не узнает.

– И что она сказала? – спрашиваю я, нарезая морковь на мелкие кусочки.

– Она подумывает над тем, чтобы попробовать себя в шинти^[21], – отвечает папа, вытирая с подбородка салатную заправку.

– А что такое шинти? – спрашивает меня Китти. Я пожимаю плечами.

– Это шотландский вид спорта, напоминающий хоккей на траве, – объясняет папа. – Он появился как своего рода безопасная тренировка на мечах в средневековой Шотландии.

Скучно. Прежде чем папа успевает рассказать нам еще что-то о средневековой Шотландии, я говорю:

– А давайте пошлем Гоу-Гоу посылку с гостинцами! То, что она не сможет достать там.

– Да! – радостно восклицает Китти.

– Что нам отправить? – спрашиваю я. – Пусть каждый внесет свою лепту.

Папа жует и постукивает пальцем по подбородку.

– Я пошлю ей жевательных витаминов, – произносит он. – И болеутоляющее. Думаю, она захватила с собой только маленький флакончик Адвила, а вы же знаете, как у нее иногда болит голова.

– Одобряю, – я указываю вилкой на Китти. – А что насчет тебя?

– У меня есть кое-что, что я хотела бы отправить, – говорит Китти. – Сбежать?

Мы с папой в недоумении поглядываем друг на друга и пожимаем плечами.

– Конечно.

Китти прибегает обратно с картинкой, на которой она нарисовала Марго. Глядящую собаку. Именно той породы, которую хочет Китти. Акита. Я вынуждена посмеяться.

Китти хмурится.

– Что тут смешного?

– Ничего, – говорю я.

– Как ты думаешь, она хорошая? – спрашивает меня Китти. – Можно ли ее повесить на стенку?

– Определенно, – отвечаю я.

– Нет, я хочу, чтобы ты хорошенько на нее посмотрела, – упорствует она. – Критично. Я могу нарисовать лучше. Марго нужна моя лучшая работа.

– Китти, она, безусловно, лучшая, – уверяю я. – Зачем мне врать-то?

Она вздыхает.

– Я просто не знаю, закончена ли она уже.

– Только художник знает это, – говорит папа и мудро кивает.

– А что ты думаешь о собаке? – спрашивает она у него. – Разве она не милая?

Папа забирает у меня рисунок и внимательно рассматривает его.

– Да, собачка, бесспорно, очень симпатичная.

– Я тоже азиатка, – произносит она. Китти садится на свое место и начинает кушать, сдерживая улыбку. Она выполнила свою основную задачу. Заложил положительные ассоциации о собаках в папину голову. Малышка никогда не отдыхает. Она всегда знает, как подступиться.

– Что еще войдет в посылку? – хочет знать Китти.

Я начинаю загибать пальцы:

– Тампоны, потому что не знаю, есть ли у них в Шотландии наш бренд, фланелевая пижама, толстые носки, герлскаутское печенье...

– Где ты собираешься достать герлскаутское печенье в это время года? – спрашивает папа.

– У меня припрятана коробочка с печеньем «Тин Минтс» в морозильнике, – отвечаю я.

Он бросает на меня обиженный взгляд.

– Припрятана от кого? – Печенье «Тин Минтс» – его любимое. Если они есть в доме, о нем можно забыть. Папа – пожиратель печенья.

Я загадочно пожимаю плечами.

– Я также пошлю Марго ее любимую шариковую ручку и... все.

– Не забудь ее коричневые ботинки, – напоминает мне папа. – Она попросила отправить ее коричневые ботинки на шнуровке.

– Неужели? – Я надеялась, Марго не заметит, что оставила их. – И когда она это сказала?

– Написала мне вчера по почте.

– Посмотрим, смогу ли я их найти.

Папа говорит:

– А разве ты их не носила на этой неделе?

В то же время Китти произносит:

– Они в твоём шкафу.

Я поднимаю руки.

– Хорошо, хорошо.

– Если соберете посылку сегодня вечером, то я могу завтра по дороге на работу забросить ее на почту, – предлагает папа.

Я отрицательно качаю головой.

– Хочу послать и шарф, который я вяжу, но боюсь, что не успею его связать. Может быть, через недельку или две?

Прихлебывая молоко, Китти машет рукой и советует:

– Да забудь ты уже про этот шарф. Вязание – это не твое.

Я открываю рот, чтобы возразить, но затем закрываю его. Возможно, она права. Если мы будем ждать, когда я довяжу шарф, чтобы отправить его с посылкой, Марго вероятно уже окончит колледж.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Мы отправим посылку без шарфа. Но это не значит, что я бросаю вязать. Буду продолжать пыhtеть над ним, и он будет готов к Рождеству в качестве подарка для тебя, Китти. – Я сладко улыбаюсь ей. – Он розовый. Твой любимый.

Глаза Китти от ужаса округляются.

– Или Марго. Ты также можешь подарить его Марго.

Этой ночью Китти просунула под мою дверь листочек бумаги. Со списком подарков на Рождество. На дворе только сентябрь – до Рождества еще несколько месяцев! «Щенок» – написано сверху прописными буквами. Она также хочет муравьиную ферму, скейтборд и телевизор в свою комнату. Ну да, телевизора не будет. Хотя я могла бы купить ей муравьиную ферму. Или могла бы поговорить с папой насчет щенка. Китти не говорила, но,

думаю, она сильно скучает по Марго. В каком-то смысле Марго для нее единственная мама. Должно быть, Китти тяжело справляться с тем, что сестра так далеко. Нужно чаще напоминать себе быть терпеливее и внимательнее к ней. Я нужна ей сейчас как никогда.

Иду в комнату сестры и забираюсь в постель. Она только выключила свет, но уже засыпает.

– А что если нам завести котенка? – шепчу я.

Ее глаза моментально распахиваются.

– Черта с два!

– А тебе не кажется, что мы больше семья кошатников? – мечтательно спрашиваю я. – Мягкий серо-белый котенок с пушистым хвостиком. Мы могли бы назвать его Принцем, если бы это был мальчик. Ох, или Гэндальфом Серым! Разве не миленько? Или, если будет девочка – Агатой. Или Тилли. Или Босс. Все зависит от ее индивидуальности.

– Хватит, – предупреждает Китти. – Мы не заведем кота. Коты ерунда. К тому же они большие манипуляторы.

Пораженная, я спрашиваю:

– Откуда ты узнала это слово?

– Из телевизора.

– Со щенком много возни. Кто будет кормить его, выгуливать и тренировать?

– Я. Я все буду делать. Я достаточно ответственная, чтобы позаботиться о нем сама.

Я сильнее прижимаюсь к ней. Мне нравится запах ее волос после ванной.

Ха. Ты даже никогда не моешь посуду. И никогда не убираешься в комнате. И ты хоть раз в жизни помогла сложить белье? Если ты не делаешь ничего из этого, как ты можешь нести ответственность за другое живое существо?

Китти сталкивает меня.

– Тогда я буду больше помогать!

– Поверю, когда увижу.

– Если я стану больше помогать, ты поможешь мне убедить папочку завести щенка?

– Если будешь помогать, – соглашаюсь я. – Если сможешь доказать мне, что ты больше не ребенок. – В январе исполнится десять. Вполне взрослая, чтобы помогать с работой по дому. Думаю, Марго слишком с нею нянчится. – Я назначаю тебя ответственной за уборку мусора из корзин наверху раз в неделю. И помощь со стиркой.

– Значит меня ждет прибавка карманных денег?
– Нет. Твоя награда – моя помощь в убеждении папочки завести собаку, а еще ты докажешь, что стала взрослой. – Я взбиваю подушку. – Кстати, я сплю сегодня здесь.

Китти быстро меня пинает, и я чуть ли не падаю с кровати.

– Это ты ребенок, Лара Джин, не я.

– Просто дай мне поспать здесь одну ночь!

– Ты стащишь на себя все одеяло.

Китти снова пытается вытолкнуть меня, но я размякаю и притворяюсь, будто бы уже сплю. Вскоре мы обе засыпаем по-настоящему.

В воскресенье вечером я делаю домашнюю работу на кровати, как вдруг раздается звонок с неизвестного мне номера.

– Алло?

– Привет. Чем занимаешься?

– Ммм... извините, но кто это?

– Это Питер!

– О. Откуда у тебя мой номер?

– Не беспокойся об этом.

А потом длиннющее молчание. Тягостное молчание... с каждой тикающей миллисекундой, пока никто из нас не заговорит. Но я не знаю, что сказать.

– Итак, что ты хотел?

Питер смеется.

– Ты такая застенчивая, Кави. Твоя машина все еще в ремонте? Может, я подвезу тебя до школы?

– Окей.

– В семь тридцать.

– Окей.

– Окей.

– Пока, – говорю я и вешаю трубку.

Глава 28

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я РАНО БУЖУ КИТТИ, чтобы она могла заплести мне волосы.

– Оставь меня в покое, – произносит она, переворачиваясь на другой бок. – Я сплю.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Можешь заплести волосы в корону? – спрашиваю я, присев на корточки перед ее кроватью.

– Нет. Только косу сбоку, и это все.

Китти быстренько заплетает мне косу, а затем заваливается обратно спать, а я иду выбирать себе наряд. Теперь, когда мы с Питером официально вместе, народ станет замечать меня, поэтому я должна носить что-то красивое. Примеряю платье с пышными рукавами в горошек вместе с колготками, но оно смотрится как-то не так. Как и мой любимый свитер с сердечком и маленькими помпончиками. Внезапно все выглядит таким детским. Наконец я останавливаюсь на цветочном платье, которое заказала на сайте японской уличной моды с полусапожками. Напоминает лондонскую моду семидесятых.

Я сбегаю вниз в семь двадцать, и Китти уже сидит за столом в своей джинсовой куртке и ждет меня.

– Почему ты внизу? – спрашиваю я. Ее автобус придет не раньше восьми.

– У меня сегодня экскурсия, поэтому я должна приехать в школу раньше. Помнишь?

Я подбегаю к холодильнику и смотрю на календарь. Вот оно, написанное моим почерком: *Экскурсия Китти*.

Блин.

Я должна была отвезти ее, но это было до автомобильной аварии. У папы ночная смена в больнице, и он еще не вернулся домой, так что у меня нет машины.

– А может одна из мам заехать за тобой?

– Слишком поздно. Автобус отходит в семь сорок. – Лицо Китти покрывается пятнами, и ее подбородок начинает подрагивать. – Я не могу опоздать на автобус, Лара Джин!

– Ладно, ладно. Не расстраивайся так. За нами прямо сейчас должны заехать. Не волнуйся, окей? – Я отрываю зеленоватый банан со связки. – Давай выйдем на улицу и подождем его.

- Кого?
- Просто поторопись.

Мы с Китти ждем на крыльце, съедая зеленоватый банан напополам. Мы обе предпочитаем незрелые бананы коричневым в крапинку. Марго любит с крапинками. Я берегу их для бананового хлеба, но Марго проглатывает все кашеобразные помятые части. Содрогаюсь даже при одной мысли об этом.

Воздух прохладный, хотя сейчас только сентябрь и, следовательно, практически еще лето. Китти потирает ноги, чтобы согреться. Она говорит, что будет носить шорты вплоть до октября; таков ее план.

Уже семь тридцать, а Питера еще нет. Я начинаю нервничать, но мне не хочется волновать Китти. Решаю, что, если он не появится здесь ровно через две минуты, я пойду к Джошу и попрошу его подвезти Китти в школу.

Наша соседка через дорогу, мисс Ротшильд, машет нам, запирая входную дверь и держа в руке большой термос с кофе. Она бежит к своей машине.

– Доброе утро, мисс Ротшильд, – приветствуем мы ее хором. Я толкаю Китти локтем и говорю:

– Пять, четыре, три...

Черт возьми! – вскрикивает мисс Ротшильд. Она пролила кофе на руку. С ней такое случается, по меньшей мере, два раза в неделю. Не знаю, почему бы ей не пойти медленнее или, может быть, просто закрыть термос, или же не заполнять его до краев.

Именно в этот момент подъезжает Питер, его черный «ауди» сверкает еще сильнее при свете дня. Я поднимаюсь и говорю:

– Пошли, Китти, – и она плетется за мной.

– Кто это? – слышу ее шепот.

Его окна опущены. Я подхожу со стороны пассажирского сиденья и просовываю голову внутрь.

– Ничего, если мы подвезем мою младшую сестренку до школы? – спрашиваю я. – Ей сегодня нужно быть пораньше из-за экскурсии.

Питер выглядит раздраженным.

– Почему ты вчера об этом не сказала?

– Вчера я не знала об этом! – Я спиной чувствую, как позади меня ерзает Китти.

– Машина двухместная, – говорит Питер. Будто я собственными глазами не вижу этого.

– Знаю. Я просто посажу Китти к себе на колени и пристегну ремень поверх нас обоих, – за что папа убил бы меня, если узнал, но мы не собираемся рассказывать ему об этом.

– Ага, звучит по-настоящему безопасно, – язвит он. Ненавижу, когда люди язвят. Так низко.

– Всего две мили!

Он вздыхает:

– Хорошо. Забирайтесь.

Я открываю дверь и залезаю, укладывая сумку в ногах.

– Идем, Китти. – Я освобождаю ей пространство между ног, и она забирается. Крепко пристегиваю нас ремнем и обхватываю ее руками. – Не говори папочке, – наказываю я.

– А как же! – отвечает она.

– Привет. Как тебя зовут? – спрашивает ее Питер.

Китти колеблется. Это случается все чаще. С новыми людьми ей приходится решать: будет она Китти или Кэтрин.

– Кэтрин.

– Но все зовут тебя Китти?

– Все, кто знает меня, – произносит Китти. – Ты же можешь называть меня Кэтрин.

Глаза Питера загораются.

– А ты крепкий орешек, – говорит он с восхищением, которое Китти игнорирует, но продолжает мельком на него поглядывать. Он оказывает подобный эффект на людей. На девушек. На женщин.

Мы молча проезжаем свой район. Наконец Китти говорит:

– Итак, кто ты?

Я посматриваю на Питера, он же смотрит прямо перед собой.

– Я Питер. Парень, э-э твоей сестры.

У меня отвисает челюсть. Мы ничего не говорили о том, чтобы лгать своей семье! Я думала, мы будем притворяться только в школе.

Китти замирает в моих руках. А затем поворачивается, чтобы взглянуть на меня, и орет:

– Он твой парень? С каких пор?

– С прошлой недели, – по крайней мере, это правда. Отчасти.

– Но ты ничего не говорила! Ни одного поганого слова, Лара Джин!

Я произношу автоматически:

– Не говори «поганого».

– Ни одного поганого слова, – повторяет Китти, качая головой.

Питер лопается от смеха, а я бросаю на него неодобрительный взгляд.

– Все произошло очень быстро, – предлагает он. – Едва было время рассказать кому-нибудь...

– Разве я с тобой разговаривала? – рывкает Китти ему в ответ. – Нет, не думаю. Я разговаривала со своей сестрой.

Глаза Питера становятся огромными, и я вижу, как он старается сохранить невозмутимый вид.

– Марго знает? – спрашивает она меня.

– Еще нет, и даже не смей говорить ей, пока я не скажу.

– Хм. – Кажется, Китти это немного приободрило, потому что для нее большое дело – узнать что-то первой, раньше Марго.

Мы подъезжаем к зданию начальной школы, и, слава богу, автобус все еще на стоянке. Дети выстроились в очередь. Я с облегчением делаю выдох, который сдерживала всю дорогу. Китти освобождается от моих объятий и выпрыгивает из машины.

– Хорошо провести время на экскурсии! – кричу я.

Она оборачивается и с упреком указывает на меня пальцем:

– Я хочу услышать всю историю, когда вернусь домой! – с этим заявлением она убегает к автобусу.

Я снова пристегиваю ремень.

– Ммм, не припомню, чтобы мы решили рассказывать своим семьям, что мы пара.

– Она бы все равно узнала когда-нибудь, я ведь теперь ваш личный шофер.

– Тебе не нужно было говорить «парень». Мог бы просто сказать «друг». – Мы все ближе к школе, еще два светофора. Я нервно тереблю косу. – Ты уже поговорил с Женевьевой?

Питер хмурится.

– Нет.

– И она тебе ничего не сказала?

– Нет. Но уверен, что скоро скажет.

Питер мчит на стоянку и паркуется. Когда мы выходим из машины и направляемся ко входу, Питер переплетает свои пальцы с моими. Я думала, он отпустит мою руку, как только мы дойдем до моего шкафчика, но он тянет меня в противоположном направлении.

– Куда мы идем? – спрашиваю я.

– В кафетерий.

Я собираюсь возразить, но он успевает твердо сказать:

– Нам нужно больше тусоваться в общественных местах. Кафешка – это то, где наше представление разойдется на ура.

Джоша в кафе не будет – оно для популярных учеников – но я знаю, кто точно будет там. Женевьева.

Когда мы заходим внутрь, она сидит в окружении своих поклонников за обеденным столиком: Эмили Нуссбаум, Гейб и Даррелл из команды по лакроссу. Они все завтракают и пьют кофе. Должно быть, у нее есть шестое чувство, когда дело касается Питера, потому что она тотчас испепеляет нас взглядом-лазером. Я начинаю замедлять шаг, чего Питер, кажется, не замечает. Он направляется напрямик к столику, но в последнюю секунду я трушу. Я тяну его за руку и говорю:

– Давай сядем там, – и указываю на свободный столик в их поле зрения.

– Почему?

– Просто... пожалуйста. – Я быстро соображаю. – Понимаешь, было бы откровенно нелепо с твоей стороны притащить девушку к столу, после того как вы всего минуту назад разошлись. А так Женевьева сможет наблюдать издалека и удивляться еще дольше, – и, кроме того, я в ужасе.

В то время как я тащу Питера к столику, он машет своим друзьям и пожимает плечами, как бы говоря: «А что мне остается делать?». Я сажусь, и Питер усаживается рядом со мной, пододвигая мой стул ближе к своему. Приподняв бровь, он спрашивает:

– Ты так ее боишься?

– Нет.

Да.

– Когда-нибудь тебе все равно придется с ней столкнуться, – Питер наклоняется, снова хватая меня за руку и начинает выводить линии на моей ладони.

– Прекрати, – говорю я. – У меня от этого ползут мурашки.

Он бросает на меня обиженный взгляд.

– Девушкам нравится, когда я так делаю.

– Нет. Женевьеве нравится. Или она притворяется, что ей нравится. Знаешь, я тут поняла, что у тебя нет такого большого опыта в отношениях, как все думают. Всего лишь одна девушка, – я освобождаю свою руку из его и кладу ее на стол. – Все считают тебя большим ловеласом, когда в действительности ты встречался только с Женевьевой, а потом с Джамиллой около месяца...

– Ладно, ладно. Я понял. Хватит уже. Они смотрят на нас.

– Кто? Твой столик?

Питер пожимает плечами.

– Все.

Я быстро оглядываюсь вокруг. Он прав. Все смотрят на нас. Питер привык к вниманию людей, а я нет. Такое забавное чувство – будто бы зудит кожа от нового свитера; это потому что никто никогда не наблюдает за мной. Будто я на сцене. И самое забавное и действительно странное – это не настолько неприятно, как казалось.

Я думаю об этом, когда встречаюсь взглядом с Женеьевой. Между нами возникает некая связь – «Я знаю тебя». А затем она отворачивается и что-то шепчет Эмили. Женеьева смотрит на меня таким взглядом, будто я лакомый кусочек и она собирается съесть меня заживо и выплюнуть косточки. А после этот тяжелый взгляд так же быстро исчезает, и она улыбается.

Я поежилась. Правда в том, что она пугала меня даже в детстве. Однажды я играла у нее дома, и Марго позвонила, чтобы позвать меня домой на обед. Но Женеьева сказала ей, что меня у нее не было. Она не давала мне уйти, потому что хотела продолжать играть в кукольный домик. Женеьева заперла дверь. Мне пришлось позвать ее маму.

На часах пять минут девятого. Скоро прозвенит звонок.

– Нам надо идти, – говорю я и, когда встаю, чувствую, как у меня дрожат коленки. – Готов?

Он отвлекся, потому что разглядывал своих друзей за столиком.

– Да, конечно. – Питер поднимается и подталкивает меня к двери. Одну руку он держит на моей пояснице, а другой машет своим друзьям. – Улыбайся, – шепчет он мне, и я улыбаюсь.

Должна признаться, приятное чувство, когда парень увлекает тебя за собой, проводя через толпу. Ощущение, будто о тебе заботятся. Это похоже на хождение во сне. Я все еще я, и Питер – все еще Питер, но все вокруг меня кажется расплывчатым и нереальным, как в день, когда мы с Марго умыкнули бутылку шампанского в канун Нового года.

Я никогда не задумывалась об этом раньше, но, возможно, все это время я была невидимкой. Просто некто, кто всегда присутствовал здесь. Теперь, когда люди думают, что я подружка Питера Кавински, им стало интересно узнать меня лучше. Что понравилось Питеру во мне? Что во мне такого? Что делает меня особенной? Мне бы тоже было интересно. Раньше я была просто Тихой Девушкой. Но, став подружкой Питера, возвысилась до Таинственной Девушки.

Я еду домой на автобусе, так как у Питера тренировка по лакроссу. И как обычно сижу спереди, но сегодня у людей есть ко мне вопросы. В основном у младшеклассников. Вряд ли кто-нибудь из старшеклассников сядет в автобус.

– Что у тебя с Кавински? – спрашивает меня девушка по имени Манда. Делаю вид, будто не услышала.

Я сползаю пониже и разворачиваю записку, которую Питер оставил в моем шкафчике.

ДОРОГАЯ ЛАРА ДЖИН,
ХОРОШАЯ РАБОТА СЕГОДНЯ.
ПИТЕР

Я начинаю улыбаться, а затем слышу, как Манда шепчет своей подруге:

– Это так странно, что она понравилась Кавински. Ну... посмотри на нее и на Женевьеву.

Я съеживаюсь. Вот о чем все думают? Может быть, я Не Таинственная Девушка. Возможно, что я Недостаточно Хороша?

Я возвращаюсь домой и направляюсь напрямиком в свою комнату, надеваю мягкую ночную сорочку и расплетаю косу.

Какое приятное облегчение – распустить волосы. Кожа головы покалывает с благодарностью. Затем я ложусь в постель и смотрю в окно, до тех пор пока не темнеет. Мой телефон продолжает гудеть. Уверена, это Крис, но я даже не удосуживаюсь поднять голову, чтобы проверить.

В какой-то момент в комнату врывается Китти и спрашивает:

– Ты болеешь? Почему ты до сих пор лежишь в постели, словно у тебя рак, как у мамы Брилли?

– Мне нужен покой, – отвечаю я, закрывая глаза. – Мне нужно восполнить запасы покоя.

– Ну... а что тогда мы будем есть на ужин?

Я открываю глаза. Точно. Сегодня понедельник. Теперь по понедельникам я отвечаю за ужин. Ах, Марго, где же ты? Уже стемнело, нет времени, чтобы что-то разморозить. Может быть, сделать понедельники вечерами пиццы? Я пристально смотрю на сестренку.

– У тебя есть деньги?

Мы обе получаем карманные деньги: Китти пять долларов в неделю, я же двадцать, но у Китти всегда больше денег, чем у меня. Она все приберегает, как хитрый бельчонок. Не знаю, где она хранит деньги, потому что всегда запирает дверь, когда собирается взять немного из своего тайника. И она даст займы, но возьмет потом с процентами. У Марго есть кредитка, которой она может пользоваться для оплаты продуктов и бензина, но она забрала ее с собой. Наверное, мне следовало попросить папу об еще

одной кредитке – для себя: теперь я самая старшая сестра в семье.

– Зачем тебе деньги?

– Потому что я хочу заказать пиццу на ужин. – Китти открывает рот, чтобы возразить, но до того, как она успевает сказать хоть слово, я говорю: – Папочка вернет тебе их, когда придет домой, так что даже не думай взымать с меня процент. Пицца также и для тебя. Двадцатки должно хватить.

Китти скрещивает на груди руки:

– Я дам тебе деньги, но сперва ты должна рассказать мне о том парне. Твоем *бойфренде*.

Я застонала.

– Что ты хочешь узнать?

– Я хочу знать, как вы сошлись.

– Мы были друзьями еще в средних классах, помнишь? Мы все иногда зависали в домике Пирсов на дереве. – Китти озадаченно пожимает плечами. – Ну, помнишь тот день, когда я попала в аварию? – Китти кивает. – Так вот, Питер проезжал мимо, остановился и помог мне. И мы просто... снова начали общаться. Это была судьба. – Кстати, хорошая практика – рассказывать Китти эту историю. Сегодня вечером я поведаю Крис то же самое.

– И все? Это вся история?

– Эй, это хорошая история, – говорю я. – Ну, автомобильная авария звучит драматично, плюс наше совместное прошлое.

Китти просто произносит «Хм» и оставляет меня в покое.

На ужин у нас пицца с колбасками и грибами, и, когда я выдвигаю идею заказывать пиццу по понедельникам, папа быстренько соглашается. Думаю, он все еще помнит мои макароны Боссам с сыром.

Как хорошо, что Китти большую часть ужина рассказывает о своей экскурсии, и все, что мне приходится делать, только жевать свою пиццу. Я по-прежнему думаю о словах Манды и задаюсь вопросом: может, эта идея была не так уж хороша?

Когда Китти замолкает, чтобы проглотить свой кусочек, папа поворачивается ко мне и спрашивает:

– А с тобой сегодня произошло что-нибудь интересное?

Я проглатываю свой кусочек пиццы.

– Ммм... не совсем.

Позже вечером я готовлю себе ванну с пеной и погружаюсь в нее так надолго, что Китти дважды стучит в дверь, проверяя, не уснула ли я. Один раз я почти заснула.

Только погружаюсь в сон, как звонит телефон. Это Крис. Я жму «Пропустить», но он продолжает вибрировать. Наконец я поднимаю трубку.

– Это правда?! – кричит она.

Я убираю телефон подальше от уха.

– Да.

– О, мой бог! Расскажи мне все!

– Завтра, Крис. Я расскажу тебе все завтра. Спокойной ночи.

– Стой.

– Споки!

Глава 29

В ЭТУ ПЯТНИЦУ Я ИДУ НА ПЕРВЫЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ футбольный матч. Футбол меня никогда не интересовал. Я сижу на трибунах с Питером и его друзьями. Насколько я могу судить, там и смотреть не на что. Все чего-то ждут, с кем-то переговариваются, и ничего не происходит. Совсем не похоже на то, что показывают по телевизору и в кино.

К девяти тридцати игра почти закончена (надеюсь). Я зеваю в пальто, когда Питер неожиданно обнимает меня, и чуть не давлюсь своим зевком.

Внизу Женестьева подбадривает команду с остальными членами группы поддержки. Она машет и трясет помпонами, поднимает взгляд на трибуны и, когда замечает нас, смотрит всего полсекунды, а потом со сверкающими глазами продолжает подбадривать футболистов.

Я поглядываю на Питера, ухмыляющегося от удовольствия. Когда Женестьева возвращается к кромке поля, он отпускает свою руку и вдруг вспоминает, что я рядом. Он говорит:

– Сегодня вечером Эли собирает народ. Хочешь пойти?

Я даже не знаю, кто такая Эли. Я вновь зеваю для показухи.

– Ммм... Я очень устала. Так что... нет. Нет, спасибо. Можешь просто подвезти меня по дороге туда?

Питер смотрит на меня, но не спорит.

По дороге домой мы проезжаем мимо закусочной, и неожиданно Питер говорит:

– Я проголодался. Хочешь остановиться и перекусить? – и многозначительно добавляет: – Или ты слишком устала?

Я игнорирую подкол и говорю:

– Конечно, давай поедим.

Питер разворачивает машину, и мы идем в закусочную. Нам достается передняя кабинка. Всякий раз, когда я приходила сюда с Марго и Джошем, мы всегда садились рядом с музыкальным автоматом, чтобы забрасывать в него монетки. Иногда автомат был сломан, но нам все равно нравилось сидеть возле него. Как-то странно быть здесь без них. У нас так много традиций в этом месте. Обычно мы заказываем по два сэндвича с жареным сыром и режем их на квадраты. Потом берем по тарелке томатного супа, чтобы макать туда наши сэндвичи. На десерт мы с Джошем заказываем вафли со взбитыми сливками, а Марго – пудинг из тапиоки. Мерзость,

знаю. Уверена, только бабушки любят пудинг из тапиоки.

Наша официантка Келли – студентка колледжа. Ее не было все лето. Судя по всему, вернулась. Келли пристально разглядывает Питера, пока ставит нам воду.

– А где сегодня твои друзья? – спрашивает она меня.

Я отвечаю:

– Марго уехала в Шотландию, а Джош... не здесь, – на что Питер закатывает глаза.

Затем он заказывает черничные оладьи и бекон с яичницей. Я – жареный сыр с картофелем фри и газированную воду из черемухи.

Когда Келли уходит, чтобы принести наш заказ, я спрашиваю его:

– За что ты так сильно ненавидишь Джоша?

– Я его не ненавижу, – издевается Питер. – Я едва знаю этого парня.

– Ну, тебе он определенно не нравится.

Питер бросает на меня сердитый взгляд.

– А чему там нравиться? Этот малый сдал меня однажды за списывание в седьмом классе.

Питер жульничал? У меня немного скрутило живот.

– И что это было за мошенничество? Домашняя работа?

– Нет, тест по испанскому. Я записал ответы на калькуляторе, а Джош, блин, выдал меня. Кто же так поступает?

Я ищу в его лице хоть какой-то признак смущения или стыда за списывание, но не нахожу ни следа.

– Почему ты такого высокого мнения о себе? Ты же жульничал!

– Это было в седьмом классе!

– И что, ты по-прежнему списываешь?

– Нет. Практически. Ну, пару раз. – Он хмурится. – Может, перестанешь смотреть на меня так?

– Как так?

– Осуждающе. Слушай, я в любом случае собираюсь учиться на стипендию по лакроссу, так что, не все ли равно?

На меня снизошло внезапное озарение. Я спрашиваю, понизив голос:

– Постой... ты умеешь читать?

Он заливается смехом.

– Да, я умею читать. Господи, Лара Джин. Не за всем скрывается история, ладно? Я просто ленивый. – Он фыркает. – Умею ли я читать? Я написал тебе несколько записок! Ты очень забавная.

Я чувствую, как мое лицо заливается краской.

– Это не было настолько смешно. – Я украдкой бросаю на него

взгляд. – Для тебя это все шуточки?

– Не все, но большинство, конечно.

Я удивлена.

– Тогда, наверное, это твой недостаток, над которым стоило бы работать, – говорю я. – Потому что есть серьезные вещи, и они должны восприниматься всерьез. Извини, если считаешь меня бескомпромиссной.

– Угу, думаю, это именно бескомпромиссность. Я считаю тебя такой в целом. Это недостаток твоего характера, над которым тебе следует потрудиться. А еще я считаю, что тебе нужно научиться расслабляться и получать удовольствие.

Я перебираю в голове все занятия, которые приносят мне радость: катание на велосипеде (ненавижу), выпечка, чтение; подумываю над тем, чтобы сказать вязание, но уверена, что он только посмеется надо мной. Когда Келли приносит нашу еду, я отвлекаюсь, потому что хочу укусить свой жареный сыр, пока он мягкий.

Питер крадет одну из моих картофелин.

– Итак, кто еще?

– Что кто еще?

Он произносит с набитым ртом:

– Кто еще получил письма?

– Ммм, это очень личное, – я качаю головой, словно говорю: «Вау, как грубо».

– Что? Мне просто любопытно. – Питер макает другой кусочек картошки в мой маленький горшочек с кетчупом. Усмехаясь, он добавляет:

– Ну же, не стесняйся. Ты можешь рассказать мне. Знаю, я, очевидно, номер один. Но мне хочется услышать, кто еще набрал очки.

Питер перегибает палку, он слишком уверен в себе. Прекрасно, если он так сильно хочет знать, я скажу ему.

– Джош, ты...

– Очевидно.

– Кенни.

Питер фыркает.

– Кенни? Кто он?

Я ставлю локти на стол и опираюсь подбородком на руки.

– Мальчик, с которым я познакомилась в церковном лагере. Он был самым лучшим пловцом среди мальчиков. Однажды он спас тонущего ребенка, доплыв до середины озера прежде, чем спасатели заметили что-то неладное.

– Так что он сказал, когда получил письмо?

– Ничего. Оно вернулось обратно к отправителю.

– Ладно, кто следующий?

Я откусываю сэндвич.

– Лукас Крапф.

– Он же гей, – говорит Питер.

– Он не гей!

– Боже, прекращай мечтать. Парень – гей. Он вчера в школу надел аскотский^[22] галстук.

– Уверена, он так пошутил. Кроме того, аскотский галстук не делает кого-то геєм, – я бросаю ему взгляд, говорящий: «Вау, как гомофобно».

– Эй, не смотри на меня так, – протестует он. – Мой любимый дядя – гей, как пить дать. Спорю на пятьдесят баксов, что, если бы я показал фотографию Лукаса своему дядюшке Эдди, он подтвердил бы это за полсекунды.

Только потому, что Лукас ценит моду, это не делает его геєм. – Питер открывает рот, чтобы возразить, но я приподнимаю руку, останавливая его. – Все это означает, что он более городской парень среди всего этого... скучного пригорода. Спорим, он в конечном итоге отправится в Нью-Йоркский университет или в какое-нибудь другое заведение Нью-Йорка. Он мог бы быть телевизионным актером. У него такая внешность, ты же понимаешь. Стройный, с тонкими чертами лица, очень чувствительными чертами. Он похож... на ангела.

– Так что же Ангельский Парень сказал о письме?

– Ничего. Уверена, потому что он джентльмен и не хотел смущать меня, поднимая этот вопрос. – Я одариваю его многозначительным взглядом. «В отличие от некоторых», – говорю я глазами.

Питер закатывает глаза.

– Хорошо, хорошо. Мне все равно. – Он откидывается на спинку сиденья и вытягивает руку, положив ее на спинку свободного места рядом с ним. – Это только четыре. Кто пятый?

Я удивлена, что он считал.

– Джон Амброуз Макларен.

Глаза Питера округляются.

– Макларен? Когда он тебе нравился?

– В восьмом классе.

– Я думал, ты меня любила в восьмом классе!

– Возможно, там было частичное совпадение, – признаюсь я. Помешивая соломкой напиток, продолжаю: – Был один раз, на физкультуре... мы с ним должны были собрать все футбольные мячи, и

начался дождь. – Я вздыхаю. – Наверное, это был самый романтичный момент в моей жизни.

– Что происходит с девушками под дождем? – удивляется Питер.

– Не знаю. Полагаю, может быть из-за дождя все кажется намного драматичнее, – говорю я, пожимая плечами.

– Между вами двоими действительно что-то произошло или вы просто стояли под дождем и собирали футбольные мячи?

– Тебе не понять.

Такой как Питер никогда не сможет понять.

Питер закатывает глаза.

– Итак, письмо Макларена было отправлено на его старый адрес? – подсказывает он.

– Думаю, что так. Я от него вообще ничего не слышала, – делаю большой глоток содовой.

– Почему ты так грустно говоришь об этом?

– Неправда!

Может быть, немного. Думаю, что помимо Джоша, Джон Амброуз Макларен значит для меня больше, чем все парни, которых я когда-либо любила. Просто было в нем что-то очаровательное. Некое обещание, что возможно в один прекрасный день... Думаю, Джон Амброуз Макларен был Тем, Кто Ушел. Вслух же я говорю:

– Ну, он либо не получил мое письмо, либо получил, и, – я пожимаю плечами, – мне всегда было интересно, каким он стал. Тот же ли он еще. Уверена, что да.

– Мне кажется, он как-то раз упомянул тебя, – Питер медленно добавляет: – Да, определенно говорил. Сказал, что считал тебя самой красивой девочкой в нашем классе. Он говорил, что единственное, о чем он жалел в средней школе, что он не пригласил тебя на бал в восьмом классе.

Все мое тело напрягается, и мне кажется, я даже перестаю дышать.

– Серьезно? – шепчу я.

Питер покатывается со смеху.

– Боже! Ты такая доверчивая!

Мой живот сжимается. Моргая, я произношу:

– Это было низко. Зачем ты так сказал?

Питер перестает смеяться и говорит:

– Эй, извини. Я просто пошутил.

Я тянусь через стол и бью его в плечо. Сильно.

– Ты придурок!

Он потирает плечо и жалуется:

– Ой! Больно!

– Ну, ты это заслужил.

– Извини, – снова говорит он. Но в его глазах все еще остались проблески смеха, поэтому я отворачиваю от него голову. – Эй, ну же. Не злись. Кто знает? Может быть, ты ему действительно нравилась. Давай позвоним ему и узнаем.

Я вскидываю голову.

– У тебя есть номер его телефона? У тебя есть номер Джона Амброуза Макларена?

Питер достает сотовый телефон.

– Конечно. Давай позвоним ему прямо сейчас.

– Нет! – я пытаюсь выхватить у него телефон, но Питер слишком быстрый. Он держит его над моей головой, и я не могу дотянуться. – Не смей звонить ему!

– Почему бы и нет? Я думал, тебе было интересно, что с ним происходило.

Я с жаром качаю головой.

– Чего ты так боишься? Что он тебя не помнит? – Что-то меняется в его лице, некая крупница понимания. – Или что он помнит?

Я отрицательно качаю головой.

– Вот оно, – Питер кивает сам себе. Он откидывается назад на своем стуле, руки сплетены на затылке.

Мне не нравится то, как он на меня смотрит. Словно думает, что разгадал меня. Я протягиваю ему свою ладонь.

– Дай мне свой телефон.

У Питера отвисает челюсть.

– Ты собираешься позвонить ему? Прямо сейчас?

Мне нравится, что я его удивила. Кажется, будто я обыграла его. Думаю, заставить Питера врасплох может стать для меня веселым хобби. Повелительным тоном, который я использую только в разговоре с Китти, произношу:

– Просто дай мне свой телефон. – Питер протягивает мне его, и я копирую номер Джона к себе. – Я позвоню ему, когда захочется мне, а не когда этого хочешь ты.

Питер бросает на меня взгляд, в котором читается уважение. Конечно, я вообще не собираюсь звонить Джону, но Питеру этого знать не обязательно.

В ту ночь я лежу в постели, все еще думая о Джоне. Забавно размышлять, а что если бы. Страшновато, но весело. Будто бы эта закрытая

дверь приоткрылась, на совсем малюсенькую щелочку. А что если? Как бы это было – я и Джон Амброуз Макларен? Я могу представить себе это, когда закрываю глаза.

Глава 30

МЫ С МАРГО РАЗГОВАРИВАЕМ ПО ТЕЛЕФОНУ. Здесь субботний полдень, а там уже субботний вечер.

– Ты выбрала себе стажировку на весну?

– Еще нет...

Марго вздыхает.

– Я думала, ты собираешься попробовать заняться чем-нибудь в Монпелье. Им вроде требуется помощь в архивах. Хочешь, я позвоню Донне за тебя?

Марго два лета подряд стажировалась в Монпелье, и ей это нравилось. Она была там на каких-то важных раскопках, где они нашли осколок фарфоровой тарелки Долли Мэдисон; можно подумать, они нашли алмазы или кость динозавра. Там все обожали Марго. Когда она уехала, они подарили ей декоративную тарелку за все ее труды. Папа повесил тарелку в гостиной.

– До Монпелье слишком далеко ехать, – говорю я.

– А что насчет волонтерства в больнице? – предлагает она. – Ты могла бы ездить с папочкой в те дни, когда он работает.

– Ты же знаешь, я не люблю больницу.

– Тогда библиотека! Тебе нравится библиотека.

– Я уже заполнила анкету, – вру я.

– В самом деле?

– Или как раз собиралась.

– Мне не следует давить на тебя. Ты должна сама этого хотеть. Тебе нужно проявлять инициативу. Я не всегда буду рядом, чтобы подталкивать тебя.

– Знаю.

– Ты же понимаешь, Лара Джин, как важен этот год? Это – все. Повторения не будет: это предпоследний год.

Я чувствую подступающие слезы и нарастающую панику внутри себя. Если она задаст мне еще один вопрос, то это будет слишком, и я расплачусь.

– Алло?

– Я все еще здесь, – говорю я срывающимся голосом. Знаю: Марго в курсе, что я сейчас расплачусь.

Она замолкает.

– Слушай, у тебя все еще есть время, хорошо? Я просто не хочу, чтобы ты слишком долго тянула и все хорошие места достались другим. Я беспокоюсь о тебе. Пока все отлично; у тебя все хорошо.

– Хорошо. – Даже одно это маленькое слово стоит усилий.

– А как все остальное?

Я начала этот разговор, желая поведать ей о Питере и обо всем, что со мной происходит, но теперь я просто чувствую облегчение, что между нами все эти мили и она не может видеть, что я творю.

– Все хорошо, – отвечаю я.

– Как Джош? Ты разговаривала с ним в последнее время?

– Не совсем, – говорю я. Я была настолько занята с Питером, что у меня действительно не было возможности.

Глава 31

МЫ С КИТТИ СИДИМ НА КРЫЛЬЦЕ. Она пьет свой корейский йогурт, а я, пока жду Питера, вяжу шарф для Марго. Китти ждет, когда выйдет папа: он сегодня подвозит ее в школу.

Мисс Ротшильд пока не выходила. Может быть, она сегодня приболела или вышла на пробежку позже, чем обычно.

Наши глаза прикованы к ее входной двери, когда по нашей улице проезжает микроавтобус и тормозит напротив нашего дома. Я прищуриваю глаза. Это Питер Кавински. За рулем желто-коричневого минивэна. Он высовывает из окна голову.

– Вы едете или нет?

– Почему ты разъезжаешь на *этом*? – окрикивает Китти.

– Не бери в голову, Кэтрин, – отзывается Питер. – Просто залезай.

Мы с Китти переглядываемся.

– Я тоже? – спрашивает меня Китти.

Я пожимаю плечами. Затем откидываюсь назад, открываю входную дверь и кричу:

– Папочка, Китти едет со мной!

– Окей! – кричит он в ответ.

Мы встаем, но как раз в этот момент из своего дома выбегает мисс Ротшильд в темно-синем костюме с портфелем в одной руке и кофе в другой. Мы с Китти радостно посматриваем друг на друга.

– Пять, четыре, три...

– Черт возьми!

Хихикая, мы бежим к микроавтобусу Питера. Я сажусь на пассажирское сиденье, Китти забирается назад.

– Над чем вы смеялись? – спрашивает он.

Я как раз собираюсь рассказать ему, и тут из своего дома выходит Джош. Он останавливается и наблюдает за нами секунду, прежде чем помахать. Я машу ему в ответ, а Китти высовывает из окна голову и кричит:

– Привет, Джош!

– Привет, – окликает Питер, наклонившись надо мной.

– Хэй, – говорит Джош в ответ. Затем садится в свою машину.

Питер тычет меня в бок и улыбается, а потом разворачивает автомобиль.

– Расскажите мне, почему вы смеялись.

Пристегивая ремень безопасности, я говорю:

– Примерно раз в неделю мисс Ротшильд бежит к своей машине и проливает на себя горячий кофе.

Китти добавляет:

– Это самая смешная вещь в мире.

Питер фыркает:

– А вы садисты.

– Что такое «садист»? – интересуется Китти. Она просовывает голову между нами.

Я оттесняю ее назад и говорю:

– Пристегни ремень.

Питер разворачивает машину.

– Это означает, что вид страдающих людей делает тебя счастливой.

– О-о. – Она тихонько повторяет про себя. – Садист.

– Не учи ее дурному, – говорю я.

– А мне нравится, – протестует Китти.

Питер отвечает:

– Видишь? Ребенку нравится. – Не оборачиваясь, он поднимает ладонь вверх, Китти наклоняется вперед и бьет по ней от всей души, давая «пять». – Эй, дай мне глотнуть того, что ты там пьешь.

– Он почти закончился, так что можешь допивать, – говорит она.

Китти передает напиток, и Питер выпивает одним залпом содержимое пластиковой бутылки.

– Вкусно, – произносит он.

– Он из корейского продуктового магазина, – сообщает ему Китти. – Их продают упаковками, и можно положить в морозилку, а если взять его на обед, то, когда будешь пить, он будет ледяным и холодным.

– Звучит круто. Лара Джин,хватишь для меня завтра утром один из них? За оказанные услуги.

Я бросаю на него злобный взгляд, и Питер добавляет:

– Я имею в виду поездки! Блин.

– Питер, я принесу тебе йогурт, – говорит Китти. – До тех пор, пока ты подвозишь меня в школу, и завтра тоже, – заканчивает Китти, а Питер жмет на гудок.

Глава 32

НА ПЕРЕМЕНЕ Я СТОЮ У СВОЕГО ШКАФЧИКА и пытаюсь заново заколоть свою косу, смотря в маленькое зеркальце, висящее на дверце.

– Лара Джин?

– Да?

Я выглядываю из-за дверцы и вижу Лукаса Крапфа, одетого в ярко-голубой свитер с V-образным вырезом и хаки каменистого цвета.

– Оно у меня уже какое-то время... Я не собирался ничего говорить, но потом подумал, возможно, тебе захочется вернуть его обратно, – он вкладывает розовый конверт мне в руку. Это мое письмо. Итак, Лукас тоже его получил.

Я забрасываю его в шкафчик, строю себе в зеркальце *рожицу*, а потом закрываю дверцу.

– Итак, тебе, наверное, интересно, в чем тут дело, – начинаю я. А потом тут же начинаю мямлить. – Это, ммм, ну, я написала его очень давно и.

– Тебе не нужно объяснять.

– В самом деле? Тебе не любопытно?

– Нет. На самом деле было очень приятно получить подобное письмо. Это такая честь для меня.

Я облегченно вздыхаю и оседаю, прислонившись к шкафчику. Ну почему Лукас Крапф настолько прав? Он знает, как сказать приятное.

А затем Лукас одаривает меня наполовину гримасой, наполовину улыбкой.

– Но дело в том. – он понижает голос, – ты же знаешь, что я гей, да?

– О-о, да, точно, – отвечаю я, стараясь скрыть разочарование. – Нет, я, безусловно, знала. – Что ж, Питер оказался прав.

Лукас улыбается.

– Ты такая милая, – говорит он, и я вновь воспряла духом. Потом он добавляет: – Слушай, не могла бы ты никому не рассказывать об этом? Я имею в виду, это уже известно, но не всем. Ты понимаешь, о чем я?

– Абсолютно, – отвечаю я суперуверенно.

– Например, мама знает, но отец только догадывается. Я не говорил ему напрямую.

– Поняла.

– Я просто позволяю людям думать, что им заблагорассудится. Не

чувствую себя обязанным объяснять им что-либо. Ты же понимаешь, о чем я. Как человек смешанной расы, уверен, люди всегда спрашивают тебя, какой ты расы, верно?

Я не задумывалась об этом раньше, но да, да, да! Лукас точно подметил.

– Точно. Как бы, а зачем тебе это знать?

– Точно.

Мы улыбаемся друг другу, и я ощущаю то удивительное чувство быть понятой кем-то. Мы идем вместе в одном направлении: у него урок мандаринского языка, а у меня французского. В какой-то момент он спрашивает меня про Питера, и мне хочется рассказать ему правду, потому что я ощущаю между нами близость. Но мы с Питером заключили пакт, где ясно написали: никто никогда не проболтается. Я не хочу быть той, кто нарушит правила. Так что, когда Лукас интересуется: «Эй, так что же у тебя с Кавински?», я просто пожимаю плечами и загадочно улыбаюсь.

– Безумие, правда? Потому что он такой... – я ищу подходящее слово, но не могу придумать, ни одного. – Он бы мог играть роль красивого парня в кино, – и быстро добавляю: – Так же, как и ты. Ты бы играл парня, которого *должна* выбрать девушка.

Лукас смеется, но могу сказать, что шутка ему понравилась.

Дорогой Лукас,

Я никогда не встречала парня с такими хорошими манерами, как у тебя. Тебе бы еще британский акцент. На выпускном вечере ты был в галстуке, и он здорово тебе шел; думаю, ты мог бы носить его все время, и тебе это сошло бы с рук.

О, Лукас! Хотелось бы мне знать, какие девушки тебе нравятся. Насколько я могу судить, ты ни с кем не встречался... если, конечно, у тебя нет подружки в другой школе. Ты такой загадочный. Я почти ничего не знаю о тебе. А то, что знаю, настолько несущественно и никчемно, как то, например, что ты каждый день ешь бутерброд с курицей на обед и что ты в команде по гольфу. Полагаю, одна хоть чуточку реальная вещь, которую я знаю о тебе, – ты хороший писатель, что означает – у тебя глубокий внутренний мир. Как, например, тот рассказ с точки зрения шестилетнего мальчика об отравленном колодце, который ты написал на уроке сочинения. Он был таким глубоким, таким пронцательным! Этот рассказ заставил меня

почувствовать, что я хоть чуть-чуть, но знала тебя. Но я тебя не знаю, а хотелось бы.

Я считаю тебя особенным. Думаю, ты один из самых необычных людей в нашей школе, и мне бы хотелось, чтобы больше людей об этом знало. Или же нет, потому что приятно иногда быть единственной, кто знает что-то особенное.

С любовью, Лара Джин

Глава 33

ПОСЛЕ ШКОЛЫ МЫ С КРИС ЗАВИСАЕМ в моей комнате. Она поссорилась с мамой, потому что гуляла всю ночь, и сейчас прячется здесь и ждет, пока ее мама не уйдет в книжный клуб. Мы едим большую пачку «Пиратских сокровищ», которая принадлежит Китти и которую мне придется заменить на что-то другое. Иначе она будет жаловаться, не обнаружив ее в понедельник в своем обеде.

Крис загребает горсть «Пиратских сокровищ» и кладет ее себе в рот.

– Просто скажи мне, Лара Джин. Как далеко у вас все зашло?

Я едва не подавилась.

– У нас никуда не зашло! И у нас нет в планах заходить куда-нибудь в ближайшем будущем.

Или вообще когда-нибудь.

– Серьезно? Не было даже поползновений над бюстгальтером? Быстрого маневра пальцев по твоей груди?

– Нет! Я же говорила тебе, мы с сестрой не такие.

Крис фыркает.

– Ты шутишь? Конечно, у Марго с Джошем был секс. Перестань быть такой наивной, Лара Джин.

– Я не наивная, – возражаю я. – Знаю наверняка, что они с Марго этим не занимались.

– Откуда? Откуда ты знаешь «наверняка»? Хотелось бы мне это услышать.

– Не скажу тебе.

Если я расскажу Крис, то она только сильнее рассмеется. Она не поймет: у нее есть только маленький братик. Она не знает, как это происходит у сестер. Мы с Марго заключили договор еще в средних классах. Мы поклялись не заниматься сексом, пока не выйдем замуж или же не влюбимся по-настоящему сильно; и не раньше, чем в двадцать один год. Марго, может быть, и была по-настоящему влюблена, но она не замужем и ей нет двадцати одного. Она никогда не отступится от своего слова. Для сестер договор – это все.

– Нет, мне действительно хотелось бы знать, – у Крис особенно голодный блеск в глазах, и я знаю, она только разогревается.

– Ты просто хочешь посмеяться над этим, но я тебе не позволю, – отвечаю я.

Крис закатывает глаза.

– Отлично. Но по-любому у них что-то было.

Думаю, Крис специально заводит подобные разговоры, чтобы задеть меня. Она обожает ответные реакции, поэтому я стараюсь не показывать ей ни одной. Я спокойно произношу:

– Могла бы ты, пожалуйста, перестать говорить о сексе между Марго и Джошем. Ты же знаешь, мне это не нравится.

Крис достает из своей сумки маркер и начинает раскрашивать ноготь большого пальца.

– Тебе нужно перестать быть такой застенчивой. Seriously, ты вообразила в своей голове, что это такой огромный, переломный момент в жизни, но на самом деле после пяти раз ты перестаешь в это верить. И это даже не самая приятная часть жизни.

Она ждет, что я поинтересуюсь насчет самой лучшей части, и мне вправду очень любопытно, но я игнорирую ее слова и говорю:

– Думаю, маркер слишком токсичен для ногтей, – на что она качает головой, словно я – гиблое дело.

Хотя, интересно... *каково* это? Настолько сблизиться с парнем, что он увидит тебя всю, какая есть. Будет ли страшно только на секунду или две, или же будет страшно все время? А что если мне вообще не понравится? Или же, наоборот, слишком понравится? Тут есть о чем подумать.

Глава 34

– СЧИТАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО, если парень и девушка встречались долгое время, у них автоматически был секс? – спрашиваю я Питера.

Мы сидим на полу библиотеки, прислонившись спинами к стене справочного раздела, куда никто никогда не заходит. Занятия закончились, библиотека пустая, мы делаем домашнюю работу. У Питера тройки да двойки по химии, так что я ему помогаю с учеббой.

Питер, неожиданно заинтересовавшись, отрывает взгляд от учебника по химии. Он отбрасывает книгу в сторону и говорит:

– Мне нужно больше информации. Как долго они уже встречаются?

– Долго. Около двух лет.

– Сколько им? Нашего возраста?

– Примерно.

– Тогда, скорее всего, но не обязательно. Все зависит от девушки и парня. Но если бы мне пришлось делать ставки на деньги, то да.

– Но девушка не такая. Да и парень тоже.

– О ком мы разговариваем?

– Это секрет, – я колеблюсь, но потом добавляю, – Крис считает, что у них по-любому он был. Она говорит, это однозначно.

Питер фыркает.

– Зачем ты обращаешься к ней за советом? Эта девица – ходячая катастрофа.

– Она не ходячая катастрофа!

Он бросает на меня взгляд.

– В девятом классе она выпила «Четыре Локо»^[23], забралась на крышу Тайлера Бойлана и станцевала стриптиз.

– Ты был там? – требую я. – Ты видел это своими глазами?

– Чертовски точно. Вылавливал ее одежду из бассейна как джентльмен.

Я надуваю щеки.

– Что ж, Крис никогда не рассказывала мне эту историю, и я не могу ничего возразить на это. Кроме того, разве они не запретили «Четыре Локо», или как там это называется?

– Они по-прежнему готовят его, но хреновую разбавленную версию. Однако, можно вбухать в него «Пятичасовой Энергетик», чтобы получить тот же эффект.

Я содрогаюсь, тем самым вызывая у Питера улыбку.

– О чем вы с Крис вообще разговариваете? – спрашивает он. – У вас же нет ничего общего.

– А о чем мы с тобой разговариваем? – задаю я встречный вопрос.

Питер смеется.

– Намек понят, – он отстраняется от стены и кладет голову мне на колени. Я замираю.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал совершенно нормально, когда заговариваю вновь:

– У тебя сегодня действительно странное настроение.

Он приподнимает бровь.

– И какое же у меня настроение?

Питер обожает слушать о себе, и обычно я не возражаю, но сегодня не хочу угождать ему. У него в жизни и так уже слишком много людей, говорящих ему, какой он замечательный.

– В несносном, – отвечаю я, и он смеется.

– Я сонный. – Он закрывает глаза и устраивается на мне поудобнее. – Кави, расскажи мне сказку на ночь.

– Не флиртуй, – говорю я ему.

Он распахивает глаза.

– Я не флиртовал!

– Да, ты флиртовал. Ты со всеми флиртуешь. Будто не можешь удержаться.

– Ну, я никогда не флиртовал с тобой. – Питер садится и проверяет телефон, и вдруг мне хочется забрать свои слова обратно.

Глава 35

НА УРОКЕ ФРАНЦУЗСКОГО Я ПО ПРИВЫЧКЕ СМОТРЮ в окно и вдруг замечаю Джоша, идущего к трибунам у беговой дорожки. Он несет обед. Один. Почему он ест в одиночестве? У него же есть группа любителей комиксов; у него есть Джерси Майк.

Хотя, думаю, они с Джерси не так много времени проводили вместе в прошлом году. Джош всегда был со мной и Марго. Трио. А теперь мы даже не дуэт, он сам по себе. В этом есть часть вины Марго, из-за ее отъезда. Но я чувствую виноватой и себя: если бы он мне не начал нравиться, мне бы не пришлось выдумывать всю эту историю с Питером К. И я бы просто могла быть его хорошим другом Ларой Джин. Как всегда.

Может быть, поэтому мама сказала Марго идти учиться в колледж без бойфренда. Когда у тебя есть парень или девушка, ты хочешь быть только с этим человеком и забываешь обо всех остальных, а к моменту расставания теряешь всех друзей. Теперь они веселятся без тебя.

Все, что я могу сказать: Джош одинокая фигура, поглощающая свой бутерброд на самой верхней скамье трибуны.

Я еду домой на автобусе: Питеру пришлось рано уйти из-за игры по лакроссу с его командой. Я перед домом, забираю почту из почтового ящика, когда на подъездную дорожку въезжает Джош.

– Эй! – окрикивает он. Он вылезает из машины и подбегает ко мне, с болтающимся на плече рюкзаком.

– Я видел тебя в автобусе, – говорит он. – Махал, но ты летала в облаках. Как долго твоя машина будет в ремонте?

– Не знаю. Дата постоянно переносится. Они заказали деталь типа из Индианы.

Джош глядит на меня проницательным взглядом.

– Так что, ты тайно испытываешь облегчение, верно?

– Нет! Почему я должна испытывать облегчение?

– Да ладно. Я же знаю тебя. Ты ненавидишь водить машину. Наверное, ты рада, что есть повод не садиться за руль.

Я начинаю протестовать, но потом останавливаюсь. В этом нет толку. Джош знает меня слишком хорошо.

– Ну, может быть, я совсем чуточку испытываю облегчение.

– Если когда-нибудь понадобится тебя подвезти, ты знаешь, что

можешь позвонить мне.

Я киваю. Я правда знаю это. Хотя я бы не стала звонить ему ради себя, но позвонила бы ради Китти... при крайней необходимости.

– Я понимаю, что ты сейчас с Кавински, но я рядом, прямо по соседству. Мне намного удобнее подвозить тебя до школы, чем ему. Я имею в виду, что это более ответственно по отношению к окружающей среде. – Я ничего не отвечаю, и Джош почесывает затылок. – Я кое-что должен тебе сказать, но чувствую себя как-то странно, поднимая эту тему. Что само по себе тоже странно, потому что мы всегда могли говорить друг другу все что хотели.

– Мы по-прежнему можем болтать друг с другом, – говорю я. – Ничего не изменилось. – Это самая большая ложь, какую я когда-либо ему говорила, даже большая, чем ложь о моей так называемой мертвой близняшке Марселле. До недавнего времени Джош считал, что у меня была сестра-близнец по имени Марселла, которая умерла от лейкемии.

– Хорошо. У меня такое чувство. У меня такое чувство, что ты меня избегаешь с тех пор.

Он собирается это сказать. Он действительно собирается это сказать. Я смотрю вниз, на землю.

– С тех пор, как Марго порвала со мной.

Я вскидываю голову. Вот что он думает. Что я избегаю его из-за Марго? Неужели мое письмо в действительности так мало значило? Я стараюсь сохранить спокойное и ничего не выражающее лицо, когда говорю:

– Я не избегала тебя. А просто была занята.

– С Кавински. Знаю. Мы с тобой давно знакомы. Ты одна из моих лучших друзей, Лара Джин. Я не хочу потерять и тебя тоже.

Это «тоже» – вот камень преткновения. «Тоже» – это то, что останавливает меня. Оно стоит у меня поперек горла. Потому что, если бы он не сказал «тоже», речь шла бы обо мне и о нем. А не обо мне, о нем и Марго.

– То письмо, что ты написала...

Слишком поздно. Я больше не хочу говорить о письме. Прежде чем он успевает сказать еще хоть слово, я говорю:

– Я всегда буду твоим другом, Джоши. – А потом я улыбаюсь ему, и это требует огромных усилий. Слишком много усилий. Но если я не буду улыбаться, то заплачусь.

Джош кивает.

– Окей. Так... так что? Мы можем снова тусоваться вместе?

– Конечно.

Джош протягивает руку и щекочет мой подбородок.

– Значит, завтра я могу подвезти тебя в школу?

– Ладно, – отвечаю я. Разве не в этом был весь смысл? Чтобы иметь возможность вновь тусоваться с Джошем без того письма, висящего над нашими головами? Чтобы просто снова быть его хорошим другом Ларой Джин?

После ужина я учу Китти стирать. Сперва она сопротивляется, но потом я говорю, что отныне мы выполняем эту работу вместе и ей проще смириться.

– Когда зуммер выключится, это значит, что стирка закончена и тебе сразу нужно сложить белье, иначе оно изомнется.

К нашему общему удивлению, Китти понравилось заниматься стиркой. В основном из-за того, что она может сидеть перед телевизором и спокойно смотреть свои шоу.

– В следующий раз я научу тебя гладить.

– Гладить? Я, по-твоему, Золушка?

Я не обращаю на нее внимания.

– У тебя получится гладить. Тебе нравится точность и чистота линий. Возможно, ты справишься даже лучше, чем я.

Это вызывает у нее интерес.

– Да, возможно. У тебя белье всегда выглядит мятым, несмотря ни на что.

После того как я и Китти заканчиваем со стиркой, мы моем нашу общую ванную. В ней две раковины: Марго пользовалась той, что слева, а мы с Китти дрались из-за того, кому принадлежит правая. Теперь эта раковина ее.

Китти чистит зубы, а я накладываю огуречную маску на лицо, когда она спрашивает меня:

– Как ты думаешь, если я попрошу, Питер завезет нас завтра в Макдоналдс по пути в школу?

Я наношу еще немного зеленой маски на щеки.

– Я не хочу, чтобы ты привыкала к тому, что Питер заезжает за нами. Впредь ты едешь на автобусе, хорошо?

Китти дуется.

– Почему?

– Потому. Кроме того, завтра меня подвозит не Питер, а Джош.

– Но разве Питер не будет в бешенстве?

У меня стягивает кожу лица от высохшей маски. Сквозь зубы я

отвечаю:

– Нет. Он не из ревнивых.

– А тогда кто же ревнивый?

У меня нет ответа на этот вопрос. Кто ревнивый? Я размышляю над этим, когда Китти начинает хихикать надо мной и говорит:

– Ты похожа на зомби.

Я протягиваю руки к ее лицу, и она пускается наутек. Своим самым лучшим голосом зомби я произношу:

– Я хочу съесть твои мозги.

И Китти с криком убегает прочь.

Я возвращаюсь в свою комнату и набираю Питеру сообщение: за мной завтра не нужно заезжать. Я не упоминаю, что меня подвозит Джош. На всякий случай.

Глава 36

В СЕГОДНЯШНЕЙ ЗАПИСКЕ ПИТЕРА СКАЗАНО:

«ТАРТ И ТАНЖИ» ПОСЛЕ УРОКОВ?

Он нарисовал два квадратика: да и нет. Я обвожу «да» и бросаю бумажку в его шкафчик.

После занятий я встречаю Питера у его машины, и мы отправляемся за его друзьями по лакроссу в «Тарт и Танжи». Я заказываю замороженный йогурт с «Кэпнкранч»^[24], клубникой, киви и ананасом. Питер – из лайма с дробленным печеньем «Орео». Я достаю кошелек, чтобы заплатить за йогурт, но Питер останавливает меня. Он подмигивает и говорит:

– Я заплачу.

Я шепчу:

– Я думала, ты никогда ни за что не платишь.

– Мои парни здесь. Я не могу выглядеть как дешевая задница перед своими ребятами, – затем он обнимает меня одной рукой и громко произносит: – Пока ты моя девушка, ты не платишь за замороженный йогурт.

Я закатываю глаза, но не собираюсь отказываться от бесплатного замороженного йогурта. Ни один парень не платил за меня раньше. К такому хорошему обращению можно быстро привыкнуть.

Я собираюсь с духом, чтобы встретиться здесь с Женевьевой, но она так и не показывается. Думаю, Питер тоже удивляется, потому что продолжает поглядывать на дверь. В наших отношениях с Женевьевой я по-прежнему ожидаю логического завершения. До сих пор она была угрожающе тихой. Она едва бывает в кафе во время обеда, потому что они с Эмили Нуссбаум питаются вне корпуса, и, когда я вижу ее в коридоре, она фальшиво мне улыбается, не показывая зубов, от чего улыбка кажется еще более жуткой.

Когда она собирается нанести мне ответный удар? Когда у меня будет мой момент «Джамилы Сингх»? Крис говорит, что Женевьева слишком одержима своим университетским бойфрендом, чтобы беспокоиться обо мне и Питере, но я в это не верю. Я видела, как она смотрит на него. Словно он все еще ее.

Парни совмещают несколько столиков вместе, и мы занимаем чуть ли

не все пространство. Как будто мы сидим за столом во время обеда, и они громко обсуждают предстоящий пятничный матч. Не думаю, что я скажу и двух слов. Мне на самом деле нечего сказать. Просто ем замороженный йогурт и наслаждаюсь тем, что я не сижу дома и перебираю обувь в гардеробе или смотрю гольф с папой.

Мы идем к машинам, когда Гейб говорит:

– Эй, Лара Джин, а ты знаешь, если произносить твоё имя очень быстро, оно звучит как «Лардж»^[25]? Попробуй! Лараджин.

Я послушно повторяю:

– Лараджин. Ларджин. Ларджи. Думаю, оно больше похоже на Ларджи, а не на Лардж.

Гейб кивает сам себе и объявляет:

– Я буду называть тебя Лардж. Ты такая маленькая, что это звучит забавно. Да? Как те огромные парни, которые носят имя Тайни^[26]?

Я пожимаю плечами.

– Конечно.

Гейб поворачивается к Дарреллу.

– Она такая маленькая, что может быть нашим талисманом.

– Эй, я не *настолько* маленькая, – протестую я.

– Какой у тебя рост? – спрашивает меня Даррелл.

– Сто пятьдесят восемь, – привираю я. Скорее, сто пятьдесят шесть.

Бросая ложку в мусорный бак, Гейб говорит:

– Ты такая маленькая, что можешь поместиться в моем кармане!

Все ребята смеются. Питер озадаченно улыбается. Затем Гейб неожиданно хватается за меня и перекидывает через плечо, как будто я ребенок, а он мой папа.

– Гейб! Опустить меня! – кричу я, брыкаясь ногами и колотя его по груди.

Он начинает вращаться по кругу, и все парни покатываются со смеху.

– Я собираюсь удочерить тебя, Лардж! Ты будешь моим питомцем. Я посажу тебя в клетку моего старого хомяка!

Я так сильно хихикаю, что не могу вздохнуть и начинаю чувствовать легкое головокружение.

– Опустить меня!

– Приятель, опусти ее вниз, – говорит Питер, но тоже смеется.

Гейб подбегает к чьему-то пикапу и сажает меня в кузов.

– Спусти меня отсюда! – кричу я. Но Гейб уже бежит прочь. Все парни

начинают забираться в свои машины.

– Пока, Лардж! – кричат они. Питер подбегает ко мне и протягивает руку, чтобы я могла спрыгнуть вниз.

– Твои друзья сумасшедшие, – говорю я, спрыгивая на тротуар.

– Ты им нравишься, – произносит он.

– Правда?

– Конечно. Они терпеть не могли, когда я брал Джен с собою. Но они не против, если ты будешь тусоваться с нами. – Питер обнимает меня одной рукой. – Идем, Лардж. Я отвезу тебя домой.

Пока мы идем к его машине, я прикрываю лицо волосами, чтобы он не увидел меня улыбающейся. Приятно быть частью группы и ощущать свою принадлежность.

Глава 37

Я ВЫЗВАЛАСЬ ПРИГОТОВИТЬ ШЕСТЬ ДЕСЯТКОВ КЕКСОВ на школьную распродажу выпечки для Китти. Марго пекла их в течение двух последних лет, поэтому и я решилась. Она занималась этим, поскольку не хотела, чтобы люди считали, будто семья Китти не достаточно вовлечена в дела школьного родительского комитета. Оба раза она готовила шоколадные кексы, но я подписалась на маленькие кексики, так как подумала, что они будут пользоваться большим успехом. Купив несколько различных видов синей карамельной крошки, я смастерила маленькие флажки из зубочисток, на которых написано «Академия Голубой Горы», подумав, что Китти было бы весело помочь мне их украсить.

Но теперь я понимаю, что решение Марго было куда лучше: для того чтобы приготовить шоколадные кексы, всего-то нужно залить их в противень, запечь, нарезать – и готово. С маленькими кексиками куда больше хлопот. Тут придется зачерпнуть идеально ровное количество теста шесть десятков раз, затем подождать, чтобы они остыли, а потом покрыть их глазурью и обсыпать. Я отмеряю восьмой стакан муки, когда раздается звонок в дверь.

– Китти! – кричу я. – Открой дверь!

Снова раздается звонок.

– Китти!

Она кричит в ответ со второго этажа:

– Я провожу важный эксперимент!

Я подбегаю к двери и распахиваю ее, не потрудившись проверить, кто это.

Питер. Он лопается от смеха.

– У тебя все лицо в муке, – говорит он, стряхивая ее с моих щек тыльной стороной ладони.

Я уворачиваюсь от него и вытираю лицо фартуком.

– Что ты здесь делаешь?

– Мы собираемся на игру. Ты разве не читала мою вчерашнюю записку?

– О, блин! У меня был тест, и я забыла. – Питер хмурится, и я добавляю: – В любом случае, я не могу пойти, потому что мне нужно к завтрашнему дню испечь семьдесят два кексика.

– В пятницу вечером?

– Ну... да.

– Это для школьной распродажи выпечки? – Питер обходит меня и снимает кроссовки. – Вы же носите обувь дома, верно?

– Да, – с удивлением в голосе отвечаю я. – Твоя мама тоже что-то готовит?

– Угощение «Райс Криспи»^[27]. – Еще один более разумный выбор, чем семьдесят два кексика.

– Извини, что пришел зря. Может быть, мы сможем пойти на игру в следующую пятницу, – говорю я, ожидая, что он обратно наденет свою обувь.

Но он проходит на кухню и садится на стул. Что?

– А твой дом выглядит точно так же, каким я его помню, – произносит он, оглядываясь вокруг, и указывает на фотографию в рамке, где я и Марго младенцами принимаем ванную. – Мило.

Чувствую, как горят мои щеки. Я подхожу и переворачиваю фото.

– А когда ты вообще был в моем доме?

– Еще в седьмом классе. Помнишь, как мы зависали в домике на дереве твоей соседки? Один раз мне нужно было по-маленькому, и ты разрешила воспользоваться твоей ванной комнатой.

– О-о, да, – отвечаю я.

Забавно видеть парня, помимо Джоша, в нашей кухне. По какой-то причине я нервничаю.

– Сколько времени это займет? – спрашивает он меня, засунув руки в карманы.

– Часы, наверное. – Я снова беру мерный стаканчик. Не могу вспомнить, на какой чашке я остановилась.

Питер стонет.

– Почему мы просто не можем пойти в магазин и купить эти кексы?

Я начинаю отмерять муку из миски, разделяя ее на кучки.

– Потому что. Ты думаешь, любая другая мама покупает кексики в «Фуд Лайон»^[28]? Как Китти при этом будет выглядеть?

– Что ж, если это для Китти, тогда она должна помогать. – Питер спрыгивает со стула и подходит ко мне, его руки плавно скользят по моей талии и пытаются развязать фартук. – Где ребенок?

Я уставилась на него.

– Что... ты делаешь?

Питер смотрит на меня так, словно я дурочка.

– Если я буду помогать, то мне тоже нужен фартук. Я не собираюсь

пачкать одежду.

– Мы успеем их приготовить до начала игры, – сообщаю я ему.

– Тогда мы просто пойдем на вечеринку. – Питер бросает на меня недоверчивый взгляд. – Это было в письме, которое я написал тебе сегодня! Боже, зачем я вообще утруждаю себя?

– Я действительно была очень занята сегодня, – кротко отвечаю я. Мне так неудобно. Он до конца выполняет условия нашей сделки и честно пишет мне по записке в день, а я даже не могу удосужиться их прочитать. – Не знаю, могу ли я пойти на вечеринку. Не уверена, разрешат ли мне так поздно выйти.

– Твой папа дома? Я спрошу его.

– Нет, он в больнице. Кроме того, я не могу просто взять и оставить Китти одну, – я вновь беру мерный стаканчик.

– Что ж, а когда он вернется домой?

– Не знаю. Поздно наверное. – Или, может быть, через час. Но Питер к этому времени уже уйдет. – Ты иди сам. Я не хочу тебя задерживать.

Питер издает стон.

– Кави, ты нужна мне. Джен еще ни слова о нас не сказала, в чем тогда смысл всего этого. И... она может привезти того говнюка, с которым встречается. – Питер выпячивает нижнюю губу. – Ну же. Я ведь помог тебе с Джошем, не так ли?

– Да, – признаюсь я. – Но, Питер, я должна приготовить эти кексики для распродажи.

Питер разводит руками.

– Тогда я помогу тебе. Просто дай мне фартук.

Я отхожу от него и начинаю рыскать в поисках другого фартука. Нахожу один с рисунком кекса и передаю ему.

Он морщится и указывает на мой.

– Я хочу тот, который на тебе.

– Но он мой! – Он в красно-белую клеточку с маленькими бурыми медвежатами; бабушка привезла его мне из Кореи. – Я всегда пеку в нем. Просто надень этот.

Питер медленно покачивает головой и протягивает руку.

– Дай мне свой. Ты должна мне за то, что не читала мои записки.

Я развязываю фартук и отдаю его, отворачиваюсь и возвращаюсь к своим измерениям.

– Ты еще больший ребенок, чем Китти.

– Просто поторопись и скажи, что надо делать.

– А ты справишься? Потому что у меня ингредиентов хватит ровно на шесть десятков кексиков. Мне не хочется начинать все сначала...

– Я знаю, как печь!

– Тогда ладно. Вывали эти кусочки масла в миску.

– А потом?

– Когда закончишь, я дам тебе следующее задание.

Питер закатывает глаза, но делает так, как ему сказали.

– Так вот чем ты занимаешься по пятницам вечером? Сидишь дома в пижаме и печешь?

– И другими вещами тоже, – отвечаю я, завязывая волосы в тугой хвост.

– Например?

Я все еще так взволнована внезапным появлением Питера, что не могу думать.

– Эм, гуляю.

– Где?

– Боже, я не знаю! Питер, прекрати допрашивать меня. – Я сдуваю челку с глаз. Здесь становится очень жарко. С таким же успехом я могу выключить духовку, потому что приход Питера замедлил весь процесс. При такой скорости я проведу здесь всю ночь. – Из– за тебя я сбилась со счета. Теперь мне придется начинать все заново!

– Послушай, давай я сделаю, – говорит Питер, подходя ко мне сзади.

Я шарахаюсь от него.

– Нет-нет, сама сделаю, – отвечаю я. Он качает головой и пытается забрать у меня мерный стаканчик, но я не отпускаю, и мука высыпается из чашки, разлетаясь в воздухе. Мы оба оказываемся в муке. Питер начинает заливаться со смеху, я же испускаю возмущенный вопль.

– Питер!

Он смеется так сильно, что не может говорить.

Я скрещиваю руки на груди.

– Надеюсь, мне хватит муки!

– Ты похожа на бабушку, – произносит он, все еще смеясь.

– Что ж, а ты похож на дедушку, – парирую я. Я сваливаю муку из миски обратно в жестяную банку.

– Нет, ты правда очень похожа на мою бабушку, – говорит Питер. – Ты ненавидишь сквернословить. Любишь печь. Остаешься дома по пятницам вечером. Вау, я встречаюсь со своей бабушкой. Ужас.

Я снова начинаю отмерять. Один. Два.

– Я не каждый вечер пятницы провожу дома.

Три.

– Я никогда не видел, чтоб ты тусовалась. Ты не ходишь на вечеринки. Когда-то мы гуляли вместе. Почему ты перестала тусить?

Четыре.

– Я... я не знаю. В средних классах все было по-другому. – Что он хочет, чтобы я сказала? Что Женевьева решила, будто я недостаточно классная, поэтому меня оставили за бортом? Ну почему он такой бестолковый?!

– Я всегда удивлялся, почему ты перестала общаться с нами.

Я остановилась на пяти или шести?

– Питер! Из-за тебя я снова сбилась со счета!

– Я произвожу подобный эффект на женщин.

Я закатываю глаза, он улыбается мне в ответ, но прежде, чем успевает сказать что-нибудь еще, я кричу:

– Китти! Спускайся сюда!

– Я провожу.

– Здесь Питер! – Знаю, это подействует на нее. Ровно через пять секунд Китти вбегает на кухню.

Она резко останавливается, застеснявшись.

– Почему ты здесь? – спрашивает она его.

– Чтобы забрать Лару Джин. А ты почему не помогаешь?

– Я проводила эксперимент. Не хочешь помочь?

Я отвечаю за него.

– Конечно, он поможет тебе. – Питеру же говорю: – Ты отвлекаешь меня. Иди, помоги Китти.

– Не знаю, Кэтрин, нужна ли тебе моя помощь. Понимаешь, я очень отвлекаю женщин. Сбиваю их со счета. – Питер подмигивает ей, а я издаю рвотный звук. – Почему бы тебе не остаться здесь и не помочь нам с выпечкой?

– Ску-у-чно! – Китти поворачивается и несется вверх по лестнице.

– Не смей пытаться обсыпать или покрыть глазурью кексики, когда все будет готово! – кричу я. – Ты не заслужила это право!

Я взбиваю масло, Питер разбивает яйца в расколотый салатник, когда домой возвращается папа.

– Чья это машина перед домом? – спрашивает папа, заходя на кухню. Он резко останавливается. – Здравствуйте, – удивленно произносит он. У него в руках пакет из китайского бистро Чан.

– Привет, папочка, – говорю я, словно это совершенно нормально, что Питер Кавински готовит на нашей кухне. – У тебя уставший вид.

Питер выпрямляется.

– Здравствуйте, доктор Кави.

Папа ставит пакет на кухонный стол.

– О, привет, – говорит он, откашливаясь. – Приятно видеть тебя. Ты ведь Питер, верно?

– Верно.

– Один из старой банды, – весело произносит папа, и меня передергивает. – Чем вы, ребята, сегодня занимаетесь?

– Я пеку кексики для школьной распродажи Китти, а Питер помогает, – отвечаю я. Папа кивает.

– Питер, ты не голоден? У меня много чего есть, – он приподнимает пакет. – Кроветки Ло Мейн, цыпленок Кун Пао.

– Вообще-то, мы с Ларой Джин собирались заскочить на вечеринку друга, – отвечает Питер. – Если вы не возражаете? Я рано привезу ее обратно.

Прежде чем папа успевает ответить, я говорю Питеру:

– Я же говорила тебе, мне нужно закончить эти кексы.

– Мы с Китти их доделаем, – прерывает меня папа. – А вы идите на ту вечеринку по случаю дня рождения.

В моем животе все переворачивается.

– Папочка, все в порядке. Я должна сама их приготовить; я по-особенному их украшу.

– Мы с Китти разберемся. Ты можешь идти переодеваться. Мы займемся этими кексиками.

Я как форель открываю и закрываю рот.

– Тогда ладно. – Но не шевелюсь, а просто стою, потому что боюсь оставить их двоих наедине.

Питер широко мне улыбается.

– Ты его слышала. Все хорошо.

Я думаю: «Не веди себя слишком уверенно, потому что тогда папа будет считать тебя высокомерным».

Есть определенные наряды, в которых чувствуешь себя хорошо, а есть такие наряды, которые носишь несколько дней подряд, потому что они тебе очень сильно нравятся. Но в конце концов такая одежда кажется тебе мусором. Я сейчас смотрю на свой гардероб, и все выглядит как мусор. Мое беспокойство усугубляется еще и тем, что я знаю, Джен оденется как надо, она всегда так одевается. И мне тоже придется одеться соответствующе. Питер не посчитал бы обязательным пойти на эту вечеринку, если бы она не была важна для него.

Я натягиваю джинсы и примеряю различные варианты верха: персиковый топик с оборками, который вдруг стал казаться в моих глазах чопорным, длинный ворсистый свитер с пингвином – слишком детский. Я залезаю в серые шорты с черными подтяжками, когда кто-то стучится в мою дверь. Я застываю и хватаю свитер, чтобы прикрыться.

– Лара Джин? – Это Питер.

– Да?

– Ты готова?

– Почти! Просто... просто спускайся вниз. Я скоро приду.

Он издает слышимый вздох.

– Хорошо. Я посмотрю, чем там ребенок занимается.

Когда слышу его удаляющиеся шаги, то быстро примеряю кремовую блузку в горошек в ансамбле с подтяжками от шорт. Мило, но не слишком ли? Не чересчур? И должна ли я надеть черные колготки или черные гольфы? Марго говорила, что я выгляжу как парижанка в этом наряде. Парижанка – это хорошо. Утонченно, романтично. Я примеряю берет, просто чтобы увидеть эффект, и тут же отбрасываю его в сторону. Определенно чересчур.

Хотелось бы, чтобы Питер не приставал ко мне с этим. Мне нужно время, чтобы подготовиться, все спланировать. Хотя, честно говоря, если бы он спросил меня заранее, то я бы придумала предлог, чтобы не идти. Одно – пойти в «Тарт и Танжи» после школы, но вечеринка со всеми друзьями Питера, не говоря уже о Женевиёве?

Я мечусь по комнате в поисках белых гольфов, затем ищу клубничную помаду в форме клубнички. Черт, мне действительно необходимо убраться в комнате. В этом бардаке трудно что-либо найти.

Я бегу в комнату Марго за ее большим дедушкиным кардиганом. Пробегая мимо открытой двери, вижу Питера и Китти, лежащих на полу и работающих с ее лабораторным набором. Я копаюсь в ящике Марго со свитерами, в котором сейчас лежат футболки и шорты, потому что она забрала большую часть своих свитеров. Дедушкиного кардигана нет. Но на дне ящика лежит конверт. Письмо, от Джоша.

Мне так сильно хочется открыть его. Знаю, что не должна. Осторожно, очень осторожно, я достаю письмо и разворачиваю его:

Дорогая Марго,

Ты сказала, что мы должны расстаться, потому что ты не хочешь отправляться в колледж, встречаясь с парнем, и что ты хочешь свободы, жить на полную катушку. Но ты знаешь, и я

знаю, это не настоящая причина. "Ты рассталась со мною, потому что у нас был секс, и ты побоялась стать мне ближе.

Я перестаю читать.

Не могу поверить. Крис была права, а я ошибалась. У Марго и Джоша действительно был секс. Такое чувство, будто все, о чем я думала раньше, – ложь. Я считала, что точно знаю, кем является моя сестра, но, оказалось, я ничего не знаю.

Слышу, как Питер зовет меня.

– Лара Джин! Ты готова?

Я быстренько складываю письмо, засовываю его обратно в конверт, кладу его в ящик и захлопываю.

– Иду!

Глава 38

МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ ОСОБНЯКА СТИВА БЛЭДЕЛЛА. Стив в команде по футболу. В основном он известен своим богатым отчимом, у которого есть собственный самолет.

– Готова? – спрашивает меня Питер.

Я вытираю ладони о шорты. Жаль, что я не успела сделать что-нибудь с волосами.

– Не совсем.

– Тогда давай быстренько обсудим стратегию. Все, что тебе нужно сделать, – вести себя так, будто ты в меня влюблена. Это не должно быть слишком трудно.

Я закатываю глаза.

– Ты самый тщеславный парень, которого я когда-либо встречала.

Питер улыбается и пожимает плечами. Он берется за дверную ручку, но затем останавливается.

– Постой, – произносит он. Питер снимает резинку с моих волос и бросает ее во двор.

– Эй!

– Так гораздо лучше. Поверь мне. – Питер проводит пальцами по моим волосам, придавая им объем, я шлепаю его по руке. Затем он достает из кармана телефон и фотографирует меня.

Я в недоумении смотрю на него, и он объясняет:

– На случай, если Джен проверит мой телефон. – Я наблюдаю за тем, как он устанавливает изображение в качестве обоев экрана.

– А мы можем сделать еще одну? – Мне не нравится, как выглядят мои волосы.

– Не-а, мне эта нравится. Хорошо выглядишь. – Вероятно, он сказал это только для того, чтобы мы поторопились и зашли внутрь, но мне стало приятно.

Придя на эту вечеринку с Питером Кавински, я не могла удержаться и не почувствовать внезапный прилив гордости. Он здесь со мною. Или же я здесь с ним?

Как только мы заходим, я вижу ее – она сидит на диване со своими подружками: они все пьют из красных кружек Соло. Бойфренда нет и в помине. Она приподнимает бровь, глядя на меня, и что-то шепчет Эмили Нуссбаум.

– Ээээй, Лара Джин, – окрикивает Эмили, подзывая меня пальцем. – Иди, посиди с нами.

Я направляюсь к ним, думая, что Питер рядом со мной, но его нет. Он остановился, чтобы с кем-то поздороваться. Я смотрю на него с паникой в глазах, а он просто показывает жестом, чтобы я продолжала идти. Одними губами он произносит: «*Ты справишься*».

Пересекая комнату в одиночестве, под пристальным взглядом Джен и ее подружек, складывается такое ощущение, словно пересекаешь континент.

– Привет, девочки, – говорю я, мой голос звучит пискляво и немного по-девчачьи. Для меня на диване нет места, так что я присаживаюсь на подлокотник, словно птичка на телеграфном проводе. Я не отрываю взгляда от спины Питера: он стоит на противоположной стороне комнаты с несколькими ребятами из команды по лакроссу. Наверное, здорово быть им. Таким непринужденным, спокойным, знающим, что народ его ждет. *Питер здесь, теперь действительно пора начинать вечеринку.* Я обвожу взглядом комнату, просто чтобы чем-то заняться, и замечаю Гейба и Даррелла, они очень любезно машут мне руками, но не подходят. Такое ощущение, будто каждый ждет и наблюдает за тем, что же будет делать Женестьева.

Лучше бы я не приходила сюда.

Эмили подается вперед.

– Мы все умираем от любопытства... Что это за история с тобой и Кавински?

Джен подслала ее узнать. Она потягивает свой напиток как ни в чем не бывало, но ждет моего ответа. Интересно. Она уже напилась? Из всего, что я слышала и знаю о Джен, – она злая, когда пьяная. Не то чтобы я лично на себе испытала это, но кое-что слышала. Ходят слухи.

Я облизываю губы.

– То, что сказал Питер... полагаю, это и есть вся история.

Эмили отмахивается, словно все, сказанное Питером, не считается.

– Мы хотим услышать твой рассказ. Я имею в виду, это просто удивительно. Как это вообще случилось? – Она наклоняется ближе, словно мы подружки.

Я медлю и нервно оглядываю Женестьеву, а она улыбается и закатывает глаза.

– Все в порядке, ты можешь сказать, Лара Джин. Между мной и Питером все кончено. Не знаю, сказал ли он тебе, но именно я порвала с ним.

Я киваю.

– Он так и сказал. – Это не то, что он сказал, но то, что я уже знала.

– Так когда же вы, ребята, сошлись? – Она пытается говорить бесцеремонно, но я знаю, мой ответ важен для нее. Она старается поймать меня на чем-то.

– Совсем недавно, – отвечаю я.

– Как недавно? – требует она.

Я сглатываю.

– Прямо перед началом учебы, – говорю я ей. Разве мы с Питером не решили, что именно такая история будет?

Глаза Женеьевы начинают блестеть, и мое сердце сжимается. Я ответила неправильно, но уже слишком поздно. Трудно не попасть под ее чары. Она из тех людей, которым хочешь нравиться: знаешь, что она может быть жестокой, ведь видел ее жестокой. Но когда она обращает на тебя внимание, хочется, чтобы это продолжалось. Отчасти из-за ее красоты, но есть еще что-то... Что-то, что привлекает внимание. Думаю, это ее открытость – все, о чем она думает или что чувствует, написано на ее лице. А если даже и нет, то в любом случае она скажет, потому что всегда говорит, что думает.

Теперь я понимаю, почему Питер так долго любил ее.

– Думаю, это очаровательно, – произносит Женеьева, а потом девушки начинают разговаривать о каком-то концерте, на который они пытаются достать билеты. Я же просто сижу и радуюсь тому, что не придется больше говорить, и гадаю, как обстоят дома дела с кексиками. Надеюсь, папа не передержит их в духовке. Нет ничего хуже, чем сухой кекс. Девушки переходят к обсуждению костюмов на Хэллоуин, так что я встаю и направляюсь в ванную. А по возвращении нахожу Питера: он сидит в кожаном кресле, пьет пиво и разговаривает с Гейбом. Мне некуда присесть. Мое место на диване заняли. И что мне теперь делать? Секунду я просто стою, а затем решаюсь на это – делаю то, что сделала бы влюбленная в Питера девушка. Делаю то, что сделала бы Женеьева. Я марширую напрямик к нему и плюхаюсь на его колени, будто на свое законное место.

Питер вскрикивает от неожиданности.

– Привет, – произносит он, поперхнувшись пивом.

– Привет, – отвечаю я. А затем слегка щелкаю его разок по носу, как делала девушка в черно-белом кино.

Питер ерзает в кресле и смотрит на меня, сдерживая смех. Я начинаю нервничать: щелкнуть парня по носу – это ведь романтично, да? Затем

краешком глаза я ловлю пристальный взгляд Женеьевы. Она что-то шепчет Эмили и высокомерно выходит из комнаты.

Успех!

Позже я наливаю себе вишневую колу и вижу Женеьеву и Питера, разговаривающих на кухне. Она что-то говорит ему тихим, но настойчивым голосом и прикасается к его руке. Он пытается смахнуть ее руку, но она не отпускает.

Я настолько очарована, что даже не замечаю, когда ко мне подходит Лукас Крапф с бутылкой «Бад Лайт».

– Привет, Лара Джин.

– Приветик! – Я испытываю облегчение, увидев знакомое лицо.

Он стоит рядом со мною, прислонившись к стене.

– О чем они спорят?

– А кто их знает? – говорю я, улыбаясь загадочной улыбкой. Будем надеяться, что обо мне. Тогда Питер будет счастлив, что наш план наконец-то сработал.

Лукас манит меня пальцем, чтобы я подошла ближе. Он шепчет:

– Ссора – не очень хороший знак, Лара Джин. Она означает, что тебе по-прежнему не все равно. – От него пахнет пивом.

Хм. Женеьеве, очевидно, по-прежнему не все равно. Питеру, должно быть, тоже.

Лукас нежно похлопывает меня по голове.

– Просто будь осторожна.

– Спасибо, – отвечаю я.

Питер вышагивает из кухни и говорит:

– Ты готова ехать? – Не дожидаясь моего ответа, он уходит, его плечи напряжены.

Смотря на Лукаса, я пожимаю плечами.

– Увидимся в понедельник, Лукас! – говорю я и устремляюсь за Питером.

Он все еще зол, я вижу это по тому, как он поворачивает ключи в замке зажигания.

– Боже, она сводит меня с ума! – Он настолько взвинчен, что энергия волнами исходит от него. – Что ты ей сказала?

Я неловко поерзываю в своем кресле.

– Она спросила меня, с каких пор мы вместе. Я ей ответила, что как раз перед началом учебного года.

Питер издает стон.

– Мы переспали в тот уик-энд.
– Но... вы же тогда уже расстались.
– Да, так. – Питер пожимает плечами. – Все равно. Что сделано, то сделано.

С облегчением я пристегиваю ремень безопасности и скидываю обувь.
– Как бы то ни было, о чем вы двое сегодня спорили?
– Не беспокойся об этом. Кстати, ты проделала хорошую работу. Она так ревнует, что это просто убивает ее.

– Ура, – произношу я. До тех пор, пока она не убьет меня.
Мы едем по ночным улицам в тишине. Потом я спрашиваю:
– Питер... как ты узнал, что полюбил Женевьеву?
– Боже, Лара Джин. Почему ты задаешь подобные вопросы?
– Потому что я любопытна от природы. – Я опускаю его зеркальце и начинаю заплетать волосы на макушке. – И, возможно, это вопрос, который ты должен задать сам себе. Почему ты так боишься отвечать на подобные вопросы?

– Я не боюсь!
– Тогда почему бы тебе не ответить?
Питер замолкает, и я почти уверена, что он не собирается отвечать, но затем, после долгой паузы, когда мой вопрос еще висит в воздухе, он произносит:

– Не знаю, любил ли я когда-нибудь Женевьеву. Откуда мне знать, на что это похоже? Ради бога, мне только семнадцать.

– Семнадцать – не так уж и мало. Сотни лет назад люди женились в нашем возрасте.

Да, это было задолго до электричества и Интернета. Сотни лет назад восемнадцатилетние парни воевали со штыками и держали человеческую жизнь в своих руках! Они уже многое испытывали и переживали к моменту достижения нашего возраста. Что знают о любви и жизни дети нашего возраста? – Я никогда прежде не слышала, чтобы он так говорил, – словно его на самом деле что-то волнует. Полагаю, он все еще не отошел от ссоры с Женевьевой.

Я закручиваю волосы в пучок и фиксирую их с помощью заколки.
– А знаешь, на кого ты похож? Ты говоришь как мой дедушка, – заявляю я. – Ты увиливаешь, потому что не хочешь отвечать на вопрос.
– Я ответил на него, тебе просто не понравился мой ответ.

Мы подъезжаем к моему дому. Питер глушит мотор, что он обычно делает, когда хочет еще немного поговорить. Так что я не сразу выпрыгиваю из машины, а кладу сумку на колени и ищу ключи, хотя

наверху все еще горит свет. Боже. Я сижу на пассажирском месте в черной «ауди» Питера Кавински. Разве не об этом мечтает каждая девушка из всей истории взаимоотношений парней и девушек? Не конкретно о Питере Кавински, или да, может быть, конкретно о Питере Кавински.

Питер откидывает голову на кресло и закрывает глаза.

Я говорю:

– Ты знал, что, когда люди ругаются друг с другом, это означает, они все еще не безразличны друг другу? – Когда Питер не отвечает, я продолжаю: – Должно быть у Женевьевы действительно есть власть над тобой.

Я ожидаю, что он начнет спорить, но Питер не делает этого. Вместо этого он говорит:

– У нее есть, но мне бы хотелось, чтобы не было. Я не хочу, чтобы мной кто-нибудь владел. Не хочу кому-нибудь принадлежать.

Марго бы сказала, что она принадлежит только себе. Китти бы ответила, что никому. Полагаю, я бы сказала, что принадлежу сестрам и папе, но это не всегда будет так. Я не знала, каково это – принадлежать кому-то. Но теперь, когда я задумалась, это кажется мне самым желанным: действительно быть чьей-то и чтобы они были моими.

– Так вот зачем ты делаешь это, – говорю я ему, частично спрашивая, но в основном утверждая, – чтобы доказать, что не являешься ее собственностью. Или принадлежишь ей. – Я замолкаю. – Как ты считаешь, а есть разница? Я имею в виду, между «являться собственностью» и «принадлежать кому-то»?

– Конечно. Один подразумевает выбор, другой же – нет.

– Должно быть, ты действительно ее очень сильно любишь, раз идешь на все эти трудности.

Питер издает пренебрежительный звук.

– Ты такая мечтательница.

– Спасибо, – отвечаю, хотя и знаю, под этим он имел в виду вовсе не комплимент. Я сказала это просто, чтобы досадить ему.

И осознаю, что преуспела, когда он произносит с кислой миной:

– А что ты вообще знаешь о любви, Лара Джин? У тебя даже никогда не было парня.

Меня так и подмывает придумать кого-то: мальчика из лагеря, из другого города, из любой точки мира. «Его имя Клин» – вертится на кончике моего языка. Но это было бы слишком унижительно, потому что он поймет, что я вру. Я уже рассказала ему, что прежде ни с кем не встречалась. И даже если бы не рассказала, куда более жалко выдумать

бойфренда, чем просто признать правду.

– Да, у меня никогда не было парня. Но я знаю множество людей, у которых есть бойфренды, но они ни разу не были влюблены. Я же была.

Вот почему я делаю все это.

Питер фыркает.

– В кого? В Джоша Сандерсона? Того придурка?

– Он не придурок, – хмурясь, говорю я. – Ты даже его не знаешь, чтобы так говорить.

– Любой с одним глазом и половинкой мозгов мог бы сказать, что этот парень – придурок.

– Ты заявляешь, что моя сестра слепая и безмозглая? – требую я. Если он скажет хотя бы одно плохое слово о моей сестре, все. Вся эта комедия закончится. Я не нуждаюсь в нем настолько сильно.

Питер смеется.

– Нет. Я говорю о тебе!

– Знаешь что? Я передумала. Очевидно, что ты никогда не любил никого, кроме себя. – Я пытаюсь открыть пассажирскую дверь, но она заперта.

– Лара Джин, я просто шучу. Ну же.

– Увидимся в понедельник.

– Постой, постой. Сначала ответь мне на один вопрос, – Питер откидывается на спинку сиденья. – Как получилось, что ты никогда ни с кем не встречалась?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю... Потому что никто никогда не просил?

– Что за чушь собачья. Я точно знаю, что Мартинез приглашал тебя на выпускной бал, а ты ответила «нет».

Я удивлена, что он знает об этом.

– Что с вами, парнями, такое? Почему вы называете друг друга по фамилиям? – спрашиваю я его. – Это так... – Я пытаюсь подобрать подходящее слово. – Впечатляюще? Поразительно?

– Не переводи тему.

– Полагаю, я сказала «нет», потому что испугалась. – Я гляжу в окно и провожу пальцем по стеклу, выводя М (от Мартинез).

– Томми?

Нет. Мне нравился Томми. Дело не в этом. Страшно, когда это по-настоящему. Когда не просто думаешь о человеке, но, как бы, перед тобой реально живой человек со своими ожиданиями. И желаниями. – Наконец я перевожу взгляд на Питера и удивлена, с каким вниманием он меня

слушает. Его взгляд сосредоточен и зафиксирован на мне, будто ему на самом деле интересно то, о чем я говорю. – Даже когда мне очень сильно нравился мальчик, когда я любила его, я всегда предпочитала быть с моими сестрами, потому что там мое место.

– Стой. А сейчас?

– Прямо сейчас? Ну, ты мне не нравишься в том смысле, поэтому...

– Хорошо, – произносит Питер. – Не влюбись в меня еще раз, ладно?

Не хватало еще одной влюбленной в меня девушки. Это так утомительно.

Я громко смеюсь.

– Ты такой самоуверенный.

– Я шучу, – протестует он, но не шутит. – В любом случае, что ты такого во мне увидела? – ухмыляется он, вновь став дерзким и уверенным в своем обаянии.

– Честно? Я затрудняюсь сказать.

Его улыбка слегка меркнет, но потом вновь появляется, уже не такая самоуверенная.

– Ты говорила, что я заставляю людей чувствовать себя особенными. Ты... ты сказала, что я был хорошим танцором и научным партнером Джефффри Саттлмана!

– Вау, ты действительно запомнил каждое слово из того письма, да? – поддразниваю я. И возможность видеть, как полностью исчезает улыбка с лица Питера, вызывает у меня прилив небольшого, злобного удовлетворения. Этот всплеск сразу же сменяется раскаянием, потому что теперь я задела его чувства без причины. Что это со мной, почему мне хочется обидеть Питера Кавински? Чтобы как-то исправить положение, я быстро добавляю, – Нет, правда – тогда в тебе действительно было что-то такое.

Полагаю, я сделала только хуже, потому что он вздрагивает.

Не знаю, что еще сказать, поэтому открываю дверцу автомобиля и выхожу.

– Спасибо, что подвез, Питер.

Когда захожу в дом, то первым делом направляюсь в кухню, чтобы проверить кексики. Они упакованы в «Тапперуэр^[29]» и мой контейнер для кексов. Покрыты глазурью немного сумбурно, да и обсыпаны бессистемно, но в целом выглядят неплохо. Какое облегчение. По крайней мере, Китти не будет стыдно на школьной распродаже из-за меня!

От: Марго Кави mcovey@st-andrews.ac.uk

Кому: Лара Джин Кави lara jeansong@gmail.com

Как дела в школе? Вступила в какой-нибудь новый клуб? Думаю, тебе следует рассмотреть Литературный Журнал или Модель ООН. Не забудь также, что на этой неделе корейский День благодарения и тебе нужно позвонить бабушке, а иначе она рассердится! Скучаю по вам, ребята.

P.S. Пожалуйста, пришлите Орео! Мне не хватает наших соревнований по маканию печенья.

С любовью, М.

От: Лара Джин Кави larajeansong@gmail.com

Кому: Марго Кави mcovey@st-andrews.ac.uk

В школе – нормально. Никаких новых клубов, но посмотрим. Я уже записала в свой планер позвонить бабушке. Ни о чем не беспокойся, здесь все под контролем!

Целую.

Глава 39

МАМА ПИТЕРА ВЛАДЕЕТ АНТИКВАРНОЙ ЛАВКОЙ под названием «Линден&Уайт» в центре города, выложенной булыжниками. В основном она продает мебель, но у нее также есть и ювелирные изделия, разложенные в хронологическом порядке. Мое любимое – нулевое, то есть 1900-х годов. Есть один золотой медальон в форме сердца с крошечным бриллиантом в центре, смотрится как звездочка. Стоит четыреста долларов. Лавка находится рядом с книжным магазином «МакКоллс», поэтому я иногда захожу туда и навещаю его. Я всегда ожидаю, что его купят, но этого не происходит.

Однажды на День матери мы купили маме золотую брошку в форме клевера 1940-х годов. Мы с Марго каждую субботу в течение целого месяца продавали лимонад и смогли отложить на нее шестнадцать долларов. Помню, с какой гордостью мы вручили папе деньги, которые красиво и аккуратно уложили в пластиковый пакет на застёжке. В то время я считала, что мы внесли львиную долю, а папа всего лишь немного помог нам. Теперь я понимаю, брошка стоила гораздо больше, чем шестнадцать долларов. Мне следовало поинтересоваться у папы, сколько на самом деле она стоила. Но, возможно, мне не захочется этого знать. Может быть, куда приятнее не знать. Мы похоронили маму вместе с ней, потому что эта брошь была ее любимым украшением.

Я стою, склонившись над витриной, прикасаясь пальцами к стеклу, когда Питер появляется со спины.

– Привет, – говорит он удивленно.

– Привет, – отвечаю я. – Что ты здесь делаешь?

Питер бросает на меня такой взгляд, словно я дурочка.

– Это место принадлежит моей маме, помнишь?

– Ну, да! Я просто никогда не видела тебя здесь раньше, – произношу я. – Ты здесь работаешь?

– Не, мне пришлось завезти кое-что для мамы. Теперь она говорит, что я должен завтра поехать в Хантсбург и забрать набор стульев, – ворчит Питер. – Это два часа туда и обратно. Раздражает.

Я сочувствующе киваю и отстраняюсь от витрины. Делаю вид, что разглядываю черно-розовый глобус. Марго бы он понравился. Он мог бы стать для нее прекрасным рождественским подарком. Я его слегка покручиваю.

– Сколько стоит этот глобус?
– Столько, сколько написано на ценнике. – Питер кладет локти на витрину и наклоняется вперед. – Ты должна поехать.

Я поднимаю на него глаза.

– Поехать куда?

– Со мной. Забрать стулья.

– Ты только что жаловался, как это раздражающе.

– Да, одному. А если ты поедешь, то, может быть, чуть менее раздражающе.

– Э-э, спасибо.

– Пожалуйста.

Я закатываю глаза. Питер на все отвечает «пожалуйста»! Это как: «Нет, Питер, то не было искренним «спасибо», так что не надо говорить «пожалуйста».

– Так ты едешь или как?

– Или как.

– Ну же, давай! Я забираю стулья с распродажи недвижимости. Хозяин был своего рода затворником. Вещи там пылятся около пятидесяти лет. Могу поспорить, там будут безделушки, которые ты бы приглядела себе. Тебе же нравятся старинные предметы?

Да, – отвечаю я, удивленная, что он знает это обо мне. – На самом деле, я всегда хотела посетить распродажу недвижимости. Как умер владелец? То есть, как давно он был мертв, пока его кто-то нашел?

– Боже, ты больная, – он содрогается. – Не знал, что в тебе есть подобная сторона.

– У меня есть множество сторон, – сообщаю ему я и наклоняюсь вперед. – Итак? Как он умер?

– Он не умер, ты, извращенка! Он просто старый. Его семья отправляет его в дом престарелых. – Питер приподнимает бровь, глядя на меня. – Итак, я заеду за тобой завтра в семь.

– В семь? Ты ничего не говорил об отъезде в семь утра в субботу!

– Извини, – произносит он с раскаянием. – Мы должны поехать туда пораньше, пока все самое хорошее не расхватали.

В тот вечер я собираю ланч для себя и Питера. Делаю бутерброды с ростбифом, сыром, помидорами и майонезом для себя и с горчицей для Питера. Питер не любит майонез. Забавно, как можно узнать что-то новое о человеке из фиктивных отношений.

Китти появляется на кухне и пытается схватить половину сэндвича. Я шлепаю ее по руке.

- Это не для тебя.
- А для кого?
- Это мой обед. Мой и Питера.

Она забирается на табурет и наблюдает, как я упаковываю бутерброды в оберточную бумагу. Сэндвичи, завернутые в бумагу, выглядят намного симпатичнее, чем сэндвичи, запечатанные в пластиковый пакет. При любом удобном случае я использую оберточную бумагу.

– Мне нравится Питер, – говорит Китти. – Он сильно отличается от Джоша, но он мне нравится.

Я поднимаю на нее глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не знаю. Он ужасно забавный, много шутит. Должно быть ты по-настоящему влюблена, если делаешь для него бутерброды. Когда Марго и Джош впервые стали парой, она приготовила макароны с тремя видами сыра, потому что он его обожает. А что Питер любит больше всего?

– Я... я не знаю. То есть, ему нравится все.

Китти косо на меня поглядывает.

– Если ты его девушка, то должна знать, какая у него любимая еда.

– Знаю, что он не любит майонез, – предлагаю я.

– Это потому что майонез жирный. Джош его тоже ненавидит.

Я ощущаю внезапный укол совести. Джош действительно ненавидит майонез.

– Китти, ты скучаешь по Джошу?

Она кивает.

– Хотелось бы, чтобы он по-прежнему к нам приходил. – Ее лицо становится задумчивым, и я уже собираюсь обнять ее, когда она кладет руки на бедра. – Только не используй весь ростбиф, он мне понадобится для обеда на следующей неделе.

– Если он закончится, я приготовлю тебе салат из тунца. Делов-то.

– Посмотрим, что у тебя получится, – говорит Китти и снова исчезает.

Посмотрим, что получится? Где она такого нахваталась?

В семь тридцать я сижу у окна и жду, когда подъедет Питер. Я взяла коричневый бумажный пакет с бутербродами и фотоаппарат, если увижу что-нибудь жуткое или прикольное, чтобы сфотографировать. Я представляю полуразрушенный серый старый особняк, какой можно увидеть в фильмах ужасов, с воротами и мутным прудиком или лабиринтом на заднем дворе.

Минивэн мамы Питера подъезжает в семь сорок пять, что раздражает.

Я могла бы поспать еще целый час. Я подбегаю к машине и заскакиваю внутрь, и прежде, чем успеваю сказать хотя бы слово, он говорит:

– Извини, извини. Но посмотри, что я тебе принес. – Он передает мне пончик в салфетке, все еще тепленький. – Я остановился и специально купил его, как только они открылись в семь тридцать. Он из коричневого сахара.

Я отламываю кусочек и кладу его в рот.

– Вкуснотища!

Он бросает на меня косой взгляд, когда отъезжает от моего дома.

– Так что, я сделал правильно, что задержался, правда?

Я киваю, откусывая.

– Ты точно поступил правильно, – говорю я с набитым ртом. – Эй, а у тебя есть вода?

Питер вручает мне наполовину полную бутылку воды, и я выпиваю ее залпом.

– Это лучший пончик, который я когда-либо пробовала, – сообщаю я ему.

– Хорошо, – произносит он. Затем мельком смотрит на меня и смеется. – У тебя сахар по всему лицу.

Я вытираю рот другой стороной салфетки.

– На щеках тоже, – говорит он.

– Хорошо, хорошо. – А потом становится тихо, из-за чего я начинаю нервничать. – Я могу поставить какую-нибудь музыку? – я начинаю вытаскивать свой телефон.

– По правде говоря, ты не возражаешь, если мы просто какое-то время будем ехать в тишине? Не люблю, когда в лицо орет музыка до того, как на меня подействует кофеин.

Ээ... конечно. – Не уверена, означает ли это, что он хочет, чтобы я тоже молчала. Я бы не согласилась на это маленькое путешествие, если бы знала, что придется молчать. У Питера безмятежное выражение лица, словно он капитан рыболовного судна и мы спокойно плывем посреди моря. Разве что он едет не медленно, а очень быстро.

Я сижу тихо всего десять секунд, а потом говорю:

– Постой, ты хотел, чтобы я тоже молчала?

– Нет, я просто не хотел музыку. Ты можешь разговаривать столько, сколько захочешь.

– Окей, – и потом я замолкаю, потому что как-то неловко, когда кто-то говорит тебе «ты можешь разговаривать столько, сколько захочешь». – Эй, какая твоя любимая еда?

– Мне все нравится.

– Но какая *твоя любимая*? Как бы, *твоя любимая* из любимых. Макароны с сыром или, эм, жареная курица, или бифштекс, или пицца?

– Мне это все нравится. Одинаково.

Я удрученно вздыхаю. Почему Питер не понимает идею о выборе любимой еды?

Питер имитирует мой вздох и смеется.

– Хорошо. Я люблю гренки с корицей. Это моя любимая еда.

– Гренки с корицей? – повторяю я. – Тебе гренки с корицей нравятся больше, чем крабовые ножки? Больше, чем чизбургер?

– Да.

– Больше, чем *барбекю*?

Питер колеблется. А потом говорит:

– Да! Теперь перестань придираться к моему выбору. Я останусь при своем.

Я пожимаю плечами.

– Хорошо, – жду, давая ему шанс спросить, какая моя любимая еда, но он молчит. Поэтому я говорю: – А моя любимая еда – торт.

– Какой торт?

– Не важно. Все виды тортов.

– Ты только что мне весь мозг вынесла за то, что не выбрал... – начинает он.

– Но так трудно выбрать только один! – выпаливаю я. – То есть, кокосовый торт, тот, что с белой глазурью, похожий на снежный ком, – он мне сильно нравится. Но я люблю и чизкейк, лимонник и морковный торт. А еще торт «красный бархат» с кремом из сырной глазури и шоколадный торт с шоколадной глазурью. – Я останавливаюсь. – А ты когда-нибудь пробовал торт из оливкового масла?

– Нет. Звучит как-то странно.

– Он очень-очень вкусный. По-настоящему сочный и бесподобный. Я приготовлю его для тебя.

Питер стонет.

– Из-за тебя я чувствую себя голодным. Надо было взять целый пакет этих пончиков.

Я открываю свой коричневый бумажный пакет и вытаскиваю бутерброд. На его сэндвиче я маркером написала «П», чтобы знать, где чей.

– Хочешь бутерброд?

– Ты сделала его для меня?

– Ну, я сделала один и для себя тоже. Было бы грубо принести только

один сэндвич и есть его перед тобой.

Питер принимает бутерброд и ест его все еще наполовину завернутым.

– Вкусно, – произносит он, кивая. – Что за горчица?

Польщенная, я отвечаю:

– Пивная. Папа заказывает ее из какого-то модного кулинарного каталога. Он помешан на готовке.

– Разве ты не собираешься съесть свой тоже?

– Оставлю его на потом, – отвечаю я.

На половине пути Питер начинает то и дело обгонять проезжающие машины и постоянно поглядывает на часы, расположенные на приборной панели.

– Почему мы так спешим? – спрашиваю его я.

– Эпштейны, – отвечает он, барабанив пальцами по рулю.

– Кто такие Эпштейны?

– Старая супружеская пара, владеющая антикварным магазином в Шарлотсвилле. В прошлый раз Фил прибыл туда на пять минут раньше меня и обчистил все место. Сегодня этого не произойдет.

Впечатленная, я говорю:

– Вау, я понятия не имела, что этот бизнес настолько жестокий.

Питер ухмыляется с видом «все-это-знаю» и продолжает:

– А разве таков не весь бизнес?

Я закатываю глаза, глядя в окно. Питер все же такой Питер.

Мы стоим на светофоре, когда Питер внезапно выпрямляется и говорит:

– Вот дерьмо! Эпштейны!

Я наполовину уснула. Мои глаза распахиваются, и я кричу:

– Где? Где?

– В красном внедорожнике! На две машины впереди справа. – Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть. Эпштейны – седовласая пара, им около шестидесяти или семидесяти. Трудно сказать с такого большого расстояния.

Как только загорается зеленый свет, Питер дает по газам и мчится во весь опор. Я выкрикиваю: «Гони! Гони!», и потом мы пролетаем мимо Эпштейнов. Мое сердце бесконтрольно бьется. Я не могу удержаться, чтобы не высунуть в окно голову и не закричать, потому что это такой кайф. Мои волосы треплет ветер, и я знаю, что на голове будет полнейший беспорядок, но мне наплевать.

– Даааа! – кричу я.

– Ты сумасшедшая, – говорит Питер, потянув меня обратно за подол

рубашки. Он глядит на меня как в тот день, когда я поцеловала его в коридоре. Словно я не такая, какой он меня представлял.

Мы подъезжаем к дому, перед которым уже припарковано несколько автомобилей. Я вытягиваю голову, пытаюсь получше все рассмотреть. Я ожидала увидеть особняк с коваными железными воротами и, может быть, горгулью, или две, но этот выглядит просто как обычный дом. Должно быть, я выгляжу разочарованной, потому что как только Питер припарковал машину, он говорит мне:

– Не суди распродажу недвижимости по дому. Я видел все виды сокровищ в обычных домах и всякий мусор в красивых зданиях.

Я выскакиваю и наклоняюсь, чтобы завязать шнурки.

– Поторопись, Лара Джин! Эпштейны будут здесь уже в любую секунду! – Питер хватается меня за руку, и мы бежим по подъездной дорожке. Я запыхалась, но стараюсь не отставать от него. Его ноги гораздо длиннее моих.

Как только мы оказываемся внутри, Питер прямым ходом направляется к мужчине в костюме. Я же сгибаюсь и пытаюсь перевести дыхание. Несколько человек слоняются вокруг, глядя на мебель. В центре комнаты расположен длинный обеденный стол с безделушками из фарфора и молочного стекла. Я подхожу к нему и внимательно рассматриваю. Мне нравится белый сливочник с розовыми бутонами роз, но я не уверена, можно ли мне к нему прикасаться и посмотреть, сколько он стоит. Он может быть очень дорогим.

Тут же стоит большая корзина с памятными вещами со старинного Рождества: пластмассовые Санты и Рудольфы, стеклянные украшения. Я изучаю содержимое, когда ко мне подходит Питер с огромной ухмылкой на лице.

– Миссия выполнена, – произносит он и кивает в сторону пожилой пары, которая смотрит на деревянный буфет. – Эпштейны, – шепчет он мне.

– Ты забрал стулья? – окрикает мистер Эпштейн, стараясь казаться небрежным и нераздраженным, но стоял он напряженно, уперев руки в бока.

– Вы же знаете, – отзывается Питер, – в следующий раз вам повезет. – Мне он говорит: – Ты видела что-нибудь крутое?

– Много всего, – я показываю на ярко-розового оленя. Он стеклянный, с электрическим синим носом. – Он бы отлично смотрелся на моем туалетном столике. Ты не спросишь мужчину, сколько он стоит?

– Нет, но ты можешь сама спросить. Тебе не мешает научиться договариваться, – Питер хватается меня за руку и подводит к мужчине в

костюме. Тот заполняет какие-то документы на планшете с зажимом для бумаг. Он выглядит очень занятым и важным. Я даже не уверена, можно ли мне здесь находиться. Думаю, мне не нужен этот олень.

Но Питер выжидающе смотрит на меня, поэтому я откашливаюсь и спрашиваю:

– Прошу прощения, сэр, но сколько стоит этот олень?

– О, это часть лота, – отвечает он.

– О-о. Эм, извините, но что такое лот?

– Это означает, что он часть набора, – объясняет он. – Вы должны купить весь набор декоративных аксессуаров. Семьдесят пять долларов. Они винтажные.

Я делаю пару шагов назад.

– В любом случае, спасибо, – произношу я.

Питер подталкивает меня обратно, и я одариваю его обаятельной улыбкой, говоря: – А вы не можете просто отдать его вместе со стульями? Подарок при покупке?

Мужчина вздыхает:

– Я не хочу разделять их. – Он отворачивается, пролистывая бумаги на планшете. Питер бросает на меня взгляд, словно говоря: *«Ты же хочешь оленя, так что действуй»*. Я «возвращаю» ему взгляд, отвечая: *«Я не хочу его так сильно»*, но Питер решительно качает головой и подталкивает меня в сторону мужчины. Я спрашиваю:

– Пожалуйста, сэр? Я дам вам за него десять долларов. Никто не узнает, что не хватает оленя. И взгляните, его нога немного треснута у основания, видите? – Я показываю его.

– Хорошо, хорошо. Просто забирай его, – скупое отвечает мужчина, я озаряю его улыбкой и вытаскиваю кошелек, но он отмахивается.

– Спасибо! Спасибо вам большое. – Я прижимаю оленя к груди. Кажется, торговаться не так и сложно, как я думала.

Питер подмигивает мне, а потом говорит мужчине:

– Я подгоню машину поближе, чтобы мы могли погрузить стулья.

Они выходят через заднюю дверь, я же торчу в доме, разглядывая на стене фотографии в рамках. Интересно, их тоже продают? Некоторые из них выглядят по-настоящему старыми: черно-белые изображения мужчин в костюмах и шляпах. Одна фотография девушки в церковном платье, оно белое с кружевами, напоминающее свадебное. Девушка не улыбается, но в ее глазах есть озорной блеск, который напоминает мне о Китти.

– Это моя дочь, Патриция.

Я оборачиваюсь. Это старик в темно-синем свитере и плотных

джинсах. Он стоит, прислонившись к лестнице, и наблюдает за мной. Он выглядит очень слабым; его кожа бледная и тонкая.

– Она живет в Огайо. Работает бухгалтером. – Он по-прежнему смотрит на меня, словно я напоминаю ему кого-то.

– У вас милый дом, – произношу я, хотя это и не так. Он старый, и его бы не помешало хорошенько прибрать. Но вещи внутри милые.

– Теперь он пустой. Все мои вещи распроданы. Не могу забрать их с собой.

– Вы имеете в виду, когда умрете? – шепчу я.

Он сердито поглядывает на меня.

– Нет. Я имею в виду дом престарелых.

Упс.

– Верно, – говорю я и начинаю хихикать, как делаю всякий раз, когда чувствую себя неловко.

– Что у тебя там в руке?

Я поднимаю.

– Это. Мужчина в костюме дал его мне. Вы хотите вернуть его обратно? Я не заплатила за него. Он часть лота.

Он улыбается, и морщины на его бумажной коже углубляются.

– Он был у Патти любимым.

Я протягиваю ему оленя.

– Может быть, ей бы захотелось оставить его у себя?

– Нет, забирай его. Он твой. Она даже не почесалась, чтобы помочь мне переехать, – он злорадно кивает. – Есть что-нибудь, что бы тебе хотелось взять? У меня полный багажник ее старой одежды.

Упс. Семейная драма. Лучше не ввязываться в это. Но винтажная одежда! Так заманчиво.

Когда Питер находит меня, я сижу на полу в музыкальной комнате, скрестив ноги и копаясь в старом сундуке. Мистер Кларк дремлет на диване возле меня. Я нашла стильное бело-розовое мини-платье, от которого я без ума; и безрукавку с маленькими ромашками, которую могу завязывать на талии.

– Взгляни, Питер! – я поднимаю платье. – Мистер Кларк сказал, что я могу взять его.

– Кто такой мистер Кларк? – спрашивает Питер, его голос заполняет комнату.

Я указываю на него и прикладываю палец к губам.

– Что ж, нам бы лучше убраться отсюда побыстрее, прежде чем парень, отвечающий за распродажу, заметит, что он раздает вещи

бесплатно.

Я поднимаюсь в спешке.

– До свидания, мистер Кларк, – говорю я не слишком громко. Возможно, лучше дать ему поспать. Он не очень хорошо себя чувствовал, когда рассказывал мне о своем разводе.

Глаза мистера Кларка приоткрываются:

– Это кто, твой парень?

– Нет, не совсем, – отвечаю я, но Питер обнимает меня за плечо и говорит:

– Да, сэр. Я ее парень.

Мне не нравится то, как он это говорит, словно смеется надо мной и мистером Кларком.

– Спасибо за вещи, мистер Кларк, – произношу я. Он садится прямо и тянется к моей руке. Я протягиваю ее ему, и он целует ее. Его губы напоминают высушенные крылья мотылька.

– Всегда пожалуйста, Патти.

Я машу ему на прощанье и хватаю свои новые вещи. Когда мы выходим из дома, Питер спрашивает:

– Кто такая Патти? – и я делаю вид, что не слышала.

Должно быть, я заснула примерно через пару секунд от перевозбуждения, потому что следующее, что я помню, – мы паркуемся на подъездной дорожке и Питер трясет меня за плечо:

– Мы на месте, Лара Джин.

Я открываю глаза. Прижимаю к груди платье и рубашку, словно защитное одеяльце, а олень лежит на коленях. Мои новые сокровища. У меня такое чувство, что я только что ограбила банк и мне это сошло с рук.

– Спасибо за сегодня, Питер.

– Спасибо, что поехала со мной. – А потом неожиданно он произносит: – Ах, да. Я забыл кое о чем тебя спросить. Моя мама хочет, чтобы ты пришла к нам на ужин завтра вечером.

У меня отвисает челюсть.

– Ты рассказал о нас своей маме?

Питер бросает на меня неодобрительный взгляд.

– Китти знает о нас! Кроме того, мы с мамой близки. Нас всего трое – она, я и мой брат, Оуэн. Если не хочешь приходить, тогда не приходи. Но только знай, мама будет считать тебя грубиянкой, если не придешь.

– Я просто хочу сказать., чем больше людей знают, тем труднее справляться. Нужно поддерживать ложь только для ограниченного круга людей.

– Откуда ты так много знаешь о лжи?

– О, будучи ребенком, я все время врала, – хотя и не считала это ложью. Я думала об этом, как об игре. Как-то раз я сказала Китти, что она была приемным ребенком, а ее настоящая семья – в бродячем цирке. Именно поэтому она занялась гимнастикой.

Глава 40

Я НЕ ЗНАЮ, КАК ИМЕННО ДОЛЖНА ОДЕТЬСЯ для ужина в доме Питера. В магазине его мама кажется такой модной. Не хочется, чтобы она увидела меня и посчитала ущербной по сравнению с Женеьевой. Не знаю, почему я вообще должна с ней встречаться.

Но мне хочется ей понравиться.

Я просматриваю свой гардероб, а затем и гардероб Марго. Наконец я выбираю кремовый свитер и блузку с воротником а-ля «Питер Пэн», которые решаю надеть с вельветовой юбкой горчичного цвета. Плюс колготки и сандалии. Затем наношу немного косметики, которой вообще редко пользуюсь. Я накладываю персиковые румяна и пытаюсь накрасить глаза, но заканчивается тем, что все смываю и начинаю заново, на этот раз используя только тушь для ресниц и блеск для губ.

Я иду показаться Китти, и она говорит:

– Выглядит как униформа.

– В хорошем смысле?

Китти кивает.

– Будто ты работаешь в хорошем магазине.

До приезда Питера я ищу в Интернете, какой вилок что едят. Так, на всякий случай.

Странно. Сидя за кухонным столом Питера, у меня складывается ощущение, что я живу чужой жизнью. Оказалось, что мама Питера приготовила пиццу, так что мне даже не нужно беспокоиться о вилках. Да и их дом не такой уж фантастический внутри: он простой и милый. На кухне напояз выставлена настоящая маслбояка, на стенах в деревянных рамках висят фотографии Питера и его брата, и повсюду красно-белая клетчатая ткань.

На стойке для завтрака куча начинок для пиццы: здесь не только пепперони, колбаса, грибы и перец, но также и артишоки, жирные оливки каламата, моцарелла и целые зубчики чеснока.

Мама Питера милая.

В течение всего ужина она продолжает подкладывать в мою тарелку салат, и я ем его, хотя уже наелась. Один раз ловлю на себе ее взгляд: она смотрит на меня с мягкой улыбкой на лице. Когда она улыбается, то похожа на Питера.

Младшего братишку Питера зовут Оуэн. Ему двенадцать. Он словно

миниатюрная копия Питера, но болтает не так много. Он не обладает непринужденностью Питера. Оуэн хватает кусок пиццы и засовывает его в рот, даже несмотря на то, что она слишком горячая. Он выдыхает горячий воздух и едва не выплевывает кусок обратно на свою тарелку. И их мама говорит:

– Не смей, Оуэн. У нас гостья.

– Оставь меня в покое, – бубнит Оуэн.

– Питер говорит, у тебя есть две сестры, – с улыбкой произносит миссис Кавински. Она разрезает лист салата на маленькие кусочки. – Должно быть, твоя мама очень счастлива иметь трех девочек.

Я открываю рот, чтобы ответить, но прежде чем успеваю, Питер произносит:

– Мама Лары Джин умерла, когда она была маленькой. – Он говорит так, будто она должна была уже знать об этом, и смущение пробегает по ее лицу.

– Мне так жаль. Теперь я это припоминаю.

Я быстро говорю:

Мама действительно была счастлива иметь трех девочек. Она была уверена, что моя младшая сестренка будет мальчиком. Мама говорила, она так привыкла к девочкам, что даже нервничала по этому поводу. Поэтому испытала настоящее облегчение, когда Китти оказалась девочкой. Мы с моей сестрой Марго тоже. Мы могли молиться каждый день, чтобы родилась сестренка, а не братик.

– Эй, а что не так с мальчиками? – протестует Питер.

Миссис Кавински улыбается. Она кладет еще один кусочек пиццы на тарелку Оуэна и говорит:

– Вы варвары. Дикие животные. Могу поспорить, Лара Джин и ее сестра – ангелы.

Питер фыркает.

– Ну... Китти может быть наполовину варвар, – признаю я. – Но мы с моей старшей сестрой Марго довольно-таки хорошие.

Миссис Кавински берет салфетку и старается вытереть томатный соус с лица Оуэна, но он шлепает ее по руке.

– Мам!

Когда она встает, чтобы достать другую пиццу из духовки, Питер говорит мне:

– Видишь, как мама нянчится с ним?

– С тобой она нянчится куда больше, – парирует Оуэн. Мне же он бормочет: – Питер даже не знает, как приготовить рамен^[30].

Я смеюсь.

– А ты умеешь?

– Еще бы, я уже годы готовлю для себя, – отвечает он.

– Я тоже люблю готовить, – говорю я, делая глоток чая со льдом. – Мы должны преподать Питеру кулинарный урок.

Оуэн внимательно рассматривает меня, а затем говорит:

– На тебе больше косметики, чем было на Женевьеве.

Я отпрянула назад, словно он меня ударил. Все, что на мне есть, – это тушь для ресниц! И немного блеска для губ! Я точно знаю, что Женевьева пользуется пудрой, тенями для глаз и маскирующим карандашом каждый день. Плюс тушь, подводка для глаз и помада!

Питер быстро произносит:

– Заткнись, Оуэн.

Оуэн посмеивается. Я прищуриваю глаза. Этот малыш всего на несколько лет старше Китти! Я подаюсь вперед и машу руками перед своим лицом:

– Это все натуральное. Но спасибо за комплимент, Оуэн.

– Пожалуйста, – отвечает он в точности так же, как и его старший брат.

По дороге домой, я спрашиваю:

– Эй, Питер?

– Что?

– Ничего, забудь.

– Что? Просто спроси.

– Ну... твои родители развелись, верно?

– Ага.

– И как часто ты видишься с отцом?

– Не часто.

– О, окей. Мне было просто интересно.

Питер смотрит на меня выжидающим взглядом.

– Что?

– Я просто жду следующего вопроса. Ты никогда не задаешь по одному.

– Ну, ты скучаешь по нему?

– По кому?

– Своему отцу.

О-о. Не знаю. Думаю, я скучаю больше по тому, как было у нас раньше. Он, мама, я и Оуэн. Мы были как одна команда. Он, бывало, приходил на каждую игру по лакроссу, – Питер замолкает. – Он просто... обо всем заботился.

– Полагаю, этим и должны заниматься отцы.

– Вот этим теперь он занимается в своей новой семье, – говорит Питер как само собой разумеющееся, без горечи. – А что насчет тебя? Ты скучаешь по маме?

– Иногда, когда думаю об этом. – Неожиданно я добавляю: – А знаешь, по чему я скучаю? Я скучаю по тому, как мы принимали ванны. Скучаю по тому, как она мыла мои волосы. Тебе не кажется, что, когда тебе моют голову, – это самое лучшее ощущение? Теплая вода, пузырьки и пальцы в волосах. Это так приятно.

– Ага, точно.

– Иногда я вообще о ней не думаю, а потом... а потом ко мне закрадывается мысль: интересно, а что бы она подумала обо мне теперь? Она знала меня только маленькой девочкой, а теперь я подросток. Интересно, если бы она увидела меня на улице, то узнала бы?

– Конечно, узнала. Она же твоя мама.

– Знаю, но я сильно изменилась. – Неловкий взгляд пробегает по его лицу, и я могу сказать, он сожалеет о жалобах на своего отца, потому что тот, по крайней мере, жив. И из-за того что Питер смотрит на меня так, словно жалеет, я выпрямляюсь и надменным голосом произношу: – Ты же знаешь, я очень зрелая.

Теперь он улыбается:

– Ах, да?

– О, да. Я много чему научилась, Питер.

Питер высаживает меня и прямо перед тем, как я выхожу из машины, говорит:

– Ты понравилась моей маме.

От этого признания у меня становится теплее на душе. Для меня всегда было очень важно, чтобы я нравилась мамам других людей.

В этом заключалась моя любимая часть похода к Женевьеве домой – потусоваться с ее мамой. Вэнди была очень стильной. Раньше она носила шелковые блузки, красивые брюки и броское ожерелье, даже когда оставалась дома. Идеальные волосы, всегда гладкие и ровные. У Женевьевы те же прекрасные волосы, но у нее нет маминого идеально прямого носа. У нее на носу есть небольшая горбинка, которая, я думаю, только добавляет ей привлекательности.

– И кстати, на тебе точно меньше косметики, чем на Джен. После нее на моих белых рубашках всегда оставались следы румян.

Для того, кто переболел Женевьевой, он определенно много о ней говорит. Хотя и не только он. Я тоже о ней думаю. Даже когда ее здесь нет,

она тут. Эта девушка обладает неким даром вездесущности.

Глава 41

ВО ВРЕМЯ УРОКА ХИМИИ ПИТЕР ПИШЕТ МНЕ ЗАПИСКУ, в которой говорится: *«Могу я сегодня вечером прийти к тебе, чтобы подготовиться к тесту?»*.

Я пишу в ответ: *«Не припоминаю, чтобы учебные занятия были прописаны в контракте»*. После прочтения он поворачивается и бросает на меня оскорбленный взгляд. Я одними губами произношу: *«Шучу!»*.

* * *

Во время ужина я заявляю, что сегодня к нам придет заниматься Питер и нам понадобится кухня, на что папа приподнимает брови.

– Оставьте дверь приоткрытой, – шутит он. У нас даже двери на кухне нет.

– Пап, – застонала я, и Китти стонет вместе со мной.

Как бы случайно он спрашивает:

– Питер твой парень?

– Эм... что-то типа этого, – отвечаю я.

После ужина мы с Китти моем посуду, и я подготавливаю кухню к занятиям. Учебники и тетради я разложила в центр стола вместе с синими, желтыми и розовыми маркерами, сюда же поставила миску сладкого попкорна, приготовленного в микроволновке, и тарелку с арахисовым печеньем, которое испекла днем. Я разрешаю Китти взять два, не больше. Питер сказал, что подойдет около восьми. Сначала я думаю, он просто как обычно опаздывает, но минуты тикают, и я понимаю: он не придет. Я пишу ему сообщение, но он не отвечает.

Китти спускается вниз между рекламными паузами, вынюхивая еще одно печенье, которое я ей даю.

– Питер не придет? – спрашивает она. Я делаю вид, будто настолько поглощена учебой, что ничего не слышу.

Около десяти он отправляет сообщение, в котором говорится: *«Извини, кое-что произошло. Не могу сегодня прийти»*. Питер не говорит, где он или чем занимается, но я уже знаю. Он с Женевьевой. Во время обеда он был рассеянным и продолжал писать эсэмэски на телефоне. А потом, чуть позже, я видела их около женской раздевалки. Они меня не заметили и

просто разговаривали, но с Женеьевой никогда ничего не бывает *просто*. Она положила свою ладонь на его руку, он же убрал с ее лица волосы. Может быть, я и ненастоящая подружка, но так не делается.

Я продолжаю заниматься, но очень трудно сосредоточиться, когда чувства ранили. Я повторяю себе: «Это просто потому, что ты потрудились испечь печенье и убратсья внизу». Ну, это ведь грубо – просто взять и не явиться. Разве у него нет манер? Как бы ему это понравилось, если бы я так поступила? И в чем смысл всего этого цирка, если он в любом случае собирается вернуться к ней? Зачем мне это теперь вообще? У нас с Джошем дела обстоят куда лучше, почти нормально. Если бы я захотела, то просто могла бы отменить всю эту затею. На следующее утро я просыпаюсь все еще злая. Я звоню Джошу, чтобы попросить его подвезти меня в школу. В течение секунды я переживаю, что он может не взять трубку. Прошло так много времени с тех пор, как мы тусовались вместе. Но он снимает трубку и отвечает: «Без проблем». Посмотрим, как понравится Питеру, что меня не окажется дома, когда он подъедет, чтобы забрать меня.

На полпути к школе я начинаю беспокоиться. Может быть, у Питера было серьезное оправдание не приходить ко мне. Может быть, он не был с Женеьевой, и я только что со зла поступила очень мелко.

Джош подозрительно поглядывает на меня.

– Что случилось?

– Ничего.

Могу с уверенностью сказать – он мне не верит.

– Вы с Кавински поссорились?

– Нет.

Джош вздыхает и говорит:

– Просто будь осторожна, – он произносит покровительственным тоном, словно старший брат, из-за чего мне хочется кричать. – Я не хочу видеть, как этот парень причинит тебе боль.

– Джош! Он не причинит мне боль.

– Он идиот. Извини, но он такой. Таковы все парни из команды по лакроссу. Таких ребят, как Кавински, волнует только одно. И как только они это получают, им становится скучно.

– Только не Питеру. Он встречался с Женеьевой почти четыре года!

– Просто поверь мне. У тебя не было большого опыта с парнями, Лара Джин.

Я спокойно спрашиваю:

– Откуда ты знаешь?

Джош одаривает меня «Ах, да ладно!» взглядом.

– Потому что я знаю тебя.

– Не так хорошо, как тебе кажется.

Всю оставшуюся часть дороги мы молчим.

Ничего страшного не случится. Питер заедет ко мне, увидит, что меня нет дома, а потом уедет. Большое ли дело, ему просто придется потратить лишних пять минут на дорогу. Я же ждала его вчера вечером целых два часа, блин.

Когда мы добираемся до школы, Джош направляется в сторону старших классов, я же прямиком иду к младшим. Идя по коридору, я продолжаю тайком поглядывать на шкафчик Питера, но он не приехал. Жду около своего шкафчика, пока не прозвонил звонок, но он так и не пришел. Я мчусь на первый урок, рюкзак болтается за моей спиной. Мистер Шуллер делает перекичку, когда я поднимаю глаза и вижу Питера, стоящего в дверях и сверлящего меня взглядом. Он жестом показывает, чтобы я вышла. Я сглатываю и быстро опускаю взгляд в тетрадь, делая вид, что не заметила его. Но потом, когда он сердито шепчет мое имя, я знаю, что должна с ним поговорить.

Волнуясь, я поднимаю руку.

– Мистер Шуллер, можно мне выйти в туалет?

– Вам следовало сделать это перед уроком, – ворчит он, но указывает мне рукой на дверь.

Я быстро выхожу в коридор и тяну Питера подальше от двери, чтобы мистер Шуллер не увидел.

– Где ты была сегодня утром? – требует Питер.

Я скрещиваю руки на груди и пытаюсь вытянуться в полный рост. Но это сложно, потому что я маленькая, а он очень высокий.

– Кто бы говорил.

Питер раздраженно выдыхает.

– Я тебе, по крайней мере, написал эсэмэс и звонил около семнадцати раз! Почему твой телефон выключен?

– Ты же знаешь, нам нельзя пользоваться телефонами в школе!

Он тяжело выдыхает.

– Лара Джин, я прождал у твоего дома двадцать минут.

Упс.

– Ну, извини.

– Как ты добралась до школы? Сандерсон?

– Да.

Питер выдыхает.

– Слушай, если ты злишься из-за того, что я не смог вчера вечером прийти, то могла бы просто позвонить и сказать, а не выкидывать всю эту хрень сегодня утром.

Тихим голосом я отвечаю:

– Что ж, а как насчет той хрени, которую *ты* выкинул вчера вечером?

Улыбка появляется в уголках его рта.

– Ты только что сказала «хрень»? Из твоих уст это звучит очень забавно.

Я игнорирую замечание.

– Итак... где ты был? Ты был с Женевьевой? – Я не спрашиваю, что мне действительно хочется знать, то есть: «*Вы, ребят, снова вместе?*»

Он колеблется, а потом говорит:

– Она нуждалась во мне.

Я не могу даже смотреть на него. И почему он такой тупица? Почему она обладает такой властью над ним? Это из-за того количества времени, что они провели вместе? Из-за секса? Я не понимаю. Печально, как мало самоконтроля у парней.

– Питер, если ты каждый раз собираешься бежать к ней, когда она поманит, то я не вижу смысла во всем этом.

– Кави, ну же! Я ведь извинился. Не злись.

– Ты не извинился, – отвечаю я. – Когда ты извинился?

Пристыженный, он произносит:

– Прости.

– Я не хочу, чтобы ты и дальше ходил к Женевьеве. Как я буду выглядеть в ее глазах?

Питер смотрит на меня не отрывая взгляда.

– Я не мог не быть там с ней, так что не проси меня об этом.

– Но Питер, для чего вообще ты ей нужен, когда у нее есть новый бойфренд?

Он вздрагивает, и я сразу же начинаю сожалеть о сказанном.

– Мне очень жаль, – шепчу я.

– Все в порядке. Я не ожидаю, что ты поймешь. Джен и я... мы просто понимаем друг друга.

Он не замечает, но, когда Питер говорит о Женевьеве, его лицо приобретает некую мягкость. Нежность смешивается с нетерпением. И с чем-то еще. Любовью. Питер может протестовать сколько угодно, но я знаю, он все еще любит ее.

Вздыхая, я спрашиваю:

– Ты хотя бы подготовился к тесту?

Питер отрицательно качает головой, и я снова вздыхаю.

– Ты можешь просмотреть мои записи во время обеда, – говорю я и возвращаюсь обратно в класс.

Теперь для меня все начинает приобретать смысл. Почему он согласился на подобный план, почему он проводит время с кем-то вроде меня. Это не для того, чтобы он мог забыть Джен. Это для того, чтобы он не забыл. Я просто его отговорка. Я придерживаю место Женевьевы для нее же. Когда этот последний кусочек паззла встал на место, все остальное тоже начало приобретать смысл.

Глава 42

РОДИТЕЛИ ДЖОША МНОГО РУГАЮТСЯ. Не знаю, нормально ли такое количество ссор, потому что у меня только один родитель, но я не припоминаю, чтобы мои родители так часто ругались. Наши дома стоят достаточно близко, чтобы я временами слышала их через открытое окно. Ссоры обычно начинаются с чего-то незначительного, например, миссис Сандерсон случайно оставила открытой дверь автомобиля, и аккумулятор разрядился, а заканчивается чем-то огромным, например, мистер Сандерсон слишком много работает, слишком эгоистичен по своей природе и не создан для семейной жизни.

Когда они сильно ругаются, Джош приходит к нам. Когда мы были моложе, он иногда тайком пробирался в пижаме с подушкой и оставался до тех пор, пока его мама не приходила, разыскивая сына. С ним мы об этом не разговариваем. Может быть, он говорит на эту тему с Марго, но не со мной. Самое большое, что он когда-либо сказал на эту тему, – иногда ему хочется, чтобы они просто развелись, и всему бы пришел конец. Хотя они так и не сделали этого. Я слышу их сегодня вечером. Слышала их и в другие ночи после отъезда Марго, но сегодня особенно громко. Настолько громко, что я закрываю окно, беру домашнее задание, спускаюсь вниз и включаю свет в гостиной, чтобы Джош знал: он может прийти, если захочет.

Спустя полчаса раздается стук в дверь. Я укутываюсь в свое бледно-голубое детское одеяло и открываю.

Это Джош. Он смущенно улыбается мне.

– Привет. Могу ли я здесь немного поболтаться?

– Конечно, можешь. – Я оставляю дверь открытой и тащусь обратно в гостиную. Я окрикиваю: – Закрой за собой.

Джош смотрит телевизор, я же делаю домашнюю работу. Я выделяю маркером для себя информацию по истории США, когда Джош спрашивает меня:

– А ты собираешься попробовать в Аркадии? – Это весенняя пьеса. Они объявили о ней только вчера.

– Нет, – отвечаю я, меняя цвета маркера. – Зачем мне это? – Джош знает – я ненавижу публичные выступления.

– Ну как же, потому что это твоя любимая пьеса, – Джош переключает канал. – Я считаю, из тебя бы получилась действительно хорошая

Томасина.

Я улыбаюсь.

– Спасибо, но, пожалуй, не стоит.

– Почему нет? Было бы неплохо указать это в твоём заявлении для колледжа.

– Не похоже, что я собираюсь стать театральной шишкой или типа того.

– Тебе стоило бы немного выйти из зоны комфорта, – говорит он, вытягивая руки за головой. – Рискни. Посмотри на Марго. Она уехала аж в Шотландию.

– Я не Марго.

– Я не говорю о том, что ты должна отправиться на другой конец мира. Знаю, ты бы никогда этого не сделала. Эй, а что насчет Почетного Совета? Ты же любишь осуждать людей!

Я стряпаю ему гримасу.

– Или Модель ООН. Бьюсь об заклад, тебе бы понравилось. Я просто хочу сказать., твой мир мог бы быть больше. Это лучше, чем просто играть в шашки с Китти и разъезжать в автомобиле Кавински.

Я прекращаю подчеркивать на полуслове. Прав ли он? Неужели мой мир на самом деле такой маленький? Не похоже, что его мир так уж велик!

– Джош, – начинаю я. А затем замолкаю, потому что не знаю, как закончить предложение. Поэтому вместо этого я бросаю в него свой маркер.

Он отлетает от его лба.

– Эй! Ты могла попасть мне в глаз!

– И ты бы это заслужил.

– Ладно, ладно. Ты же знаешь, я не имел в виду ничего плохого. Я просто хотел сказать, что ты могла бы дать людям шанс узнать себя, – Джош указывает на меня пультом и добавляет. – Если бы люди узнали тебя, то полюбили.

Он так сухо это произносит.

Джош, ты разбиваешь мне сердце. И ты лжец. Ты знаешь меня, знаешь меня почти лучше всех. И ты меня не любишь.

* * *

После того как Джош уходит домой, я убираю гостиную, запираю двери и выключаю свет. Затем наливаю себе стакан воды и отправляюсь

наверх.

В моей комнате горит свет, а в моей кровати спит Крис. Я перекаत्याю ее в сторону, чтобы я тоже могла уместиться. Пошевелившись, она бормочет:

– Хочешь горячие крылышки?

– Уже слишком поздно есть горячие крылышки, – отвечаю я, натягивая одеяло на нас обоих. – Ты только что пропустила Джоша.

Ее глаза распахиваются.

– Джоши был здесь? Зачем?

– Просто так. – Я не выдам секреты Джоша даже Крис.

– Что ж, не говори об этом Кавински.

– Ему все равно, – произношу я.

Крис качает головой.

– Парням не все равно.

– Питер не такой. Он очень уверен в себе.

– Именно таким больше всех и не наплевать, – говорит она. Я собираюсь ее спросить, что она имеет в виду, но она опережает меня. – Пойдем, сделаем что-нибудь сумасшедшее.

– Что, например? – Сейчас ночь, а завтра надо в школу: я никуда не могу пойти, и она это знает. Но мне все же хочется услышать ее планы. Они как сказки на ночь.

Например Не знаю. Мы могли бы прокрасться в дом престарелых и найти эту бабушку, о которой ты всегда рассказываешь. Как ее зовут? Шторм?

Я смеюсь.

– Сторми.

– Ага, Сторми, – она зевает. – Кажется, она знает, как развлекаться. Готова поспорить, она бы купила нам по коктейлю.

– Сторми ложится спать каждую ночь в девять, чтобы дать своей красоте отдохнуть. Давай сделаем это завтра. – К завтрашнему дню Крис забудет об этом, но все же мысль неплохая. Ее глаза вновь закрываются. Я тычу ее в бок.

– Крис, просыпайся. Иди чистить зубы. – Я держу зубную щетку в ящичке ванной специально для нее. Я нарисовала на ней красным лаком для ногтей «К», чтобы не перепутать с чужими зубными щетками.

– Не могу. Я слишком устала, чтобы двигаться.

– Секунду назад ты хотела забрать Сторми из Бельвю, а теперь ты слишком устала, чтобы вымыть лицо и почистить зубы?

Крис улыбается, но не открывает глаза.

Я выключаю прикроватную лампу.

– Спокойной ночи, Крис.

Она пододвигается ближе ко мне.

– Спокойной ночи.

Глава 43

ДЛЯ АЗИАТСКИХ ДЕВУШЕК ВЫБОР КОСТЮМОВ на Хэллоуин весьма ограничен. Так, в один год я оделась как Велма из Скуби-Ду, но люди поинтересовались, была ли я персонажем манги. А я даже надела парик! Так что теперь я полна решимости наряжаться только в азиатских персонажей.

Марго никогда не выбирала личность, она всегда была неодушевленным предметом или неким понятием. Так, в прошлом году она оделась как «официальное извинение»: на ней было длинное до пола вечернее платье, которое мы нашли в Гудвилле за десять долларов, а на шее была написанная от руки табличка, гласящая «Извините». Марго заняла второе место в школьном конкурсе. Первое место получил Растафарианский пришелец.

Китти остановилась на костюме ниндзя, который, полагаю, согласуется с моей идеей азиатского костюма.

В этом году я буду Чжоу Чанг из «Гарри Поттера». У меня есть шарф Когтеврана и старая черная роба церковного хора, которую я нашла на «eBay», плюс один из папиных галстуков и палочка. Я не собираюсь выигрывать какой-нибудь конкурс, но, по крайней мере, люди поймут, кто я такая. Как бы хотелось, чтобы мне никогда больше не пришлось отвечать на вопрос «Кто ты?».

* * *

В ожидании Питера, который должен заехать за мной перед школой, я вожусь со своими гольфами, но они упорно продолжают сползать вниз.

– Лара Джин!

Я автоматически откликаюсь:

– Джош!

Это наша версия Марко Поло.

А потом я поднимаю глаза. Джош стоит перед своим автомобилем в полном облачении Гарри Поттера: черная роба, очки, шрам на лбу и палочка.

Мы оба разражаемся смехом. Из всех возможных костюмов! Джош произносит с сожалением:

– Ребята из клуба графических романов собираются нарядиться различными персонажами из фэнтези книг. Я собирался пойти как Дрого из «Игры Престолов». Ты же знаешь, мой торс создан для него, но...

Я хихикаю, пытаюсь представить Джоша с подведенными глазами, длинной косой и без рубашки. Смешная картинка. Я бы не назвала Джоша тощим, но...

– Эй, прекращай смеяться, – протестует он. – Это не было так смешно. – Он позвякивает ключами. – Итак, тебя подвезти, Чжоу?

Посматриваю на телефон. Питер как обычно опаздывает на пять минут. Не то чтобы я могла на самом деле жаловаться, ведь я бесплатно доезжаю до школы, а могла бы просто поехать на автобусе. Но если поеду с Джошем, мне не придется нестись на урок: я смогу подойти к шкафчику, сходить в туалет, купить сок в автомате. Но он, вероятно, уже близко.

– Спасибо, но я подожду Питера.

Джош кивает.

– Ах, да... Точно.

Он залезает в машину.

Я кричу:

– Экспеллиармус! – и Джош оборачивается и кричит в ответ:

– Фините! – А потом мы улыбаемся друг другу как дурачки.

Он уезжает, и я прижимаю колени к груди. Мы с Джошем читали «Гарри Поттера» примерно в одно и то же время, когда я была в шестом, а он в седьмом классе. Марго уже прочла их. Никто из нас не умеет читать так быстро, как она. Ее сводило с ума ожидание, когда мы доберемся до третьей книги, чтобы потом ее обсудить.

Чем дольше я сижу, ожидая Питера, тем сильнее нервничаю. Снимаю робу и снова надеваю ее, и так несколько раз. Она из полиэстера, а он не дышит и неприятен для кожи. Когда Питер подъезжает, я подбегаю к машине и залезаю, не говоря «привет». Я накрываю колени робой, словно одеялом, потому что моя клетчатая юбка коротка.

У него огромные глаза.

– Ты выглядишь потрясающе, – произносит он, не скрывая удивления. – А ты кто? Персонаж аниме?

– Нет, – отвечаю я или же, скорее, рываю. – Я – Чжоу Чанг. – У Питера по-прежнему озадаченное выражение лица, так что я добавляю: – Из «Гарри Поттера».

– О, да. Круто.

Я смотрю на него. На нем обычные джинсы и рубашка.

– А где твой костюм?

– Мы с ребятами собираемся переодеться прямо перед выступлением. Будет лучше, если мы разоблачимся одновременно.

Знаю, ему хочется, чтобы я спросила, что у него за костюм, но я не в настроении с ним разговаривать, поэтому просто сижу, ничего не говоря, и смотрю в окно. Я все жду, когда он поинтересуется, что не так, но он не спрашивает. Он такой невнимательный. Не думаю, что он вообще заметил, что я в бешенстве.

Я резко произношу:

– Мне бы хотелось, чтобы ты никогда не опаздывал.

Питер хмурится.

– Блин, извини. Я пытался привести в порядок костюм.

– Сегодня ты пытался привести в порядок костюм. Но ты все время опаздываешь.

– Я не все время опаздываю!

– Ты опоздал сегодня, вчера и в прошлый четверг. – Я смотрю в окно. Осенние листья уже опали. – Если не собираешься приезжать вовремя, я не хочу, чтобы ты и дальше за мной заезжал.

Мне не нужно смотреть, я чувствую, как он буравит меня взглядом.

– Отлично. Значит, у меня будет пять дополнительных минут для сна, так что мне подходит.

– Хорошо.

* * *

Во время судейства мы с Крис сидим на балконе театра. Крис оделась как Кортни Лав. На ней розовая комбинация и дырявые гольфы, а глаза сильно накрашены дымчатыми тенями.

– Ты тоже должна пойти туда, – говорю я. – Готова поспорить, ты бы что-нибудь выиграла.

– Народ в этой школе даже не знает, кто она, – ухмыляется Крис. Но я могу сказать, что ей бы хотелось этого.

Ребята из группы Питера супергерои. Там есть Бэтмен, Супермен, Железный Человек, Невероятный Халк – вся разница в затраченных усилиях. Питер же приложил все силы. Он, конечно, Питер Паркер. Кем еще мог бы вырядиться Кавински? Его костюм Человека-паука супераутентичный: с желтыми глазами из лавсана, руками в перчатках и с сапогами на ногах. Он ужасно переигрывает на сцене. Все ребята бегают с развевающимися плащами, делая вид, что сражаются друг с другом. Питер

же пытается вскарабкаться на колонну, но мистер Йелзник останавливает его, прежде чем тот успевает взобраться. Я аплодирую, когда его группа выигрывает в номинации «Лучший Групповой Костюм».

Женевьева – женщина-кошка. На ней леггинсы, бюстье и черные кошачьи ушки из искусственной кожи. Интересно: оделась ли она в тему супергероев, потому что ей сказал Питер, или же она сама до этого додумалась. Каждый парень из зрительного зала приходит в бурный восторг, когда она ступает на сцену в номинации за лучший костюм среди десятиклассников.

– Вот шалава, – говорит Крис. Она произносит это почти задумчиво.

Женевьева, конечно, выигрывает. Я украдкой поглядываю на Питера: он свистит и топает ногами вместе со своими друзьями.

После выступления я забираю учебник по химии из своего шкафчика, когда подходит Питер и прислоняется спиной к соседнему шкафчику. Он говорит через свою маску:

– Привет.

– Привет, – отвечаю я. А потом он больше ничего не произносит, а просто стоит там. Я закрываю дверцу шкафчика и поворачиваю кодовый замок. – Поздравляю с победой в лучшем групповом костюме.

– И все? Это все, что ты мне собираешься сказать? А?

– А что еще я должна сказать?

Прямо в этот момент проходят Джош и Джерси Майк, который одет в хоббита: волосатые ноги и все такое. Отходя назад, Джош направляет на меня палочку и говорит:

– Экспеллиармус!

Я автоматически в ответ направляю на него свою палочку и произношу:

– Авада Кедавра!

Джош хватается за грудь, как будто я выстрелила в него.

– Слишком жестоко! – окрикивает он и исчезает дальше по коридору.

Э-э не думаешь, что как-то странно для моей предполагаемой подружки одеться в парный костюм с другим парнем? – спрашивает меня Питер.

Я закатываю глаза, все еще злясь на него из-за утра.

– Извини, я не могу с тобой разговаривать, когда ты так выглядишь. Как я должна общаться с человеком, который с головы до ног в латексе?

Питер задирает маску.

– Серьезно! Как я при этом выгляжу?

– Во-первых, это не было запланировано. Во-вторых, никого не

волнует мой костюм! Кто бы вообще заметил меня?

– Люди замечают, – раздраженно говорит Питер. – Я заметил.

– Ну, извини. Мне очень жаль, что совпадение, подобное этому, вообще могло произойти.

– Я очень сомневаюсь, что это было совпадением, – бормочет Питер.

– Что ты от меня хочешь? Хочешь, чтобы я заглянула в магазин костюмов для Хэллоуина во время обеда, купила рыжий парик и стала Мэри Джейн?

Питер спокойно отвечает:

– А ты можешь? Было бы здорово.

– Нет, не могу. И знаешь почему? Потому что я азиатка и люди подумают, что на мне костюм из манги. – Я протягиваю ему свою палочку. – Подержи. – Я наклоняюсь и приподнимаю подол робы, чтобы поправить гольфы.

Хмурясь, он говорит:

– Я бы мог быть кем-нибудь из книги, если бы ты мне сказала заранее.

– Да, что ж, сегодня из тебя получилась действительно прекрасная Плакса Миртл.

Питер бросает на меня озадаченный взгляд, и я произношу в недоверии:

– погоди минутку... неужели ты никогда не читал «Гарри Поттера»?

– Я прочел первые две.

– Тогда ты должен знать, кто такая Плакса Миртл!

– Это было так давно, – говорит Питер. – Она была одной из тех людей в картинах?

– Нет! И как ты смог остановиться после «Тайной комнаты»? Третья – самая лучшая из всей серии. Она буквально свела меня с ума. – Я вглядываюсь в его лицо. – Разве у тебя нет души?

– Извини, если я не прочел каждую книгу о Гарри Поттере! Прости, что у меня есть жизнь и я не в клубе «Последняя фантазия», или как бы там не назывался тот клуб чокнутых.

Я выхватываю у него свою палочку и взмахиваю ею, направляя ему в лицо.

– Силенцио!

Питер скрещивает руки на груди. Ухмыляясь, он говорит:

– Какое бы заклинание ты только что ни попыталась применить ко мне, оно не сработало, так что, думаю, тебе нужно возвращаться обратно в Хогвартс. – Он так горд собой за ссылку на Хогвартс, что в каком-то смысле это даже мило.

Быстро, как кошка, я снимаю его маску, а затем кладу руку ему на рот. Другой своей рукой я вновь взмахиваю палочкой:

– Силенцио! – Питер пытается что-то сказать, но я только сильнее прижимаю руку. – Что? Что это было? Я тебя не слышу, Питер Паркер.

Питер протягивает руку и щекочет меня. Я так сильно смеюсь, что чуть ли не роняю палочку. Кидаюсь от него прочь, но он бросается за мной, делая вид, что стреляет паутиной по моим ногам. Хихикая, я убегаю от него дальше по коридору, уворачиваясь от группы людей. Он гонится за мной до самого кабинета химии. Учитель орет на нас, чтобы мы сбавили скорость, и мы слушаемся, но как только сворачиваем за угол, я снова бегу, как и он.

Я уже почти задыхаюсь, когда подбегаю к своему месту. Как только Питер оборачивается и пускает паутину в моем направлении, я раздражаюсь смехом.

– Угмонитесь, – произносит мистер Мейерс, и я послушно киваю. Как только он поворачивается спиной, я хихикаю в свою робу. Я все еще хочу злиться на Питера, но от этого нет никакого толку.

На уроке он отправляет мне записку, в которой нарисовал паутинки по краям. В ней говорится: «*Завтра я буду вовремя*». Я улыбаюсь, пока читаю ее. Затем я прячу записку в тетрадь по французскому в рюкзак так, чтобы листок не помялся и не порвался. Хочу сохранить ее, чтобы, когда все закончится, у меня было бы на что посмотреть и что вспомнить: каково это – быть подружкой Питера Кавински. Даже если все было лишь притворством.

Глава 44

КОГДА МЫ ПОДЪЕЗЖАЕМ К МОЕМУ ДОМУ, Китти выбегает на улицу и мчится к машине.

– Человек-паук! – визжит она. Китти все еще в своем костюме ниндзя, хотя она сняла маску. – Ты зайдешь в дом?

Я поглядываю на Питера.

– Он не может. Ему нужно привести себя в порядок. – Питер тратит час в день на проверку своего физического состояния для игры в лакросс. Он очень предан своему делу.

– Привести себя в порядок? – повторяет Китти, и я знаю, она воображает, как Питер моет голову.

– Я могу немного потусоваться, – говорит Питер, заглушая мотор.

* * *

– Давай покажем ему танец!

– Китти, нет!

Как-то ночью на пляже несколько лет тому назад, когда нам с Марго стало скучно, мы придумали танец. Давайте просто скажем, что ни одна из нас не блещет особыми талантами в хореографии.

Глаза Питера загораются. Он воспользуется любой возможностью, чтобы посмеяться, в особенности надо мной.

– Я хочу увидеть танец!

– Забудь об этом, – отвечаю ему я. Мы сидим в гостиной; каждый из нас расположился на собственном диване или кресле. Я наливаю нам чай со льдом и ставлю миску с картофельными чипсами, которые мы тут же съедаем.

– Ну же, – надувает губы Питер. – Покажите мне танец. Пожалуйста-пожалуйста, покажите мне танец.

– Питер, со мной это не сработает.

– Что не сработает?

Я взмахиваю палочкой в направлении его красивого мальчишеского лица.

– Это. У меня иммунитет к твоим чарам, помнишь?

Питер приподнимает брови, словно я бросила ему вызов.

– Это вызов? Потому что я предупреждаю тебя, ты не захочешь выйти на один ринг со мной. Я раздавлю тебя, Кави. – Он не отводит взгляда от меня в течение нескольких долгих минут. Я чувствую, как постепенно исчезает моя улыбка и начинают пылать щеки.

– Давай же, Лара Джин!

Я моргаю. Совершенно забыла, что Китти все еще в комнате. Поднимаюсь на ноги.

– Включай музыку. Питер только что бросил нам танцевальный вызов.

Китти визжит и бежит включать колонки. Я отодвигаю журнальный столик. Мы занимаем свои места перед камином, повернувшись спиной, опустив голову вниз и сцепив за спиной руки.

Когда раздаются звуки басов, мы подпрыгиваем и поворачиваемся. Выпад бедром, поворот, затем плавно встаем на колени. Потом «бегущий человек» и движение, придуманное Марго, которое она назвала «беговой дорожкой». Музыка останавливается, и мы с Китти застываем в наших причудливых позах – далее все начинается вновь, и мы делаем «бабочку», а потом снова плавно становимся на колени. Я забыла следующее движение, поэтому украдкой поглядываю на Китти, которая покачивается из стороны в сторону и хлопает в ладоши. О, да.

Наше финальное движение – шпагаты со скрещенными на груди руками для пущей выразительности.

Питер потрясен и смеется до упаду. Он хлопает в ладоши и топает ногами.

Когда все закончилось, я пытаюсь перевести дыхание и выдавливаю из себя:

– Окей, теперь ты, Кавински.

– Я не могу, – ахает Питер. – Как мне угнаться за подобным представлением? Китти, ты меня научишь тому движению хлопок-и-замок?

Китти внезапно начинает стесняться. Она садится на свои ладони, смотрит на него из-под ресниц и качает головой.

– Пожалуйста, пожалуйста, – умоляет он.

Наконец Китти уступает – думаю, она просто хотела заставить его умолять. Я наблюдаю за их танцами весь обед: за своей младшей сестренкой-ниндзя и своим мнимым парнем Человеком-пауком. Сначала я смеялась, а потом из ниоткуда всплыла тревожная мысль – я не могу позволить Китти привязаться к Питеру. Это все временно. То, как смотрит на него Китти: с таким обожанием, словно он ее герой...

Когда Питеру нужно уходить, я провожаю его до машины. И прежде, чем он залезает в нее, я говорю:

– Думаю, тебе больше не следует приходить к нам. Это вводит Китти в заблуждение.

Хмурясь, он спрашивает:

– Каким образом это вводит Китти в заблуждение?

– Потому что. Потому что, когда все... все *это* закончится, она будет скучать по тебе.

– Но я по-прежнему буду видеться с малышкой. – Питер тычет меня в живот. – Хочу совместную опеку над ребенком.

Все, о чем я могу думать, – как он был с ней терпелив и мил. Импульсивно я встаю на цыпочки и целую его в щеку, он же вздрагивает от неожиданности.

– За что?

Я чувствую, как горят мои щеки. И отвечаю:

– За то, что так мил с Китти.

А потом я машу ему на прощание рукой и забегаю в дом.

Глава 45

ЕСЛИ Я НЕ КУПЛЮ СЕГОДНЯ ПРОДУКТОВ, то вечером на ужин будет яичница. Снова.

Машина Марго отремонтирована и стоит на подъездной дорожке, где находится уже последние несколько недель. Я могла бы поехать в магазин, если б захотела. И я действительно хочу. Но у меня нет желания водить машину. Если я прежде была нервным водителем, то после аварии стало только хуже. Что мне делать за рулем автомобиля? А если я причиню кому-нибудь боль? Если пострадает Китти? Нельзя так легко выдавать водительские права. Я имею в виду, машина очень опасна. Практически оружие.

Но магазин располагается менее чем в десяти минутах езды. Не то чтобы мне предстоит ехать по трассе. И мне действительно очень не хочется есть яичницу сегодня на ужин. Кроме того... если Питер и Женестьева снова сойдутся, он не будет меня больше подвозить. Мне нужно научиться делать это самой. Я не могу зависеть от других людей.

– Китти, мы едем в магазин, – говорю я.

Она лежит перед телевизором, приподнявшись на локтях. Ее тело выглядит таким длинным; она растет с каждым днем. Довольно-таки скоро она станет выше меня. Китти не отрывает взгляда от телевизора.

– Не хочу ехать. Я хочу посмотреть свои сериалы.

– Если ты поедешь, я разрешу тебе выбрать мороженое.

Китти вскакивает на ноги.

По дороге туда я так медленно еду, что Китти продолжает указывать мне на ограничение скорости.

– Знаешь, штрафуют даже за езду ниже допустимой скорости.

– Кто такое сказал?

– Никто. Я просто знаю. Готова поспорить, из меня выйдет куда лучший водитель, чем из тебя, Лара Джин.

Я крепче хватаюсь за руль.

– Абсолютно в этом уверена.

Несносная. Держу пари, когда Китти начнет водить машину, она станет дьявольской гонщицей без малейшего беспокойства об окружающих. Но все же она, наверное, будет лучше меня. Безрассудный водитель лучше, чем испуганный. Спросите кого угодно.

– Я не боюсь, как ты.

Я настраиваю зеркало заднего вида.

– И ты, конечно, гордишься собой.

– Просто *говорю*.

– Там есть машина? Я могу сменить полосу?

Китти поворачивает голову.

– Ты можешь ехать, но поспеши.

– Сколько времени у меня есть?

– Уже слишком поздно. Подожди... Сейчас можешь ехать. Езжай!

Я резко перестраиваюсь на левую полосу и смотрю в зеркало заднего вида.

– Хорошая работа, Китти. Просто продолжай быть моей второй парой глаз.

Пока мы толкаем тележку по магазину, я думаю о поездке домой и о том, что мне придется снова садиться за руль. Мое сердце бешено колотится, даже когда я пытаюсь решить, что взять на ужин: цуккини или зеленый горошек. К тому времени, как мы оказываемся в молочном отделе, Китти ноет.

– Ты можешь поторопиться? Я не хочу пропустить следующее шоу!

Чтобы успокоить ее, я говорю:

– Иди выбери мороженое, – и Китти направляется в сторону отдела с замороженными продуктами.

* * *

По пути домой я держусь правой полосы квартал за кварталом, и мне не приходится менять полосы. В автомобиле передо мной пожилая дама, и она движется со скоростью улитки, что меня вполне устраивает.

Китти умоляет меня сменить полосу, но я просто не обращаю на нее внимания и продолжаю ехать, как еду: красиво и легко. Я так крепко вцепилась в руль, что мои костяшки побелели.

– К тому времени, когда мы вернемся домой, все мороженое растает, – ворчит Китти. – И я пропущу свои сериалы. Пожалуйста, можешь ехать по скоростной полосе?

– Китти! – визжу я. – Дай мне просто вести машину!

– Тогда веди уже!

Я тянусь через консоль, чтобы дать ей затрещину, но она отодвигается к окну, чтобы я не могла дотянуться до нее.

– Не сможешь меня достать, – говорит она радостно.

– Прекращай баловаться и будь моими глазами, – произношу я.

Справа от меня приближается машина, выезжая на шоссе. Она собирается заехать на мою полосу. Я молниеносно оглядываюсь на «слепое место» через плечо, посмотреть, смогу ли я перестроиться. Каждый раз, отводя взгляд от дороги даже на мгновение, я ощущаю панику в груди. Но у меня нет выбора, я просто задерживаю дыхание и перестраиваюсь на левую полосу. Ничего плохого не произошло. Я выдыхаю.

Мое сердце бешено бьется всю дорогу до дома. Но мы сделали это. Никаких аварий, и никто не сигнализировал мне, а это самое главное. И с мороженым все нормально, слегка лишь подтаяло сверху. Думаю, с каждым разом будет легче. Надеюсь. Мне просто надо продолжать стараться.

Сама мысль, что Китти будет насмехаться надо мной, невыносима. Я ее старшая сестра. Я должна быть той, на кого она равняется, так же как я равняюсь на Марго. Как же Китти будет равняться на меня, если я слабая?

В тот вечер я собираю себе и Китти обед. Я готовлю то, что мама, бывало, готовила нам, когда мы ходили на пикники у винодельни в Кесвике. Я нарезаю морковь и лук, обжариваю их с кунжутным маслом и добавляю немного уксуса, затем смешиваю их с рисом для суши. Когда блюдо готово, я обворачиваю горсть риса в слой тофу. Получается что-то наподобие рисовых шариков в маленьких мешочках. У меня нет точного рецепта, по которому надо готовить, но на вкус они весьма хороши. Когда я заканчиваю, взбираюсь на лестницу и ищу коробки для бенто, в которые мама когда-то складывала шарики. Наконец, я нахожу их в задней части Тапперуэрского шкафчика.

Не знаю, вспомнит ли Китти, как ела эти рисовые шарики, но, надеюсь, ее сердце вспомнит.

Глава 46

ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ ПИТЕРУ и его друзьям кажется, что рисовых шариков слишком мало. Я принесла только три.

– Они такие вкусные, – продолжает повторять Питер, когда тянется за последним, но останавливается и мельком поглядывает на меня, чтобы проверить, заметила ли я.

– Ты можешь съесть его, – говорю я. Знаю, о чем он думает. Последний кусочек пиццы.

– Нет, все в порядке, я наелся.

– Возьми его.

– Я не хочу!

Я пальцами беру рисовый шарик и подношу к его лицу.

– Скажи: «а-а».

Он упрямо повторяет:

– Нет. Я не позволю тебе насладиться своей правотой.

Даррел громко смеется.

– Я завидую тебе, Кавински. Жаль, что у меня нет подружки, которая накормила бы меня обедом. Лара Джин, если он его не возьмет, то я съем. – Он подается вперед и открывает рот.

Питер отпихивает его в сторону и говорит:

– А ну прочь, он мой! – Он открывает рот, и я сую в него шарик, словно тюленю в «Морском мире». С полным ртом риса и закрытыми глазами он произносит:

– Ням, ням, ням.

Я улыбаюсь, потому что это мило. И на мгновение, всего лишь на миг, я забываю. Забываю, что все это не по-настоящему.

Питер проглатывает еду и спрашивает:

– Что-то не так? Почему ты грустная?

– Я не грустная. Я голодная, потому что вы, парни, съели мой обед. – Я свожу глаза на переносице, чтобы показать ему – я шучу.

Питер тотчас отодвигает стул и встает:

– Пойду возьму тебе сэндвич.

Я хватаю его за рукав.

– Не надо. Я просто шучу.

– Ты уверена? – Я киваю, и он снова садится. – Если проголодаешься, мы можем остановиться где-нибудь по пути домой.

– Насчет этого, – говорю я. – Теперь моя машина в исправности, так что ты можешь не подвозить меня больше.

– О, правда? – Питер откидывается на спинку стула. – Хотя я не против забирать тебя. Знаю, как ты ненавидишь водить машину.

– Я стану лучше водить, только если буду практиковаться, – произношу я, ощущая себя Марго. Великая Марго. – Кроме того, теперь у тебя снова будет лишних пять минут сна.

Питер усмехается.

– Верно.

Глава 47

ВИРТУАЛЬНЫЙ ВОСКРЕСНЫЙ УЖИН БЫЛ МОЕЙ ИДЕЕЙ.

Водрузив свой ноутбук на стопку книг в центре стола, папа, Китти и я сидим перед ним с кусочками пиццы. У нас обед, а у Марго время ужина. Она сидит за своим столом во фланелевой пижаме с салатом.

– Ребят, вы снова едите пиццу? – Марго бросает на меня с папой неодобрительный взгляд. – Китти останется крошечной, если вы не будете кормить ее зеленью.

– Гоу-Гоу, расслабься, в этой пицце есть перец, – говорю я, приподнимая свой кусочек, и все смеются.

– Сегодня на ужин будет салат из шпината, – предлагает папа.

– А вы могли бы вместо салата сделать из моей порции шпината зеленый сок? – спрашивает Китти. – В таком виде шпинат намного полезнее.

– Откуда ты это знаешь? – интересуется Марго.

– От Питера.

Кусочек пиццы застывает в воздухе на полпути к моему рту.

– Какой Питер?

– Парень Лары Джин.

– погоди секундочку... С кем встречается Лара Джин? – На экране компьютера глаза Марго огромные и недоверчивые.

– С Питером Кавински, – щебечет Китти.

Я быстро поворачиваю голову и сердито смотрю на нее. Одними глазами я говорю: *«Спасибо, что проболталась, Китти»*. Она взглядом мне отвечает: *«Что? Ты сама должна была рассказать ей давным-давно»*.

Марго переводит взгляд с Китти на меня.

– Какого черта? Как это произошло?

Запинаясь, я отвечаю:

– Ну, это как-то просто... произошло.

– Ты серьезно? Почему тебя вообще заинтересовал кто-то вроде Питера Кавински? Он же такой. – Марго качает головой в неверии. – Я имею в виду, ты знала, что Джош поймал его один раз за списыванием теста?

– Питер списывает в школе? – всполошившись, повторяет папа.

Я быстро перевожу на него взгляд и говорю:

– Один раз в седьмом классе! Седьмой класс не считается, это было

так давно. И это был не тест, а опрос.

– Я определенно считаю, что он не подходящий парень для тебя. Все эти ребята из команды по лакроссу – сволочи.

– Ну, Питер не похож на тех парней. – Не понимаю, почему Марго не может просто порадоваться за меня. Я, по крайней мере, притворялась, что была за нее рада, когда она начала встречаться с Джошем. Она бы тоже могла притвориться, что рада за меня. И к тому же меня приводит в бешенство то, как она обсуждает все это перед папой с Китти. – Если бы ты с ним поговорила и просто дала ему шанс, то ты бы увидела, Марго. – Не знаю, почему я вообще пытаюсь убедить ее, когда в любом случае все скоро закончится. Но мне хочется, чтобы она знала, что Питер хороший парень, потому что так оно и есть.

Марго делает лицо *«ну да, окей, конечно»*, но я знаю, она мне не верит.

– А что насчет Женевьевы?

– Они расстались несколько месяцев назад.

Папа выглядит озадаченным и спрашивает:

– Питер и Женевьева были парочкой?

– Не беспокойся, папа, – говорю я.

Марго молча жует свой салат, и я думаю, она закончила, но затем сестра произносит:

– Хотя он не шибко умный, так ведь? Я имею в виду, в школе?

– Не все могут быть Заслуженными Национальными Учеными! И ты же знаешь, существуют различные виды интеллекта. У него высокое эмоциональное IQ. – Неодобрение Марго делает меня очень раздражительной. Более чем раздражительной. Взбешенной. Какое она имеет право осуждать, когда вообще здесь больше не живет? У Китти больше прав, чем у нее. – Китти, тебе нравится Питер? – спрашиваю я ее. Знаю, она ответит «да».

Китти оживляется, и с уверенностью могу сказать, она рада, что ее включили в разговор «больших девочек».

– Да.

Удивленная, Марго спрашивает:

– Китти, ты тоже с ним общаешься?

– Конечно. Он все время приходит к нам. Он нас подвозит.

– В его двухместном авто? – Марго стреляет в меня взглядом.

Китти отвечает высоким голосом:

– Нет, в микроавтобусе его мамы! – С невинными глазами она говорит:

– Я хочу покататься в его автомобиле. Я никогда не была в автомобиле с откидным верхом.

– Итак, он больше не разъезжает в своей «ауди»? – спрашивает меня Марго.

– Нет, если Китти едет с нами, – отвечаю я.

– Хмм, – это все, что произносит Марго, а из-за скептического взгляда на ее лице мне хочется нажать «X», чтобы убрать ее с экрана.

Глава 48

ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ Я ПОЛУЧАЮ ОТ ДЖОША СООБЩЕНИЕ:

Ты, я и обед. Как в старые времена.

Вот только старые времена включали бы и Марго. Полагаю, теперь настали новые времена. Может быть, это и не совсем плохо. Новое тоже может быть хорошим.

ОК, но я закажу себе собственный жареный сыр, потому что ты всегда поглощаешь больше своей доли.

Договорились.

Мы сидим в нашей кабинке у музыкального автомата.

Интересно, что Марго делает прямо сейчас. В Шотландии уже ночь. Может быть, она готовится пойти в паб со своими друзьями из общаги. Марго говорит, там очень большие пабы. В Шотландии есть так называемые «турне по барам», когда ходишь из паба в паб и пьешь, пьешь. Марго не любительница выпить, я даже никогда не видела ее пьяной. Надеюсь, к этому времени она узнала, каково это.

Я протягиваю руку за монеткой в двадцать пять центов. Еще одна традиция Лары-Джин-и-Джоша. Джош всегда дает мне монетки для музыкального автомата: у него в машине хранятся груды монет для оплаты выезда с автострады, а у меня никогда нет мелочи, потому что я ненавижу сдачу.

Я никак не могу решить, хочется ли мне ду-воп^[31] или народную гитару, но потом в самую последнюю секунду я ставлю «Video Killed the Radio Star» для Марго. Словно она здесь.

Джош улыбается, когда песня начинает звучать.

– Я так и знал, что ты выберешь эту.

– Нет, не знал, потому что я и сама не думала, что поставлю ее, пока не сделала этого. – Беру меню и изучаю его, будто не видела его уже миллион раз.

Джош все еще улыбается.

– Зачем заглядывать в меню, когда уже знаем, что будем заказывать?

– Могу изменить свое решение в последнюю секунду, – отвечаю я. –

Есть вероятность, что я могу заказать плавленого тунца или бургер из индейки, или огромный салат. Я тоже могу быть авантюристкой.

– Конечно, – соглашается Джош, и я знаю – он просто потакает мне.

Подходит официантка, чтобы принять наш заказ, и Джош говорит:

– Я буду жареный сыр, томатный суп и шоколадно-молочный коктейль. – Он смотрит на меня с любопытством. В уголках его губ появляется улыбка.

– А... эм... – Быстро, как могу, я просматриваю меню, но мне на самом деле не хочется плавленого тунца или бургера из индейки, или салата. Я сдаюсь. Мне нравится то, что мне нравится. – Жареный сыр, пожалуйста. И соду из черемухи. – Как только официантка уходит, я говорю: – Ни слова.

– О, я и не собирался.

А потом из-за тишины мы оба заговариваем одновременно. Я спрашиваю:

– Ты общался с Марго в последнее время?

А он:

– Как обстоят дела у вас с Кавински?

Непринужденная улыбка Джоша исчезает, и он смотрит в сторону.

– Да, мы иногда общаемся в онлайн-чате. Думаю... думаю, что она немного тоскует по дому.

Я немного странно на него поглядываю.

– Только вчера вечером с ней разговаривала, и она не показалась мне тоскующей по дому. Выглядит как прежняя Марго. Она рассказывала нам о Виноградных выходных. Мне тоже захотелось поехать в Сент-Эндрюс.

– А что такое Виноградные выходные?

– Я не уверена на сто процентов... похоже на смесь между «много пить» и «латинским». Предполагаю, это что-то шотландское.

– Ты бы сделала это? – спрашивает Джош. – Отправилась бы куда-нибудь далеко?

Я вздыхаю.

– Скорее всего, нет. Это Марго, а не я. Хотя было бы неплохо поехать туда. Может быть, папа отпустит меня во время весенних каникул.

– Думаю, ей бы это очень понравилось. Полагаю, наша поездка в Париж теперь не состоится, да? – неловко смеется он, а затем откашливается. – Так, подожди, а как обстоят дела с Кавински?

Прежде чем я успеваю ответить, возвращается официантка с нашей едой. Джош отодвигает тарелку с супом, чтобы она оказалась в центре стола.

– Первый глоток? – спрашивает он, держа в руках молочный коктейль.

Я охотно киваю и склоняюсь над столом. Джош держит стакан, и я делаю долгий глоток.

– Аааа, – произношу я, садясь обратно.

– Это был довольно-таки большой глоток, – говорит он. – Почему ты никогда не заказываешь этот коктейль себе?

– А зачем он мне, когда я знаю, что ты поделишься? – Я отламываю кусочек жареного сыра и макаю его в суп.

– Итак, что ты там говорила? – напоминает Джош. Когда я непонимающе гляжу на него, он добавляет: – Ты собиралась рассказать о Кавински...

А я надеялась, что эта тема не всплывет. Я не в настроении лгать Джошу еще больше.

– Все хорошо. – Из-за того, что Джош выжидающе смотрит на меня, я добавляю: – Он действительно милый.

Джош фыркает.

– Он не такой, как ты думаешь. Люди поверхностно судят о нем, но он другой. – Я удивлена, обнаружив, что говорю правду. Питер не такой, как многие думают. Он дерзкий, может быть противным, и всегда опаздывает, это правда, но в нем также есть и хорошие, удивительные стороны. – Он... не такой, каким ты его считаешь.

Джош поглядывает на меня с сомнением. Затем он обмакивает половину своего бутерброда в суп и говорит:

– Ты уже это говорила.

– Потому что это правда. – Он пожимает плечами, словно не верит мне. Поэтому я добавляю: – Ты должен видеть, как Китти ведет себя рядом с Питером. Она без ума от него. – Я не осознаю, пока слова не слетают с моих губ, но говорю их, чтобы сделать ему больно.

Джош отрывает кусок жареного сыра.

– Ну, надеюсь, она не слишком сильно к нему привяжется. – И хотя у меня была точно такая же мысль, все равно больно это слышать, по другим причинам.

Внезапно то ощущение легкости Джош-и-Лара-Джин потеряно. Джош замкнулся и погрузился в себя, а меня все еще задевает то, что он сказал о Питере, и создается ощущение, словно мы актеры, сидящие друг напротив друга и притворяющиеся, что все так же, как и в старые добрые времена. Как такое вообще возможно, когда здесь нет Марго? Она смысл нашего маленького треугольника.

– Эй, – неожиданно говорит Джош. Я поднимаю глаза. – Я не это имел

в виду. С моей стороны было дерьмово так говорить, – он наклоняет голову. – Полагаю... не знаю, может быть, я просто ревную. Я не привык делиться девочками Сонг.

Я смягчаюсь внутри. Теперь, после того как он сказал такие приятные слова, вновь почувствовала к нему теплоту и расположение. Я не говорю то, что думаю: *«Может быть, ты и не привык делиться нами, но мы очень даже привыкли делить тебя»*.

– Знаешь, Китти по-прежнему тебя любит сильнее, – говорю я слова, которые вызывают у него улыбку.

– Ну, я ведь учил ее харкаться, – произносит Джош. – Ты не сможешь забыть человека, который учит тебя подобному. – Он делает долгий глоток молочного коктейля. – Эй, в эти выходные в Бесс проходит марафон «Властелин Колец». Хочешь пойти?

– Это же примерно... девять часов!

– Ага, девять потрясающих часов.

– Правда, – соглашаюсь я. – Я хочу пойти, но сначала я должна согласовать все с Питером. Он что-то говорил о походе в кино в эти выходные и.

Джош прерывает меня.

– Все хорошо. Я могу пойти с Майком. Или, может быть, возьму Китти. Самое время представить ей гения, то есть Толкиена.

Я молчу. Неужели мы с Китти взаимозаменяемы в его уме? А Марго и я?

Мы делимся вафлей, когда в закусочную заходит Женестьева с маленьким ребенком, который, как я догадываюсь, должно быть, ее брат. Не ее настоящий братишка. Джен единственный ребенок в семье. Она – президент программы «Маленькие Сибсы»^[32]. Ученика старшей школы ставят в пару с ребенком начальных классов, и тот занимается с ним, а также приглашает куда-нибудь, чтобы весело провести время.

Я сползаю вниз на своем месте, но, конечно же, Женестьева видит меня. Она переводит взгляд с меня на Джоша, а затем слегка помахивает мне рукой. Не знаю, что делать, поэтому машу ей в ответ. То, как она улыбается, глядя на меня, очень тревожит. Из-за того, какой по-настоящему счастливой она выглядит.

Если Женестьева счастлива, то для меня это не очень хорошо.

Во время ужина я получаю сообщение от Питера. Оно гласит:

Если ты собираешься тусоваться с Сандерсоном, то можешь, хотя бы, не делать этого в общественных местах?

Под столом я перечитываю его снова и снова. Может такое быть, что Питер совсем чуточку ревнует? Или его на самом деле всего лишь беспокоит то, как это выглядит в глазах Женевьевы?

– На что ты постоянно смотришь? – хочет знать Китти.

Я кладу телефон лицевой стороной вниз.

– Ничего.

Китти оборачивается к папе и говорит:

– Готова поспорить, это было сообщение от Питера.

Папа произносит, намазывая маслом булочку:

– Мне нравится Питер.

– Правда? – спрашиваю я.

Папа кивает.

– Он хороший парень. И он очень тобою очарован, Лара Джин.

– Очарован мною? – повторяю я.

Китти обращается ко мне:

– Ты говоришь как попугай. – Папе же: – Что это значит? Очарован ею?

– Это значит, без ума от нее, – объясняет папа. – Он околдован.

– Хорошо, а что такое околдован?

Он тихо посмеивается и запихивает булочку в открытый от изумления рот Китти.

– Это значит, она ему нравится.

– Она ему определенно нравится, – соглашается Китти с полным ртом. – Он... он часто на тебя смотрит, Лара Джин. Когда ты не обращаешь внимания. Он смотрит на тебя, чтобы узнать, хорошо ли ты проводишь время.

– Правда? – У меня в груди появляется приятное ощущение тепла, и я чувствую, как начинаю улыбаться.

– Я просто рад видеть тебя такой счастливой. Привык беспокоиться о Марго, берущей так много обязанностей по дому и помогающей со всем. Я не хотел, чтобы она упустила жизненный опыт в старшей школе. Но ты же знаешь Марго. Она такая настойчивая. – Папа тянется ко мне и пожимает плечами. – Видеть тебя сейчас, выходящей из дома, чем-то занимающейся и заводящей новых друзей... это делает вашего старика очень счастливым.

Очень-очень счастливым.

Я чувствую, как растет ком в горле. Если бы только все это не было ложью.

– Не плачь, папочка, – приказывает Китти, папа кивает и притягивает ее в свои объятия.

– Китти, можешь сделать мне одолжение? – спрашивает он.

– Какое?

– Можешь остаться в этом возрасте навсегда?

Китти автоматически отвечает:

– Могу, если ты подаришь мне щенка.

Папа громко хохочет, и Китти тоже смеется.

Я действительно иногда восхищаюсь своей младшей сестренкой. Она точно знает, чего хочет, и сделает все что угодно, чтобы заполучить это. В этом отношении она бессовестна.

Я собираюсь поговорить с папой и помочь ее делу. Мы вдвоем вымотаем его. Рождественским утром под нашей елкой будет щенок. Я готова поставить на это деньги.

Глава 49

СЛЕДУЮЩИМ ВЕЧЕРОМ МЫ С ПИТЕРОМ несколько часов занимаемся в Старбаксе. Ну, я занимаюсь, а он все время разговаривает с народом из школы. По дороге домой он спрашивает:

– Ты записалась на лыжную поездку?

– Нет. Из меня ужасная лыжница. – Только крутые ребята, такие как Питер и его друзья, отправятся в лыжный поход. Я могла бы попробовать уговорить Крис поехать, но она, наверное, только рассмеялась бы мне в лицо. Она ни за что не поедет ни на какую школьную поездку.

– Тебе не обязательно кататься на лыжах. Ты можешь кататься на сноуборде. Это то, чем я занимаюсь.

Я пристально смотрю на него.

– Ты можешь представить меня на сноуборде?

– Я научу тебя. Ну же, будет весело. – Питер хватая меня за руку и произносит: – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Лара Джин? Давай, будь человеком. Будет весело, я обещаю.

Этим он застаёт меня врасплох. Лыжный поход состоится не раньше зимних каникул. Итак, он хочет продолжать все это – нас – до тех пор. Почему-то я чувствую облегчение.

– Если не хочешь кататься на сноуборде, – продолжает он, – в коттедже есть огромный каменный камин и большие удобные кресла. Ты можешь сидеть и часами читать. И там продают самый лучший горячий шоколад. Я куплю тебе один. – Он сжимает мою руку.

Мое сердце слегка тает, и я говорю:

– Ладно, я поеду. Но лучше, чтобы горячий шоколад оказался таким хорошим, как ты говоришь.

– Куплю тебе столько, сколько захочешь.

– Тогда тебе лучше захватить много мелочи, – отвечаю я, и Питер фыркает. – Что?

– Ничего.

Когда мы подъезжаем к моему дому, я быстро выбираюсь из машины. Питер уезжает прежде, чем мне приходит на ум, что я оставила свою сумку на полу его авто, а папы с Китти нет дома. Они на родительском собрании в школе Китти.

Я слепо шарю под верандой, ощупывая в темноте все вокруг в поисках запасных ключей, которые мы прячем под тачкой. Потом я

вспоминаю, что запасные ключи в ящике с барахлом: я забыла положить их обратно в последний раз, когда открывала. У меня нет ключей, нет телефона и нет возможности попасть в дом.

Джош! У Джоша есть запасные ключи. Он несколько раз поливал папины цветы, когда мы уезжали на каникулах.

Я нахожу на дороге камешек и пересекаю газон, останавливаясь под окном Джоша. Бросаю в него камень, но промахиваюсь. Я нахожу еще один. Он ударяется о стекло, едва издав звук. Я пытаюсь снова уже с камнем побольше. Этот попадает в цель.

Джош открывает окно и высовывает голову:

– Привет. Кавински уже уехал?

Удивленная, я отвечаю:

– Ага. Я оставила сумку в его машине. Можешь сбросить запасные ключи?

Джош вздыхает, как будто я прошу его о чем-то огромном.

– Подожди. – Затем он исчезает.

Я стою и жду, когда он снова вернется к окну, но он не появляется. Вместо этого он выходит из входной двери. На нем толстовка и спортивные штаны. Любимая толстовка Марго. Когда они стали парой, она все время носила ее, словно это была школьная куртка или типа того.

Я протягиваю руку для ключей, и Джош бросает их в мою ладонь.

– Спасибо, Джоши.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он произносит:

– Подожди. Я волнуюсь за тебя.

– Что? Почему?

Он тяжело вздыхает и поправляет свои очки. Он надевает их только ночью.

– То, что у тебя с Кавински...

– Только не снова. Джош.

– Он игрок. Он не достаточно хорош для тебя. Ты... невинна. Ты не такая, как другие девушки. Он же типичный парень. Ты не можешь ему доверять.

– Думаю, я знаю его намного лучше, чем ты.

– Я просто приглядываю за тобой. – Джош откашливается. – Ты мне как младшая сестра.

Мне хочется ударить его за эти слова.

– Нет, я не твоя сестра, – произношу я.

Смущенный взгляд мелькает на лице Джоша.

И я знаю, о чем он думает, потому что мы оба об этом думаем.

А затем на нашей улице сверкают фары. Это автомобиль Питера. Он возвращается обратно. Я отдаю Джошу комплект ключей и бегу к своей подъездной дорожке. Через плечо я окрикиваю:

– Спасибо, Джоши!

Я обхожу машину спереди, подходя к водительской стороне. Окно Питера опущено.

– Ты забыла сумку, – говорит он, поглядывая в сторону дома Джоша.

– Знаю, – запыхавшись, отвечаю я. – Спасибо, что вернулся.

– Он там?

– Не знаю. Был минуту назад.

– Тогда на всякий случай, – произносит Питер, высовывает голову и уверенно целует меня в губы открытым ртом.

Я ошарашена.

Питер отстраняется и улыбается.

– Спокойной ночи, Лара Джин.

Он уезжает в ночь, а я все еще стою там с поднесенными к губам пальцами. Питер Кавински только что поцеловал меня. Он поцеловал меня, и мне понравилось. Я вполне уверена, что мне понравилось. И вполне уверена в том, что он мне нравится.

* * *

Следующим утром я стою у своего шкафчика, выкладывая книги, когда вижу идущего по коридору Питера. Мое сердце так громко стучит в груди, что эхом отдается в ушах. Он меня пока не заметил. Я засовываю голову в шкафчик и начинаю складывать книги в стопку.

Из-за дверцы шкафчика он говорит:

– Привет.

– Привет, – отвечаю я.

– Я просто хочу тебя успокоить, Кави. Я не собираюсь снова тебя целовать, так что не беспокойся об этом.

О-о.

Итак, ничего не поделаешь. Не имеет значения, нравится он мне или нет, потому что я ему не нравлюсь. Ведь глупо чувствовать себя раздосадованной из-за того, что только сейчас поняла, чего я хотела, не правда ли?

Не дай ему увидеть, что ты разочарована.

Я гляжу ему в лицо.

– Я не волновалась об этом.

Нет, волновалась. Посмотри на себя: все твое лицо стянуто, словно моллюск. – Питер смеется, а я стараюсь расслабить лицо, чтобы выглядеть спокойной. – Этого не произойдет вновь. Все это было ради Сандерсона.

– Хорошо.

– Хорошо, – говорит он и берет мою руку. Он закрывает дверцу шкафчика и провожает меня до кабинета как настоящий парень, как будто мы на самом деле влюблены.

И как я должна понять, что реально, а что нет? Такое ощущение, что я единственная, кто не видит разницы.

Глава 50

ПАПА ПРЕБЫВАЕТ В ВОСТОРГЕ, когда я прошу его подписать разрешение на поездку.

– О, Лара Джин, это здорово. Питер убедил тебя? Ты боялась кататься на лыжах с тех пор, как тебе исполнилось десять лет, ты села на шпагат и не могла снова подняться!

– Ага, помню. – Мои ботинки замерзли на лыжах, и было такое чувство, что я пролежала на шпагате несколько дней.

Подписывая бумаги, папа говорит:

– Эй, может быть, мы все сможем отправиться в Винтергрин на Рождество. И Питер тоже.

Так вот откуда это у меня. От папы. Он живет в мире фантазий. Вручая мне разрешение, он весело произносит:

– Ты можешь надеть лыжные штаны Марго. И ее перчатки тоже.

Я не говорю ему, что они мне не понадобятся, так как собираюсь удобно устроиться в коттедже, читая и попивая горячий шоколад у огня. Нужно еще захватить свои принадлежности для вязания.

Когда я разговариваю с Марго по телефону тем вечером, то сообщаю ей, что собираюсь на лыжную поездку. Она удивлена.

– Но ты же ненавидишь катание на лыжах.

– Я собираюсь опробовать сноуборд.

– Просто... будь осторожна, – произносит она.

Я думаю, что она имеет в виду быть осторожной на склонах, но когда Крис приходит ко мне на следующий вечер, чтобы одолжить платье, узнаю кое-что другое.

– Ты же знаешь, во время лыжных поездок все спят друг с другом? Это словно санкционированное школой сексуальное рандеву.

– Что?

– Вот где я потеряла свою «Д» в девятом классе.

– Я думала, ты потеряла ее в лесу рядом с твоим домом.

– Ах, да. Без разницы, смысл в том, что у меня был секс во время лыжной поездки.

– Есть же учителя, сопровождающие группу, – произношу я озабоченно. – Как люди могут заниматься сексом, когда вокруг сопровождающие?

– Сопровождающие ложатся спать пораньше, так как они старые, –

отвечает Крис. – Народ просто незаметно ускользает. Плюс там есть джакузи. Ты знала, что там есть джакузи?

– Нет... Питер никогда о ней не упоминал. – Ну что ж, я просто не возьму купальник. Ведь тебя не могут заставить пойти в горячую ванну, если тебе не хочется.

– В том году, когда я ездила, народ купался нагишом.

У меня глаза выходят из орбит. Купаться нагишом!

– Народ был голый?

– Ну, девушки сняли верх. Просто будь готова. – Крис покусывает ноготь. – В прошлом году я слышала, мистер Данхэм забрался в ванну вместе с ученицами, и это было странно.

– Походит на «Дикий Запад», – бормочу я.

– Больше на «Унесенных ветром».

Не то чтобы я беспокоилась, что Питер попытается что-нибудь со мной сделать. Знаю, он не станет, так как не рассматривает меня в этом смысле. Но будет ли народ ожидать этого? Придется ли мне тайком пробираться в его комнату посреди ночи, чтобы люди подумали, будто мы чем-то занимаемся? Я не хочу попасть в неприятности во время школьной поездки, но Питер умеет убеждать меня делать то, чего я не хочу.

Я хватаю руки Крис.

– Пожалуйста, поехали? Пожалуйста, пожалуйста!

Она качает головой.

– Ты же прекрасно знаешь. Я не участвую в школьных поездках.

– Но ты ездила раньше!

– Ага, в девятом классе. И все.

– Но ты нужна мне! – В отчаянии я сжимаю ее руки и говорю: – Помнишь, как я прикрывала тебя в прошлом году, когда ты отправилась на Коачеллу? Я все выходные тайком пробиралась и выскальзывала из твоего дома, чтобы твоя мама думала, будто ты была дома! Не забывай о том, что я сделала ради тебя, Крис! Сейчас ты мне нужна!

С невозмутимым видом Крис вырывает свои руки из моих, идет к зеркалу и начинает разглядывать свою кожу.

– Кавински не станет принуждать тебя к сексу, если ты не хочешь. Если вычесть тот факт, что встречался с дьяволом, он полный тупица. На самом деле, он вроде как приличный.

– Что ты имеешь в виду под словом «приличный»? «Приличный» в том смысле, что его не сильно волнует секс?

– О, боже, нет. Между ним и Джен постоянно был накал страстей. Она принимала таблетки дольше, чем я. Слишком плохо, что все в моей семье

считают ее ангелочком. – Крис ковыряет прыщик на подбородке. – Какой обман. Мне следовало отправить анонимное письмо бабушке... Не то чтобы я действительно это сделала. Я не крыса, в отличие от нее. Помнишь тот раз, когда она рассказала бабушке, что я собиралась на школьную пьянку? – Она не ждет от меня ответа.

Когда Крис начинает разглагольствовать по поводу Женевьевы, она сосредоточена только на одном. – Бабушка хотела использовать деньги, которые она откладывала на мое обучение в колледже, на ремонт! У них была даже семейная встреча по поводу меня! Так что я рада, что ты украла у нее Кавински.

– Я не крада его у нее. Они тогда уже расстались!

Крис фыркает.

– Конечно, продолжай уверять себя в этом. Джен собирается на лыжную поездку, и ты знаешь это. Она президент класса, так что она организывает ее. Будь начеку. Никогда не катайся на лыжах в одиночку.

Я выпускаю взглас.

– Крис, умоляю тебя. Пожалуйста, поехали. – В порыве вдохновения я говорю: – Если ты поедешь, Женевьева действительно придет в ярость! Она организует все это; это ее поездка. Она не захочет тебя там видеть!

Крис вытягивает губы в улыбку.

– А ты знаешь, как меня уговорить. – Она кивает мне. – Как думаешь, этот прыщик готов вскрыться?

Глава 51

НА ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ ПАПА ЧИСТИТ ДЛЯ МЕНЯ индейку, а потом уезжает, чтобы забрать нашу корейскую бабушку, которая живет в часе езды от нас, в доме престарелых со множеством других бабушек корейского происхождения. Папина мама, Нана, проводит День благодарения с семьей ее бойфренда, что меня очень даже устраивает, потому что знаю, она не сказала бы ничего приятного по поводу еды.

Я придумываю зеленое блюдо из фасоли с апельсиновой коркой и укропом, в искреннем стремлении быть яркой и изобретательной. Назначаю Китти своим дегустатором, она пробует зеленую фасоль и говорит, что на вкус как апельсиновый маринад.

– Почему мы просто не можем взять запеканку из зеленой фасоли с колечками жареного лука, которая продается в консервах? – размышляет Китти. Она вырезает разноцветные перья для подстилок под индейку.

– Потому что я пытаюсь быть яркой и изобретательной, – отвечаю я, вываливая соус из баночки в кастрюлю.

Китти, сомневаясь, произносит:

– Что ж, у нас все еще есть запеканка из брокколи? Люди ее съедят.

– А ты видишь где-нибудь брокколи на этой кухне? – спрашиваю я. – Нет, зелень в этом блюде – зеленая фасоль.

– А как насчет картофельного пюре? У нас же еще есть картофельное пюре, правильно?

Картофельное пюре. Я вскакиваю и проверяю кладовку. Забыла купить картошку. У меня есть молоко, сливочное масло и даже зеленый лук, чтобы посыпать сверху, как всегда делает Марго. Но я забыла о самой картошке.

– Позвони папочке и попроси его захватить картофель «Юкон Голд» по пути домой, – говорю я, закрывая дверь кладовой.

– Не могу поверить, что ты забыла картошку, – произносит Китти, качая головой.

Я сердито гляжу на нее.

– Просто сосредоточься на своих подстилках.

– Нет, потому что если бы я только что не спросила о картофельном пюре, то весь обед был бы испорчен, так что ты должна благодарить меня.

Китти встает, чтобы позвонить папе, и я кричу:

– Кстати, эти индюшки больше похожи на павлинов с логотипа Эн-Би-Си, чем на настоящих индеек! Вот так!

Китти невозмутима, я же еще раз пробую зеленую фасоль. Она действительно на вкус как апельсиновый маринад.

* * *

Оказывается, я приготовила индейку вверх тормашками. Также Китти не отставала от меня с рассказами о сальмонелле^[33], потому что посмотрела о ней видео на уроке естествознания, и это закончилось тем, что я передержала птицу в духовке. С картофельным пюре все отлично, но то тут, то там встречаются крошечные хрустящие кусочки, потому что я бросилась отваривать их.

Мы сидим вокруг обеденного стола, и подложки Китти под столовые приборы определенно что-то добавляют этому месту.

Бабушка съедает целый ворох зеленой фасоли, и я бросаю на Китти торжествующий взгляд: *«Видишь? Кому-то нравится»*.

Прошла всего минута или две, после того как умерла мама, когда бабушка переехала к нам, чтобы о нас позаботиться. Поговаривали даже о том, чтобы она осталась. Она не думала, что папа смог бы справиться самостоятельно.

– Итак, Дэнни, – начинает бабушка. Мы с Китти переглядываемся через стол. Знаем, что будет дальше. – Ты встречаешься с кем-нибудь сейчас? Ходишь на свидания?

Папа краснеет.

– Э-э... не так часто. Моя работа отнимает много времени...

Бабушка кудачет:

– Не хорошо мужчине быть одному, Дэнни.

– У меня есть мои девочки, чтобы составить мне компанию, – отвечает папа, пытаюсь казаться веселым и ненапряженным.

Бабушка смеряет его холодным взглядом.

– Я не это имела в виду.

Когда мы убираем посуду, бабушка спрашивает меня:

– Лара Джин, ты бы возражала, если бы у твоего папы была подружка?

Мы с Марго обсуждали это на протяжении многих лет чаще всего в темноте, поздно ночью. Если бы папе было необходимо встречаться с женщиной, какой мы бы захотели ее видеть? Такую, у которой хорошее чувство юмора, добрую и тому подобное. Которая была бы строга с Китти, но не слишком сильно держала бы ее в узде, чтобы не подавить все ее особенности. Но также такую, которая бы не пыталась быть нашей

матерью. Марго яростно отстаивает именно этот пункт. «Китти нуждается в маме, но мы достаточно взрослые и не нуждаемся в материнской заботе», – утверждает она.

Из нас троих Марго была бы наиболее критичной. Она невероятно предана памяти мамы. Не то чтобы я не предана, но были времена, годы, когда я думала, как было бы хорошо иметь кого-то. Кого-то постарше, женщину, которая знает определенные вещи, как, например, правильно наносить румяна или как флиртовать, чтобы избежать штрафа за превышение скорости. То, что необходимо знать для будущего. Но этого так и не произошло. Папа бывал на нескольких свиданиях, но у него нет постоянной подружки, которую он мог бы привести домой. Что было своего рода облегчением, но теперь, когда я стала постарше, продолжаю думать о том, каково будет, когда я уйду, и останутся только Китти и папа, а в скором времени только папа. Я не хочу, чтобы он был один.

– Нет, – говорю я. – Я была бы совсем не против.

Бабушка с одобрением на меня поглядывает.

– Хорошая девочка, – произносит она, и я ощущаю внутри теплоту и уют, как, бывало, чувствовала себя после чашечки чая «Ночь-Ночь», которую мне делала мама, когда я не могла заснуть. С тех пор папа делал его для меня несколько раз, но на вкус он никогда не был таким же, а мне не хватало смелости сказать ему об этом.

Глава 52

«РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ИЗОБИЛИЕ» начинается первого декабря. Мы вытаскиваем все старые поваренные книги мамы и журналы по кулинарии, разложив их на полу в гостиной и включив рождественский альбом Чарли Брауна. Рождественская музыка запрещена в нашем доме до первого декабря. Не помню, чье это правило, но мы его соблюдаем. Китти составляет список печенья, которое мы точно приготовим, и тех, которые, может быть, испечем. Существует несколько неизменных видов. Папа любит полумесяцы с орехом pekan, так что эти обязательные. Сахарное печенье, потому что оно само собой разумеющееся. Сникердудл для Китти, имбирное печенье для Марго и печенье Каугерл для меня. С клюквой и белым шоколадом любимые у Джоша. Хотя, думаю, в этом году нужно все немного встряхнуть и сделать другое печенье. Не полностью, но, по крайней мере, несколько новых.

Питер заехал после школы, чтобы позаниматься химией, и спустя часы он все еще здесь. Мы с Питером и Китти в гостиной просматриваем поваренные книги. Папа на кухне слушает Эн-Пи-АР^[34] и готовит обеды на завтра.

– Пожалуйста, больше никаких бутербродов с индейкой, – окликаю я.

Питер слегка подталкивает локтем мой носок и беззвучно говорит одними губами «избалованные», указывая на меня и Китти пальцем.

– Без разницы. Твоя мама готовит тебе обеды каждый день, – шепчу я.

Папа откликается:

– Эй, я тоже устал от остатков, но что нам остается делать? Выбрасывать?

Мы с Китти переглядываемся.

– Довольно-таки точно, – говорю я. У отца есть пункт по поводу выбрасывания еды. Интересно, если я сегодня ночью прокрадусь на кухню и выкину индейку, заметит ли он. Наверное, заметит.

– Если бы у нас была собака, – громко припевает Китти, – не было бы никаких остатков. – Она подмигивает мне.

– Какую собаку ты хочешь? – спрашивает ее Питер.

– Не вселяй в нее надежды, – говорю я ему, но он отмахивается от меня.

Китти сразу же отвечает:

– Акиту. С рыжим мехом и хвостиком цвета корицы. Или немецкую

овчарку, которую я могу натренировать, чтобы сделать из нее собаку-поводыря.

– Но ты же не слепая, – говорит Питер.

– Но я могу однажды стать ею.

Ухмыляясь, Питер покачивает головой. Он снова тычет в меня локтем и восхищенным голосом произносит:

– Не могу спорить с ребенком.

– Это бесполезно, – соглашаюсь я. Я поднимаю журнал, чтобы показать Китти. – Что думаешь? О печенье Кримсикл? – Китти записывает их в список возможных.

– Эй, а что насчет этих? – Питер швыряет кулинарную книгу мне на колени. Она открыта на рецепте печенья с изюмом.

Я давлюсь.

– Ты что, шутишь? Ты же шутишь, верно? Печенье с изюмом? Отвратительно.

– Когда все сделано правильно, печенье с изюмом может быть по-настоящему вкусным, – защищается Питер. – Моя тетушка Триш, бывало, пекла печенье с изюмом, а сверху добавляла мороженое, и оно было великолепным.

– Если положить мороженое на что угодно, то оно будет вкусным, – говорит Китти.

– Не могу спорить с ребенком, – произношу я, и мы с Питером обмениваемся улыбками поверх головы Китти.

– Намек понят, но это не среднестатистическое печенье с изюмом. Оно не как сырая буханка неоновых фиников. В нем есть орех пекан, сушеные вишни и черника и еще много всего вкусного. Думаю, она называла кекс «Воспоминания об одном Рождестве».

– Я обожаю эту историю! – восклицаю я. – Она моя любимая. Такая хорошая, но такая печальная.

Питер и Китти выглядят озадаченными, поэтому я объясняю:

– «Воспоминания об одном Рождестве» – короткий рассказ Трумена Капоте. Он о мальчике по имени Бадди и его старшей кузине, которая заботилась о нем, когда он был маленьким. Они копили деньги в течение всего года, чтобы купить ингредиенты для печенья, а потом рассылали их в качестве подарков для друзей, и например, президенту.

– И почему она грустная? – желает знать Китти.

– Потому что они лучшие друзья и любят друг друга больше, чем кого-либо еще, но в конце их разлучают, потому что семья считает, будто кузина не достаточно хорошо о нем заботится. Может, так оно и есть, но, может

это не имеет значения, потому что она по-прежнему была его родственной душой. В конце она умирает, а у Бадди даже не получается с ней попрощаться. Это реальная история.

– Это удручает, – произносит Питер. – Забудьте о печенье с изюмом.

Китти перечеркивает печенье с изюмом в своем блокноте.

Я листаю старый номер журнала «Хорошее домашнее хозяйство», когда раздаётся звонок в дверь. Китти поднимается на ноги и бежит к двери.

– Проверь кто, прежде чем открывать, – кричу я ей вслед. Она всегда забывает сначала проверить.

– Джош! – Я слышу ее визг.

Питер резко поднимает голову.

– Он здесь, чтобы увидеться с Китти, – сообщаю я ему.

– Ага, точно.

Джош проходит в гостиную с висящей на его шее Китти, словно обезьянкой.

– Привет, – говорит он, сверкая глазами в направлении Питера.

– Привет, дружище, – отвечает Питер настолько дружелюбно, насколько может. – Присаживайся.

Я странно посматриваю на него. Всего секунду назад он был ворчливым, а теперь счастливый как моллюск. Я не понимаю парней.

Джош приподнимает полиэтиленовый пакет.

– Я принес обратно вашу кастрюлю.

– Это Джош? – кричит папа с кухни. – Джош, хочешь перекусить? Бутерброд с индейкой?

Уверена, что он скажет «нет», потому что наверняка съел в этом доме столько же бутербродов с индейкой, сколько и мы, но он говорит: «Конечно!». Джош выпутывается из объятий Китти и плюхается на кушетку. Мне же он говорит:

– «Рождественское изобилие»?

– «Рождественское изобилие», – подтверждаю я.

– Ты же испечешь мое любимое, верно? – Джош смотрит на меня щенячьими глазками, которые всегда заставляют меня смеяться, поскольку это так непохоже на Джоша.

– Ты такой придурок, – говорю я, покачивая головой.

– А какое твое любимое? – спрашивает его Питер. – Потому что, думаю, список уже составлен.

– Вполне уверен, оно уже в списке, – отвечает Джош.

Я перевожу взгляд с Джоша на Питера. Не могу понять, шутят они или

нет.

Питер протягивает руку и щекочет ноги Китти.

– Зачитай нам список, Кэтрин.

Китти хихикает и перекачивается к своему блокноту. Затем она встает и торжественно произносит:

– Печенье М&М – да; печенье капучино – может быть; печенье Кримсикл – может быть; печенье с изюмом – *ни за что...*

– погоди минутку, я ведь тоже часть этого совета, – протестует Питер, – и вы, ребята, отклонили мое печенье с изюмом без раздумий.

– Ты же сам сказал забыть о печенье с изюмом примерно пять секунд назад! – говорю я.

– Ну, теперь я хочу, чтобы его вернули обратно на рассмотрение, – произносит он.

– Извини, но у тебя нет голосов, – сообщаю ему я. – Мы с Китти обе проголосовали «нет», так что двое против одного.

Папа просовывает голову в гостиную.

– Запиши, что я голосую за печенье с изюмом. – Его голова исчезает.

– Спасибо, доктор Кави, – ликует Питер. Он привлекает меня ближе к себе. – Видишь, я знал, что твой папа на моей стороне.

Я смеюсь.

– Ты такой подлиза!

А потом поглядываю на Джоша. Он наблюдает за нами с забавным выражением лица, отчего я начинаю чувствовать себя неловко. Я быстро отстраняюсь от Питера и снова начинаю листать книги. Я говорю Джошу:

– Список все еще в разработке. Совет по печенье возьмет на рассмотрение твоё печенье с клюквой и белым шоколадом.

– Весьма признателен, – отвечает Джош. – Рождество не Рождество без вашего печенья с клюквой и белым шоколадом.

Китти добавляет высоким голосом:

– Эй, Джош, а ты тоже подлиза. – Джош хватает ее и щекочет до тех пор, пока она не смеется так сильно, что у нее на глазах появляются слезы.

* * *

После того как Джош уходит, а Китти отправляется наверх смотреть телевизор, я навожу порядок в комнате. Питер же, развалившись на диване, наблюдает за мной. Я думаю, что он собирается уходить, но он все задерживается.

Вдруг, ни с того ни с сего, он говорит:

– Помнишь, как на Хэллоуин ты нарядилась Чжоу Чанг, а Сандерсон был Гарри Поттером? Готов с тобой поспорить, это не было совпадением. Ставлю миллион баксов, что он подослал Китти узнать, что за костюм у тебя будет, а затем купил костюм Гарри Поттера. Он увлечен тобой.

Я застываю.

– Нет. Он любит мою сестру. Всегда любил и всегда будет.

Питер отменяет заявление.

– Просто подожди. Как только мы с тобой разбежимся, он притащит свою задницу, чтобы сделать слащавый жест, как например, заявить о своей любви к тебе с бум-боксом^[35]. Говорю тебе, я знаю, как думают парни.

Я выдергиваю из-под его спины подушку, на которой он развалился, и кладу ее на кресло.

– Скоро моя сестра вернется домой на зимние каникулы. Спорим на миллион долларов, они снова сойдутся?

Питер протягивает мне руку, чтобы скрепить спор рукопожатием, и, когда я беру ее, он тащит меня на диван рядом с собой. Наши ноги соприкасаются. У него озорной блеск в глазах, и я думаю, что он, возможно, собирается поцеловать меня. И мне страшно, но я также взволнована. А затем я слышу шаги Китти, спускающиеся по лестнице, и момент упущен.

Глава 53

– МЫ МОЖЕМ ПОСТАВИТЬ ЕЛКУ В ЭТИ ВЫХОДНЫЕ? – спрашивает Китти за завтраком.

Папа поднимает глаза от своей тарелки с овсянкой. Овсянка? Фууу.

– Не вижу причины этого не делать.

Я равнодушно произношу:

– Марго, вероятно, будет в ярости, если мы сделаем это без нее.

По правде говоря, я тоже хочу поставить праздничное дерево. Создается чувство уюта, когда печешь «Рождественское изобилие», а на елке мерцают огоньки, играет рождественская музыка, и весь дом пахнет сахаром и сливочным маслом.

– Семья Бриллер поставила елку сразу же после Дня благодарения, – говорит Китти.

– Тогда давайте тоже поставим, – предлагаю я. – Можно, папочка?

– Ну, если семья Бриллер так сделала, – отвечает папа.

* * *

Мы отправляемся в хвойный заповедник в часе езды от нашего дома, так как там есть по-настоящему хорошие елки. Китти непременно желает увидеть каждое дерево, чтобы убедиться в том, что наша елка будет самая лучшая. Я голосую за роскошную бальзамическую пихту, потому что она лучше всех пахнет, но Китти считает ее недостаточно высокой. Вместо нее мы покупаем дугласовую пихту, и всю дорогу домой воздух пахнет словно рождественское утро.

Джош выбегает из дома, когда замечает, как мы стараемся затащить елку домой. Они с папой приподнимают ее и заносят внутрь. Он держит дерево прямо, пока папа крепко фиксирует его на подставке. У меня такое чувство, будто он собирается остаться и помочь нам с украшением елки. Я никак не могу перестать думать о том, что сказал Питер. Что, возможно, я могу нравиться Джошу.

– Чутьку левее, – направляет Китти. – Еще не достаточно прямо.

Я спускаю коробку с гирляндами и украшениями и начинаю их разбирать. Мое любимое – разрисованная голубая звезда, которую я сделала в детском саду из теста. Она мне очень нравится, потому что от нее

откусан кусочек. Я сказала Китти, что это было печенье, и она бросилась хрустеть им, словно Коржик. А потом она плакала, и мне попало, но оно того стоило.

– В этом году сделаем разноцветные огоньки или белые? – спрашиваю я.

– Белые, – отвечает Китти. – Они элегантней.

– Но разноцветные огоньки необычней, – спорит Джош. – Они вызывают ностальгию.

Я закатываю глаза.

– Необычней, Джош? – И Джош приводит доводы в пользу разноцветных гирлянд. Мы начинаем с ним спорить, пока папа не вмешивается и не заявляет, что мы должны просто взять половину тех и других. И вот сейчас, наконец-то, ощущается, что между нами все нормально, теперь, когда мы снова пререкаемся как в старые добрые времена. Питер ошибался насчет Джоша.

Дерево настолько высокое, что почти касается потолка. У нас заканчиваются огоньки, так что папа отправляется в магазин за новыми. Джош сажает Китти к себе на плечи, чтобы она смогла поместить на верхушке дерева звезду.

– Я рада, что в этом году у нас огромная елка, – произношу я со счастливым вздохом, падая на диван и глядя на верхушку дерева. Нет ничего уютнее, чем зажженная елка.

Чуть позже папе приходится ехать в больницу, а Китти отправляется в гости к соседям, потому что они готовят смоурсы^[36] в камине. Так что остаемся только мы с Джошем, чтобы все прибрать. Я убираю крючкообразные украшения обратно по разным пакетикам, а Джош складывает в картонную коробку украшения, для которых у нас не хватило места. Он поднимает коробку и задевает ею ветку дерева. Стекло украшение соскальзывает и разбивается.

Джош стонет.

– Джо-ош, – говорю я. – Я сделала его на уроке труда.

– Извини.

– Да ладно. Все равно это украшение не было моей лучшей работой. Я положила в него слишком много перьев. – Украшение представляет собой простой прозрачный стеклянный шар с белыми перьями и блестками внутри.

Я ухожу за веником, а когда возвращаюсь, Джош говорит:

– Ты ведешь себя по-другому рядом с Кавински. Ты знала об этом?

Я отрываю взгляд от разбитого украшения.

– Нет, не веду.

– Ты сама на себя не похожа. Ты ведешь себя... как ведут себя все девушки около него. Это не ты, Лара Джин.

Раздраженная, я отвечаю:

– Я веду себя точно так же, как и всегда. Что ты можешь об этом знать, Джош? Ты вообще едва ли был с нами. – Я приседаю и подбираю осколки стекла.

– Будь осторожна, – произносит он. – Вот, давай я сделаю. – Он опускается возле меня и протягивает руку к другому осколку. – Ой!

– Сам будь осторожнее! – Я наклоняюсь к нему ближе, стараясь тщательнее рассмотреть его палец. – Кровь течет?

Он отрицательно качает головой.

– Я в порядке, – а потом он добавляет: – Знаешь, что я не могу понять?

– Что?

Джош пристально глядит на меня, его щеки темно-красные.

– Почему ты никогда ничего не говорила? Если все это время ты испытывала ко мне подобные чувства, почему ты ничего не сказала?

У меня все тело напрягается. Я не ожидала этого. Я не готова. С трудом сглатываю и отвечаю:

– Ты был с Марго.

– Я не всегда был с Марго. Ты написала, что я тебе нравился даже раньше, чем я влюбился в нее. Почему ты просто не сказала?

Выдох.

– Какое вообще сейчас это имеет значение?

– Огромное. Ты должна была сказать мне. Ты должна была, по крайней мере, дать мне шанс.

– Джош, не было бы никакой разницы!

– А я говорю, была бы! – Он делает шаг ко мне.

Я быстро поднимаюсь на ноги. Почему он поднял эту тему сейчас, когда все опять вернулось на круги своя?

Тебя так и распирает. Ты никогда не думал обо мне в этом смысле. Ни разу. Так что не советую сейчас пытаться переписать историю, когда у меня кто– то есть.

– Не говори мне, что я думаю, – рывкает он. – Ты не знаешь каждой моей мысли, Лара Джин.

– Нет, знаю. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо. И знаешь почему? Ты предсказуем. Все, что ты делаешь, так предсказуемо. Единственная причина, по которой ты вообще говоришь мне это сейчас, потому что ты ревнуешь. И это даже не из-за меня. Тебя не волнует, с кем я. Ты просто

испытываешь ревность из- за того, что Питер занял твое место. Он сейчас нравится Китти даже больше, чем ты.

Его лицо темнеет. Мы пристально смотрим друг на друга.

– Отлично! – кричит он. – Я ревную! Теперь ты счастлива?

А затем он резко придвигает свою голову к моей и целует меня. В губы. Его глаза закрыты, мои же широко распахнуты. И потом мои тоже закрываются, и на секунду, всего на мгновение, я целую его в ответ. Затем я отстраняюсь. И отталкиваю его.

С триумфом он произносит:

– Это было предсказуемо, Лара Джин?

Мой рот открывается и закрывается, но ни слова не слетает с губ. Я бросаю метлу и бегу наверх так быстро, как только могу. Я несусь весь путь до своей комнаты и запираю за собой дверь. Джош только что меня поцеловал. В моей гостиной. Сестра возвращается через несколько недель. И у меня есть мнимый парень, которому я только что изменила.

Глава 54

ЛУКАС ЖДЕТ МЕНЯ ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО УРОКА.

На нем сегодня тонюсенький галстук, рубашка с V-образным вырезом, а в руке – Читос. Он запихивает горсть чипсов в рот, и оранжевые пылинки оседают на его белой шее. Уголки рта кажутся тоже слегка оранжевыми. С полным ртом он говорит:

– Послушай, мне надо кое-что тебе сказать.

Я смеюсь.

– Не могу поверить, что я когда-то считала тебя благородным, – произношу я, сдувая с его рубашки крошки Читоса. – Что ты хочешь сообщить мне? – спрашиваю я. И краду несколько хлопьев из пакета. Когда он медлит, я говорю: – Лукас, терпеть не могу, когда люди заявляют, что им есть, что рассказать, и они просто молчат. Как будто люди хвастаются, что у них есть смешная история. Как бы просто поспеши и Расскажи историю, а я уж решу для себя, смешная она или нет.

Лукас облизывает с губ сыр.

– Ну, ты же знаешь, я живу в том же районе, что и Женестьева? – Я киваю. – Простой ночью я видел, как Кавински выходил из ее дома.

– О-о. – Это все, что я говорю. Просто «о».

– При обычных обстоятельствах я бы не посчитал это таким уж большим делом, но есть кое-что еще. – Лукас вытирает рот тыльной стороной ладони. – В выходные Женестьева рассталась со своим другом из колледжа. Ты же понимаешь, что это означает, верно?

Я киваю, но внутри все онемело.

– Да... Подожди, что?

Лукас бросает на меня взгляд, наполовину полный жалости, на другую половину – нетерпеливости.

– Она попытается вернуть Питера, Лара Джин!

– Точно, – произношу я и чувствую внезапную боль, даже когда говорю это. – Конечно, она попытается.

– Не дай ей, – предупреждает он.

– Не дам, – отвечаю я, и слова звучат такими неуверенными, мягкими, как желе.

До сих пор не понимала, но, возможно, я все это время вела отсчет до этого момента. Когда Женестьева захочет вернуть Питера обратно. Когда Питер поймет, что все это было идиотским маленьким экскурсом и теперь

для него пришло время возвращаться туда, где его место. К человеку, которому он принадлежит.

* * *

Я не планировала рассказывать Питеру о том, что Джош поцеловал меня. Действительно не собиралась. Но мы с Лукасом идем вместе, и я вижу его и Женевьеву, идущих по коридору. Лукас бросает на меня многозначительный взгляд, который я не заметила. По крайней мере, делаю вид, что не заметила.

На уроке химии я пишу Питеру записку.

«Ты был прав по поводу Джоша».

Я слегка постукиваю его по спине и незаметно сую записку ему в руку. Когда он прочитывает ее, то выпрямляется и сразу же что-то пишет в ответ.

«А поконкретней».

«Он поцеловал меня».

Когда Питер застывает, стыдно признаться, но я чувствую себя немного оправданной. Я жду его ответа, но он ничего не пишет.

Как только звенит звонок, он оборачивается и произносит:

– Какого черта? Как это вообще случилось?

– Он зашел, чтобы помочь нам нарядить елку.

– А что потом? Он поцеловал тебя перед Китти?

– Нет! Мы были только вдвоем дома.

Питер выглядит очень раздраженным, и я начинаю жалеть, что упомянула об этом случае.

– Какого черта он думал, целуя мою девушку? Это, блин, смешно. Мне нужно сказать ему кое-что...

– погоди, что? Нет!

– Лара Джин, я должен. Я не могу просто взять и спустить это ему с рук.

Я встаю и начинаю собирать сумку.

– Питер, тебе лучше ничего ему не говорить. Я серьезно.

Питер молча за мной наблюдает. А потом спрашивает:

– А ты поцеловала его в ответ?

– Какое это имеет значение?

Он выглядит ошеломленным.

– Ты злишься на меня за что-то?

– Нет, – отвечаю я. – Но буду, если ты что–нибудь скажешь Джошу.

- Отлично, – произносит он.
- Отлично, – говорю я в ответ.

Глава 55

Я НЕ ВИДЕЛА ДЖОША С ТЕХ ПОР, как он поцеловал меня. Но когда вечером я возвращаюсь домой из библиотеки, он сидит на крыльце в своей синей парке и ждет меня. В доме горит свет: папа дома. В спальне Китти тоже зажжена лампа. Я предпочла бы избежать Джоша, но он здесь, у моего дома.

– Привет, – говорит он. – Можно с тобой поговорить?

Я сажусь рядом с ним и смотрю прямо перед собой через дорогу. Мисс Ротшильд тоже поставила елку. Она всегда устанавливает ее у окна возле двери, чтобы люди могли видеть елку с улицы.

– Мы должны разобраться, что будем делать, до возвращения Марго. То, что произошло, было моей виной. Я должен быть тем, кто ей расскажет.

Я в недоумении уставилась на него.

– Рассказать ей? Ты что, рехнулся? Мы никогда не скажем Марго, потому что там нечего рассказывать.

Он выставляет вперед подбородок.

– Я не хочу хранить от нее секреты.

– Ты должен был подумать об этом до того, как поцеловал меня! – сердито шепчу я. – И тебе на заметку: если кто и расскажет ей, то это буду я. Я ее сестра. А ты был всего лишь ее бойфрендом. И ты даже больше им не являешься, так что...

Обида и боль застывают на его лице.

– Я никогда не был всего лишь бойфрендом Марго. Для меня это тоже странно. Похоже, что с тех пор, как я получил то письмо. – Он колеблется. – Забудь.

– Просто скажи, – говорю я.

– С тех пор как я получил то письмо, между нами все пошло кувырком. Это несправедливо. Ты высказала, что хотела сказать, а я тот, кто должен был пересмотреть все, что думаю о тебе. Я должен был разобраться с этим в своей голове. Ты застала меня врасплох, а потом просто отгородилась. Ты начала встречаться с Кавински, перестала быть моим другом. – Он делает выдох. – С тех пор, как я получил то письмо... Я не мог перестать о тебе думать.

Я все что угодно ожидала от него услышать, но только не это. Определенно не это.

– Джош.

– Знаю, ты не хочешь этого слышать, но просто дай мне сказать, что мне нужно сказать, ладно?

Я киваю.

– Я терпеть не могу то, что ты с Кавински. Ненавижу. Он недостаточно хорош для тебя. Извини, что говорю это, но он совсем не подходит тебе. На мой взгляд, ни один парень не будет достаточно хорош для тебя. Меньше всего я. – Джош опускает голову, а затем неожиданно поднимает на меня глаза и говорит:

– Был один раз, полагаю, пару лет назад. Мы пешком возвращались домой от кого-то, думаю, от Майка.

Было жарко, почти смеркалось. Я была в ярости, потому что старший брат Майка, Джимми, обещал, что подвезет нас до дома, а потом смотался куда-то и не вернулся, так что нам пришлось идти пешком. На мне были эспадрильи, и ноги ужасно болели. Джош продолжал говорить мне, чтобы я не отставала.

Он тихо продолжает:

– Были только я и ты. На тебе была та рыжевато-коричневая замшевая рубашка с бахромой, которую ты, бывало, носила с бретелями и из-под которой был виден твой пупок.

– Моя рубашка «Покахонтас-встречает-стиль-Шер-семидесятых». – Ах, как любила я эту рубашку.

– Я почти поцеловал тебя в тот день. Я думал об этом. У меня был какой-то странный порыв. Мне просто хотелось посмотреть, на что это будет похоже.

Мое сердце прекращает биться.

– А потом?

– А потом я не знаю. Думаю, я забыл об этом.

Я делаю выдох.

– Мне жаль, что ты получил то письмо. Ты никогда не должен был его увидеть. Не предполагалось, что ты его когда-либо прочтешь. Оно было только для меня.

– Может быть, это судьба. Возможно, все это должно было произойти именно так, потому что... потому что всегда должны были быть ты и я.

Я говорю первое, что приходит на ум.

– Нет, не должны были. – И я понимаю, что это правда.

В этот момент я понимаю, что не люблю его, что не любила уже какое-то время. Что, может быть, вовсе никогда не любила. Вот он, прямо здесь, бери его. Я могла бы его снова поцеловать, могла бы сделать своим. Но я не хочу его. Я хочу кое-кого другого. Странно, потратить так много времени,

желая чего-то, кого-то, а потом в один прекрасный день вдруг просто остановиться.

Я засовываю пальцы в рукава куртки.

– Ты не можешь рассказать Марго. Ты должен пообещать мне, Джош.

Он нехотя кивает.

– Марго общалась с тобой в последнее время? – спрашиваю его я.

Ага. Она звонила прошлой ночью. Сказала, что хочет потусоваться, пока будет дома. Хочет поехать на день в округ Колумбия. Посетить Смитсоновский институт, поужинать в Чайнатауне.

– Отлично. Тогда этим ты и займешься. – Я похлопываю его по коленке, а затем быстро убираю руку. – Джош, мы просто должны вести себя как раньше. Как всегда. Если мы сделаем это, все будет хорошо.

Я повторяю это в своей голове. *Все будет хорошо.* Теперь мы все вернемся на свои места. Джош и Марго. Я. Питер.

Глава 56

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ШКОЛЫ я отправляюсь искать Питера в тренажерный зал. Он лежит на скамье для жима. Считаю, что будет лучше поговорить здесь, а не в его машине. Я буду скучать по поездкам в его авто. Начала ощущать себя там как дома. Мне будет не хватать этого: быть чьей-то мнимой девушкой. Не просто чьей-то, а девушкой Питера. Мне действительно очень нравятся Даррел, Гейб и другие парни из команды по лакроссу. Они не сволочи, как говорят люди. Они хорошие ребята.

В тренажерном зале никого нет, за исключением Питера. Он лежит на скамье, поднимая штангу. Когда замечает меня, он улыбается.

– Ты здесь, чтобы подстраховать меня? – Он садится и вытирает с лица пот воротником своей футболки.

Мое сердце болезненно сжимается.

– Я здесь, чтобы расстаться. Ну, типа расстаться, я имею в виду.

У Питера замедленная реакция.

– Подожди. Что?

– Больше нет необходимости продолжать все это. Ты же получил, что хотел, верно? Ты сохранил свою репутацию, как и я. Я поговорила с Джошем, и у нас снова все в норме. Да и моя сестра скоро будет дома. Так что... миссия выполнена.

Он медленно кивает.

– Да, похоже.

Мое сердце разрывается, даже когда я улыбаюсь.

Тогда хорошо. – Я с размаху вытаскиваю из сумки наш контракт. – Недействителен. Таким образом, обе стороны выполнили свои обязательства друг перед другом на вечные времена. – Я просто отбарабанила слова юриста.

– Ты носишь его с собой повсюду?

– Конечно! Китти такая пронира. Она бы нашла его в две секунды.

Я поднимаю листок бумаги, готовясь разорвать его пополам, но Питер выхватывает его у меня.

– Подожди! А что насчет лыжной поездки?

– А что насчет нее?

– Ты же все равно поедешь, верно?

Об этом я не подумала. Единственной причиной, по которой я

собиралась поехать, был Питер. Не смогу сделать этого теперь. Не могу быть свидетелем воссоединения Питера и Женевьевы. Я просто не могу. Я хочу, чтобы они волшебным образом вернулись из поездки будучи снова вместе. И все будет так, словно я это просто нафантазировала.

– Я не поеду.

Его глаза округляются.

– Ну же, Кави! Не бросай меня сейчас. Мы уже записались, внесли предоплату и все такое. Давай просто поедем, и пусть это будет наше окончательное «ура». – Когда я начинаю протестовать, Питер качает головой. – Ты едешь, так что забери этот контракт. – Питер сворачивает и осторожно кладет его обратно в сумку.

Почему так трудно сказать ему «нет»? Вот что значит быть влюбленной в кого-то?

Глава 57

У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ ВО ВРЕМЯ УТРЕННИХ объявлений, когда сообщили, что в эти выходные в нашей школе будет проходить схватка Модели ООН^[37]. Джош Амброуз Макларен в средних классах был президентом Модели ООН. Интересно, участвует ли он со своей школьной командой.

За обедом я завожу этот разговор с Питером до того, как кто-нибудь из ребят подсядет к нам.

– Не знаешь, по-прежнему ли Джон Макларен участвует в Модели ООН?

Питер как-то странно на меня поглядывает.

– Откуда я должен знать?

– Не знаю. Мне было просто интересно.

– Почему?

– Думаю, может быть, пойти на схватку Модели ООН в эти выходные.

У меня такое чувство, что он будет там.

– Реально? – ухает Питер. – А если будет, что ты собираешься делать?

– С этой частью я пока не разобралась. Возможно, подойду к нему, а может быть и нет. Мне просто хочется увидеть, каким он стал.

– Мы можем поискать его в онлайн прямо сейчас, и я покажу тебе.

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, это было бы жульничеством. Я хочу увидеть его собственными глазами. Хочу удивиться.

– Ну, не проси меня составить тебе компанию. Я не собираюсь тратить целую субботу на Модель ООН.

– Я не собиралась просить тебя пойти.

Питер бросает на меня оскорбленный взгляд.

– Что? Почему нет?

– Просто это то, что я хочу сделать сама.

Питер выпускает тихий свист.

– Вау. А тело даже еще не остыло.

– А?

– Ты мелкий игрок, Кави. Мы даже еще не расстались, а ты уже пытаешься заговорить с другими парнями. Я был бы оскорблен, если бы не был впечатлен.

Его слова заставляют меня улыбаться.

В восьмом классе я поцеловала Джона Макларена на вечеринке. Это не был романтический поцелуй. Его едва можно назвать поцелуем. Мы играли в бутылочку, и, когда настала его очередь, я затаила дыхание и молилась, чтобы бутылка остановилась на мне. И она остановилась! Она чуть не указала на Энжи Пауэлл, но в тот день удача была на моей стороне, и Джон был моим из-за половины дюйма. Я старалась сохранить спокойное и невозмутимое лицо. Мы с Джоном выползли в центр и очень быстро чмокнулись. Все застонали, и его лицо побагровело. Я была разочарована. Возможно, я ожидала чего-то большего, серьезного поцелуя. Более ва-ва-ва-вум. Более тца-тца-тцу. Но было именно так. Может быть, мне выпадет второй шанс? Возможно, он заставит меня позабыть Питера.

Глава 58

ИДЯ В ШКОЛУ СУББОТНИМ УТРОМ, я обдумываю то, что собираюсь сказать. Может просто: *«Привет, Джон, как ты? Это Лара Джин»*. Я не видела его с восьмого класса. Что если он не узнает меня? А что если он меня даже не помнит?

Я просматриваю двойные рекламные щиты в холле и нахожу имя Джона под Генеральной Ассамблеей. Он представляет Китайскую Народную Республику.

Генеральная Ассамблея – это встреча в актовом зале. Для каждого делегата установлены столы, а на сцене стоит подиум, за которым выступает девушка в черном костюме с речью о нераспространении ядерного оружия. Я подумываю над тем, чтобы просто проскользнуть сзади, сесть и посмотреть, но тут негде присесть, поэтому я стою в задней части помещения со скрещенными на груди руками и высматриваю Джона. Здесь так много людей, и все смотрят вперед, поэтому трудно сказать, что есть что.

Парень в синем костюме поворачивается, глядит на меня и шепчет:

– Ты паж? – Он держит в руках сложенный лист бумаги.

– Э-э... – Не уверена, что значит паж, но потом я вижу девушку, снующую по комнате и доставляющую записки людям.

Мальчик сует мне бумагу и отворачивается, делая записи в своем блокноте. Записка адресована Бразилии от Франции. Так что, полагаю, я паж.

Стол расставлен не в алфавитном порядке, поэтому я просто начинаю блуждать вокруг, пытаюсь отыскать Бразилию. Наконец я нахожу Бразилию, парня в галстук-бабочке, и другие ребята поднимают руки с записками, чтобы я доставила. Вскоре я тоже начинаю суетиться.

Я вижу, как мальчик позади меня поднял руку, чтобы я забрала его записку, так что я спешу вперед, а затем он слегка поворачивает голову. И, боже мой, это Джон Амброуз Макларен, делегат от Китайской Народной Республики, в нескольких футах от меня.

У него рыжеватые волосы, ровно подстриженные. Румяные щеки точно такие же, как я помню. Они все еще обладают той здоровой свежестью, которая заставляет его выглядеть молодо. На нем хаки и светло-синяя рубашка с темно-синим свитером без воротника. Он выглядит серьезным, сосредоточенным, будто настоящий делегат, и все тут по-

настоящему.

Честно говоря, он выглядит именно таким, каким я себе и представляла его повзрослевшим.

Джон держит для меня лист бумаги, пока делает пометки с опущенной головой. Я протягиваю за ней руку, мои пальцы смыкаются вокруг бумаги, а потом он поднимает глаза и застывает.

– Привет, – шепчу я. Мы оба все еще держимся за записку.

– Привет, – говорит он в ответ. Джон моргает, а затем выпускает бумагу, и я спешу прочь, сердце бешено стучит в ушах. Слышу, как он окрикивает меня громким шепотом, но я не замедляю шаг.

Я смотрю на листок. Его почерк аккуратный и отчетливый.

Я отправляюсь доставить его записку США, а затем, игнорируя Великобританию, которая машет мне запиской, выхожу через двойные двери актового зала прямо под лучи полуденного солнца.

Я только что видела Джона Макларена. После всех этих лет я, наконец-то, увидела его. И он узнал меня. Он сразу же узнал меня.

Во время обеда я получаю сообщение от Питера.

Ты видела Макларена?

Я печатаю в ответ «да», но потом удаляю, прежде чем отправить. Вместо этого я пишу «нет». Не уверена, почему я это сделала. Думаю, я просто хочу сохранить это для себя и быть счастливой, зная, что Джон помнит меня. Мне этого достаточно.

Глава 59

МЫ ВСЕ ЕДЕМ ЗАБРАТЬ МАРГО ИЗ АЭРОПОРТА. Китти сделала плакат, который гласит: «Добро пожаловать домой, Гоу-Гоу». Я высматриваю ее во все глаза, но, когда она выходит, на какое-то мгновение я почти не узнаю ее. У нее короткие волосы! Подстрижены под боб! Когда Марго замечает нас, то машет рукой. Китти бросает плакат и бежит к ней. Затем мы все обнимаемся, и у папы выступают слезы на глазах.

– Что думаешь? – спрашивает меня Марго, и я понимаю, что она имеет в виду свои волосы.

– Ты кажешься старше, – вру я, и Марго сияет. Как бы то ни было, из-за этой прически она выглядит даже моложе, но я знала, что она не хочет этого слышать.

По дороге домой Марго заставляет папу заехать в «Облака» за чизбургером, хотя и уверяет, что не голодна.

– Я так сильно скучала по этому, – говорит она, но откусывает всего несколько раз, и остальное доедает Китти.

* * *

Я вся в нетерпении, чтобы показать Марго наши печенья, но, когда я завожу ее в столовую и показываю ей жестяные коробки, она хмурится.

– Вы, ребята, сделали «Рождественское изобилие» без меня?

Я чувствую себя немного виноватой, но, честно говоря, не думала, что Марго будет против. Она же была в Шотландии, занимаясь куда более интересными вещами, чем выпекание печенья, Господи.

– Ну, да. Нам как-то пришлось. Завтра заканчивается школа. Если бы мы ждали тебя, то не успели бы. Хотя мы оставили половину теста в морозилке, так что ты все еще можешь помочь нам испечь остальные для соседей. – Я открываю большую голубую жестяную коробку так, чтобы она могла увидеть слои печенья, выложенные в ряды. Я горжусь тем, что они получились одинакового размера и высоты. – В этом году мы сделали несколько новых печений. Попробуй апельсиновый Кримсикл, он очень вкусный.

Марго перебирает сладости в коробке и хмурится.

– Вы не испекли печенье из патоки?

– Не в этом году... Мы решили вместо них сделать оранжевое печенье Кримсикл. – Марго выбирает одно, и я наблюдаю, как она откусывает. – Вкусно, правда?

Она кивает.

– Мм-хмм.

– Это был выбор Китти.

Марго поглядывает в сторону гостиной.

– Когда вы нарядили елку?

– Китти не могла дожидаться, – отвечаю я. Звучит как оправдание, но я же не вру. Пытаясь не казаться, будто я защищаюсь, добавляю: – Думаю, будет приятно наслаждаться деревом так долго, как только возможно.

– Так когда вы поставили ее?

Я медленно произношу:

– Пару недель назад. – Почему она в таком плохом настроении?

– Так давно. Она, вероятно, к Рождеству засохнет. – Марго подходит к елке и перевешивает деревянную сову на другую ветку.

– Я поливаю ее каждый день и добавляю Спрайт, как учила нас бабушка.

Такое чувство, что мы ругаемся, а мы никогда не ссоримся.

Но затем Марго зевает и говорит:

– Меня очень утомил перелет. Думаю пойти вздремнуть.

Когда кого-то нет долгое время, бережешь все то, что хотел бы им рассказать. Стараешься уследить за всем происходящим в своей голове. Но это все равно, что пытаться удержать горсть песка: все крохотные песчинки выскальзывают из рук, и потом ты просто сжимаешь воздух и гравий. Вот почему невозможно все полностью сохранить подобным образом.

Потому что к моменту, когда вы, наконец, видите друг друга, вспоминаешь только о чем-то значительном, так как слишком много труда составляет рассказывать о мелочах. Но именно из мелочей жизнь и состоит. Подобно тому, как месяц назад папа поскользнулся на банановой кожуре, в буквальном смысле на банановой кожуре, которую Китти бросила на кухонный пол. Мы с Китти очень долго смеялись. Мне следовало сразу же отправить Марго электронное письмо, я должна была сфотографировать банановую кожуру. Сейчас же все ощущается, словно ты должна была быть там и *«ах, не стоит, думаю, это не так уж смешно»*.

Это вот так люди теряют связь? Не думала, что подобное может случиться с сестрами. Может быть, с другими людьми, но не с нами. До того как Марго уехала, я знала, о чем она думала, даже не спрашивая. Я знала о ней все. Но не теперь... Я не знаю, какой вид из ее окна, по-

прежнему ли она просыпается каждое утро пораньше, чтобы по-настоящему позавтракать, или, может быть, теперь, когда учится в колледже, она любит гулять допоздна и поздно ложиться спать. Не знаю, предпочитает ли она теперь шотландских парней американским и храпит ли ее соседка. Все, что я знаю, – ей нравятся занятия, и она один раз побывала в Лондоне. Так что, по сути, я ничего не знаю.

Так же, как и она. Есть кое-что важное, о чем я ей не рассказала, – как были отправлены мои письма. Правду обо мне и Питере. Правду обо мне и Джоше.

Интересно, ощущает ли Марго то же самое. Ту дистанцию между нами. Если она вообще ее заметила.

* * *

Папа готовит спагетти болоньез на ужин. Китти ест свою порцию с большим соленым огурцом и стаканом молока, что звучит ужасно, но затем я пробую кусочек, и это действительно вкусно – соленый огурец и спагетти. С молоком.

Китти выкладывает еще лапши на свою тарелку, когда спрашивает:

– Лара Джин, а что ты собираешься дарить Питеру на Рождество?

Я гляжу на Марго, которая смотрит на меня.

– Не знаю. Еще об этом не думала.

– А я могу пойти с тобой, чтобы выбрать подарок?

– Конечно, если я что-нибудь ему куплю.

– Ты должна подарить ему что-нибудь, он же твой парень.

– Все еще не могу поверить, что ты встречаешься с Питером Кавински, – произносит Марго.

Она не говорит это любезным тоном, как о чем-то хорошем.

А ты не могла бы просто поверить? – спрашиваю я.

– Извини, но мне не нравится этот парень.

– Ну, тебе он и не должен нравиться. Он нравится мне, – отвечаю я. Марго пожимает плечами.

Папа встает и хлопает в ладоши.

У нас есть три разных вида мороженого на десерт! Пралине с кремом, «Чанки Манки» и клубничное. Все твои любимые, Марго. Китти, помоги мне унести тарелки. – Они собирают грязную посуду и идут на кухню.

Марго глядит в окно в сторону дома Джоша.

– Джош хочет увидеться со мной позже. Надеюсь, он, наконец-то,

понял, что мы расстались, и не будет приходить каждый день, пока я дома. Ему нужно двигаться дальше.

Низко такое говорить. Именно она звонила Джошу, а не наоборот.

– Он не чахнет по тебе, если это то, что ты себе воображаешь, – отвечаю я. – Он понимает, что все кончено.

Марго удивленно глядит на меня.

– Ну, надеюсь, что это правда.

Глава 60

– ДУМАЮ, В ЭТОМ ГОДУ МЫ ДОЛЖНЫ УСТРОИТЬ КОНЦЕРТ, – произносит Марго со своего места на диване.

Когда мама была жива, мы каждое Рождество делали так называемый концерт. Она готовила тонну еды и приглашала людей на одну ночь в декабре. Мы с Марго надевали похожие платья и всю ночь играли рождественские гимны на фортепьяно.

Народ заходил и выходил из комнаты с пианино, подпевал, а мы с Марго играли по очереди. Я по– настоящему ненавидела сольные выступления на пианино, потому что была худшей в своей возрастной группе, Марго же была лучшей. Было унижительно исполнять что-то простенькое как «К Элизе», в то время как другие дети уже перешли на Листа. Я всегда ненавидела концерты. Бывало, даже умоляла и упрашивала, чтобы не играть.

На последнее Рождество мама купила нам похожие красные бархатные платья, и я в припадке сказала, что не хочу носить его, хотя оно мне очень понравилось. Я просто не желала играть в нем на фортепьяно рядом с Марго. Я накричала на нее, убежала в свою комнату, захлопнула дверь и не выходила. Мама подошла и пыталась заставить меня открыть дверь, но я не открыла, и она больше не возвращалась. Стали прибывать люди, и Марго заиграла на пианино, а я же оставалась наверху. Сидела в своей комнате, плача и думая обо всех соусах и маленьких канапе, которые мама с папой сделали, и о том, как мне ничего не достанется. Как мама, вероятно, даже не захочет, чтобы я спускалась туда из– за моего поведения.

После смерти мамы у нас никогда не было концерта.

– Ты серьезно? – спрашиваю я ее.

– А почему бы и нет? – Марго пожимает плечами. – Будет весело. Я все спланирую, тебе не придется ничего делать.

– Ты же знаешь, я ненавижу фортепьяно.

– Тогда не играй.

Китти озабоченно поглядывает, переводя взгляд с меня на Марго. Прикусив губу, она предлагает:

– Я покажу некоторые движения тхэквондо.

Марго протягивает руку и прижимает Китти к себе, говоря:

– Отличная идея. Я буду играть на пианино, а ты показывать тхэквондо, а Лара Джин будет просто...

- Смотреть, – заканчиваю я.
- Я собиралась сказать хозяйкой, но решай сама.
- Я не отвечаю ей.

* * *

Позже мы смотрим телевизор. Китти спит, свернувшись калачиком на диване, как самый настоящий котенок.

Марго хочет разбудить ее и заставить пойти в постель, но я говорю, чтобы она дала ей поспать, и укрываю ее одеялом.

– Ты сможешь мне обработать папу насчет щенка на Рождество? – спрашиваю я.

Марго стонет.

– С щенками так много забот. Нужно выпускать их пописать миллион раз в день. И они линяют как сумасшедшие. Ты никогда снова не сможешь носить черные брюки. К тому же, кто будет его выгуливать, кормить и заботиться?

– Китти. А я помогу.

– Китти еще не готова к ответственности, – ее глаза говорят: «*Как и ты*».

– Китти сильно повзрослела с тех пор, как ты уехала, – так же, как и я. – А ты знала, что теперь Китти сама собирает себе обед? И что она помогает со стиркой? Мне даже не приходится ее пилить, чтобы она сделала свою домашнюю работу. Она просто делает ее по-своему.

– В самом деле? Тогда я впечатлена.

Почему она не может просто сказать: «*Отличная работа, Лара Джин*»? И все. Если бы она могла всего лишь признать, что я со своей стороны хорошо позаботилась о семье с тех пор, как она уехала. Но нет же.

Глава 61

В ШЕСТЬ ТРИДЦАТЬ УТРА, в день лыжной поездки папа высаживает меня у школы. Еще не рассвело. Кажется, что с каждым днем солнце встает все позже и позже. Прежде чем я выпрыгиваю из машины, папа вытаскивает из кармана своего пальто шапку. Она из светло-розовой пряжи с помпоном на макушке. Он натягивает мне ее на голову так, что она прикрывает уши.

– Я нашел ее в шкафу в прихожей. Думаю, это одна из маминых. Она была великолепной лыжницей.

– Знаю. Помню.

– Обещай мне, ты хотя бы разок выйдешь на склоны.

– Обещаю.

– Я так рад, что ты делаешь это. Тебе пойдет на пользу попробовать что-то новое.

Я слабо улыбаюсь. Если бы он только знал, что творится на лыжных поездках, тогда бы он не был так рад. Затем я замечаю Питера и его друзей, возящихся около автобуса.

– Спасибо, что подвез, папочка. Увидимся завтра вечером, – я чмокаю его в щеку и хватаю свою спортивную сумку.

– Застегни пальто, – окрикивает он, когда я захлопываю дверцу автомобиля.

Я застегиваю молнию пальто и наблюдаю, как отъезжает машина папы. На другой стороне стоянки Питер разговаривает с Женеьевой. Он говорит что-то, что заставляет ее смеяться. Затем он видит меня и жестом подзывает. Женеьева отходит, глядя в свой планшет с бумагами. Когда я подхожу, он снимает с моего плеча спортивную сумку и кладет рядом со своей.

– Я отнесу ее в автобус.

– Морозно, – говорю я, стуча зубами.

Питер притягивает меня к себе, ставя перед собой, и обнимает.

– Я буду согревать тебя. – Я поднимаю на него *настолько* впечатленный взгляд, но его внимание обращено куда-то еще. Он наблюдает за Женеьевой. Питер прижимается к моей шее, и я, извиваясь, отстраняюсь от него.

– Что с тобой? – спрашивает он.

– Ничего, – отвечаю я.

Мисс Давенпорт и тренер Уайт просматривают сумки ребят. Мисс Давенпорт занимается вещами девушек, а тренер Уайт – сумками парней.

– Что они ищут? – спрашиваю я Питера.

– Алкоголь.

Я вытаскиваю телефон и набираю Крис сообщение:

Не приноси с собой алкоголь! Они проверяют!

Нет ответа.

Ты проснулась??

Просыпайся!

Но затем на стоянку въезжает внедорожник ее мамы, и она, спотыкаясь, вылезает из пассажирского сиденья. Крис выглядит так, словно только что проснулась.

Какое облегчение! Питер может разговаривать с Женеьевой сколько хочет. Я буду сидеть с Крис и поедать упакованные мною закуски. У меня есть клубничные тягучие конфетки, горох васаби, который Крис обожает, и палочки Поки^[38].

Питер стонет.

– И Крис едет?

Я игнорирую его и машу ей.

Женеьева стоит у автобуса со своим планшетом, когда тоже замечает Крис. Она сильно хмурит лицо. Джен марширует напрямик к Крис и заявляет:

– Ты не записывалась.

Я подбегаю к ним и встаю рядом с Крис. Тихим голосом я произношу:

– В объявлении на прошлой неделе было сказано, что оставались еще свободные места.

– Да, на которые нужно было записаться, – Женеьева качает головой. – Извини, но Крисси не сможет поехать, если она не подписывалась или не внесла предоплату.

Я вздрагиваю. Крис терпеть не может, когда ее называют «Крисси». Всегда ненавидела. Она стала называться Крис, как только мы перешли в старшие классы, и единственные, кто по-прежнему ее так называют, – Женеьева и их бабушка.

Откуда ни возьмись рядом со мною оказывается Питер.

– Что происходит? – спрашивает он.

Сложив на груди руки, Женевьева отвечает:

– Крисси не подписывалась на лыжную поездку, так что сожалею, но она не может поехать.

Я начинаю паниковать, но Крис все это время ухмыляется и ничего не говорит.

Питер закатывает глаза и произносит:

– Джен, просто дай ей поехать. Кому какое дело, записалась ли она?

Ее щеки вспыхивают от гнева.

– Не я установила правила, Питер! Она должна поехать бесплатно? Это несправедливо по отношению ко всем остальным!

Наконец говорит Крис.

– Ох, я уже поговорила с Девенпорт, и она сказала, что все отлично. – Крис стряпает Женевьеве поцелуй. – Очень жаль, Джен.

– Хорошо, мне все равно. – Женевьева разворачивается на пятках и направляется в сторону мисс Девенпорт.

Крис наблюдает за ней с ухмылкой. Я потягиваю ее за рукав пальто.

– Почему ты не сказала об этом с самого начала? – шепчу я.

– Очевидно же, что так было намного веселее. – Она кладет руку мне на плечо. – Похоже, нас ждут интересные выходные, Кави.

Я шепчу, обеспокоенная:

– Ты же не взяла алкоголь, не так ли? Они проверяют сумки.

– Обо мне не беспокойся. Все припрятано.

Когда я бросаю на нее подозрительный взгляд, она шепчет в ответ:

– На дне моей сумки бутылка из-под шампуня с текилой.

– Надеюсь, ты вымыла ее очень хорошо! Ты же запросто можешь отравиться! – Я представляю, как Крис с компанией пытаются сделать глоток пенящейся текилы, а затем отправляются в больницу, чтобы промыть свои желудки.

Крис взъерошивает мои волосы.

– Ох, Лара Джин.

* * *

Мы по очереди заходим в автобус. Питер занимает кресло в середине, я же ковыляю вперед.

– Эй, – произносит он удивленно. – Ты не собираешься сидеть со

мной?

– Я сижу с Крис. – Я пытаюсь продолжить свой путь по проходу автобуса, но Питер хватает мою руку.

– Лара Джин! Ты шутишь? Ты должна сидеть со мной. – Он оглядывается вокруг, чтобы посмотреть, слушает ли кто-нибудь. – Ты моя девушка.

Я стряхиваю его руку.

– Мы в скором времени расстанемся, разве не так? Мы могли бы также сделать это более реалистично.

Когда я опускаюсь в кресло рядом с ней, Крис покачивает головой.

– Что? Не могла же я позволить тебе сидеть одной. В конце концов, ты же поехала ради меня. – Я открываю рюкзак и показываю ей закуски. – Видишь? Я принесла твои любимые. Что ты хочешь съесть сначала? Тягучие конфетки или Поки?

– Еще даже не утро, – ворчит она. А затем добавляет: – Дай мне тягучки.

Я улыбаюсь и открываю для нее сумку.

– Бери столько, сколько захочешь.

Я перестаю улыбаться, когда вижу входящую в автобус Женевьеву и то, как она садится в кресло рядом с Питером.

– Сама сделала это, – говорит Крис.

– Ради тебя! – Что, конечно, неправда наполовину. Возможно, я просто устала от всего этого. Этого промежуточного состояния быть чей-то подружкой, но не по-настоящему.

Крис потягивается.

– Знаю, ты за шлюшек перед братами, но если бы я была на твоём месте, то была бы осторожнее. Моя кузина барракуда.

Я запихиваю тягучую конфетку в рот и жую. Трудно глотать. Я наблюдаю, как Женевьева шепчет что-то Питеру на ухо. Крис сразу же засыпает, как и предупреждала, а ее голова лежит на моем плече.

Коттедж точно такой, каким описывал его Питер: там есть огромный камин, ковры из медвежьей шкуры и множество укромных уголков. На улице идет снег, падая крошечными хлопьями. Крис в хорошем настроении – на полпути она проснулась и начала флиртовать с Чарли Бланчадом, который собирается взять ее на черную трассу. Нам даже повезло с двухместным номером, потому что все остальные девушки подписались на тройные.

Крис отправилась с Чарли кататься на сноуборде. Она приглашала и меня пойти с ними, но я ответила: «Нет, спасибо». Я пробовала кататься на

лыжах рядом с Марго, когда она однажды каталась на сноуборде, и закончилось все тем, что мы спустились со склона в разное время и ждали друг друга, а затем теряли друг дружку в течение всего дня.

Если бы Питер пригласил меня пойти с ним кататься на сноуборде, думаю, я бы пошла. Но он не позвал, и, в любом случае, я голодна, так что я отправилась в коттедж, чтобы пообедать.

Здесь мисс Девенпорт глядит в свой сотовый телефон и ест тарелку супа. Она молода, но представляет себя старой. Думаю, это из-за ее громоздкого телосложения и тяжелой нижней части. Мисс Девенпорт не замужем. Крис рассказывала мне, что однажды видела, как она ругалась с каким-то парнем около Ваффл Хаус, так что, полагаю, у нее есть бойфренд.

Когда она замечает меня, сидящую в одиночестве и поедающую бутерброд у камина, то машет мне рукой, чтобы я подошла. Я переносу свою тарелку на ее столик и усаживаюсь напротив нее. Я предпочла бы есть в одиночестве и читать книжку, но не похоже, что у меня есть выбор. Я спрашиваю ее:

– Вы останетесь в коттедже все выходные или тоже можете пойти покататься на лыжах?

– Я официально в «домике», – отвечает она, вытирая уголки рта. – Тренер Уайт дежурит на склоне.

– Это кажется не очень справедливым.

– Я не против. На самом деле я люблю сидеть в коттедже. Здесь спокойно. Кроме того, кто-то должен быть тут на случай непредвиденных ситуаций. – Она делает еще глоток супа. – А что насчет тебя, Лара Джин? Почему ты не на склонах вместе со всеми остальными?

– Я не самая лучшая лыжница, – говорю я, чувствуя себя неловко.

– О, правда? Я слышала, что Кавински очень хороший сноубордист. Ты должна заставить его научить тебя. Разве вы двое не встречаетесь?

Мисс Девенпорт обожает быть в центре студенческой драмы. Она называет это «держать руку на пульсе», но на самом деле она обычная сплетница. Если показать ей щель, она раскопает оттуда так много грязи, сколько сможет. Я знаю, что они с Женеьевой близки.

У меня вспыхивает образ Женеьевы и Питера в автобусе с их головами, расположенными близко друг к другу, и от этой картинке у меня сжимается сердце. Наш контракт еще не аннулирован. Почему я должна позволить ей забрать его хотя бы на секунду раньше?

– Да, – отвечаю я. – Мы вместе. – А затем я встаю. – А знаете что? Думаю, я пойду проверить склоны.

Глава 62

Я НАДЕВАЮ РОЗОВЫЙ ЛЫЖНЫЙ КОМБИНЕЗОН МАРГО с нагрудниками, шапку с помпонами и парку, ощущая себя пасхальным угощением – клубнично-ароматным суфле. Пока я пытаюсь пристегнуть лыжи, группа девушек из школы в симпатичных лыжных штанах, которые похожи на штаны для йоги, проходит мимо. Я даже не знала, что такие существуют.

Всегда думаю о том, что смогу кататься на лыжах, но потом еду в лыжную поездку и вспоминаю, что я это ненавижу. Все остальные ребята на склоне с черной трассой, а я на зеленой. Весь путь вниз пытаюсь вклинить в поток, но маленькие дети продолжают объезжать меня, и я теряю концентрацию, потому что напугана тем, что они в меня врежутся. Дети же со всех сторон проносятся со свистом, словно олимпийские лыжники. Некоторые даже не пользуются палками. Они похожи на Китти. Она может спуститься со склонов по черной трассе. Они с папой обожают это. Марго тоже, хотя она теперь предпочитает сноуборд.

Я во все глаза высматриваю Питера, но пока его так и не увидела. Начинаю чувствовать себя немного уныло, находясь здесь в одиночестве.

Подумываю попробовать промежуточный склон (синяя трасса), просто для прикола, когда замечаю Питера и всех его друзей, несущих свои сноуборды. Женевьевы нет и в помине.

– Питер! – окрикиваю его, ощущая сильное облегчение.

Он поворачивает голову, и думаю, что Питер видит меня, но он продолжает идти.

Он видел меня. Я знаю, что он видел меня.

После ужина Крис возвращается на склоны, чтобы покататься на сноуборде. Она говорит, что пристрастилась к скорости. Я направляюсь обратно в комнату, когда снова наталкиваюсь на Питера, на сей раз в плавках и в толстовке. Он с Гейбом и Даррелом. У них на шеях полотенца.

– Привет, Лардж, – произносит Гейб, слегка стеганув меня своим полотенцем. – Где ты была весь день?

– Неподалеку. – Я поглядываю на Питера, но он избегает моего взгляда. – Я видела вас, ребята, на склонах.

Даррел спрашивает:

– Тогда почему ты не окрикнула нас? Я хотел продемонстрировать тебе свои прыжки в воздухе.

Я отвечаю поддразнивающе:

– Ну, я звала Питера, но, полагаю, он не слышал меня.

Наконец Питер смотрит мне в глаза.

– Не-а. Я не слышал тебя. – Его голос холоден и безразличен и так не похож на Питера, что улыбка исчезает с моего лица.

Гейб и Даррел обмениваются взглядами, как бы говоря «ой», и обращаются к Питеру:

– Мы пойдем в джакузи, – и они убегают.

Мы с Питером остаемся стоять в холле, ни один из нас не произносит ни слова. Наконец я спрашиваю:

– Ты на меня злишься или что?

– Почему я должен злиться?

И потом снова становится тихо.

Я говорю:

– Знаешь, ведь ты тот, кто уговорил меня отправиться в эту поездку. Самое меньшее, что ты можешь сделать, – поговорить со мной.

– Самое меньшее, что ты могла бы сделать, – сесть рядом со мной в автобусе! – выпаливает он.

У меня отвисает челюсть.

– Ты действительно так зол из-за того, что я не села рядом с тобой в автобусе?

Питер выпускает нетерпеливый вздох.

– Лара Джин, когда ты встречаешься с кем-то, есть просто... определенные вещи, которые нужно делать, окей? Вроде тех, как сидеть рядом друг с другом на школьной поездке. Это довольно-таки ожидаемо.

– Я просто не вижу в этом большой проблемы, – отвечаю я. Как он может злиться из-за такой ерунды?

– Забудь. – Он оборачивается, словно собирается уходить, и я хватаю рукав его толстовки. Не хочу с ним ругаться, мне просто хочется, чтобы было весело и легко, как у нас всегда это бывает. Я хочу, чтобы он, по меньшей мере, по-прежнему был моим другом. Особенно сейчас, когда все движется к финалу.

Я говорю:

– Ну же, не злись. Я не знала, что это было так важно. Клянусь, я буду сидеть рядом с тобой всю дорогу домой, ладно?

Он сжимает губы.

– Но ты ведь не поняла, почему я злился?

Я киваю в ответ.

– Мм-хмм.

– Хорошо, тогда ты должна знать, что пропустила сахарные пончики.
У меня распахивается рот.
– Как ты достал их? Я думала, магазин так рано не открывается!
– Я съездил и купил их за вечер до этого специально для поездки в автобусе, – отвечает Питер. – Для нас.

Оу. Я тронута.

– Что ж, а еще остались?

– Не-а. Я все съел.

Он выглядит таким самодовольным, что я тянусь и шлепаю по завязкам его толстовки.

– Ты отвратительный тип, – произношу я, но с любовью.

Питер хватается мою руку на середине шлепка и говорит:

– Хочешь услышать кое-что забавное?

– Что?

– Думаю, ты начала мне нравиться.

Я замираю. Затем я вырываю свою руку и начинаю собирать волосы в хвостик, а потом вспоминаю, что у меня нет резинки для волос. Мое сердце бешено колотится в груди, и вдруг становится трудно думать.

– Прекращай дразнить.

– Я не дразню. Почему ты думаешь, я поцеловал тебя в тот день в доме Макларена в седьмом классе? Именно поэтому я вообще согласился на это. Я всегда считал тебя милой.

Мое лицо пылает.

– В причудливом смысле.

Питер улыбается своей идеальной улыбкой.

– И что? Тогда полагаю, должно быть, мне нравятся причудливые.

Затем он склоняет голову ближе к моей, и я выпаливаю:

– Но разве ты до сих пор не влюблен в Женевьеву?

Питер хмурится.

– Почему ты всегда вспоминаешь Джен? Я пытаюсь поговорить о нас, а все, что ты хочешь, – говорить о ней. Да, у нас с Джен есть история. Она всегда будет мне не безразлична. – Он пожимает плечами. – Но теперь... мне нравишься ты.

Народ заходит и выходит из коттеджа; мимо проходит парень из школы и похлопывает Питера по плечу.

– Здорово, – приветствует Питер. Когда тот уходит, Питер обращается ко мне: – Итак, что ты скажешь? – Он выжидающе смотрит на меня. Он ждет, что я скажу «да».

И я хочу ответить «да», но мне не хочется быть с парнем, чье сердце

принадлежит кому-то еще. Всего только раз я хочу быть чьим-то единственным выбором.

– Может, ты и думаешь, что я тебе нравлюсь, но это не так. Если бы нравилась, ты бы не любил ее по–прежнему.

Питер качает головой.

– То, что у меня с Джен, совершенно отличается от того, что у меня с тобой, – отвечает он.

– Как это может быть правдой, когда с самой первой минуты все было только из-за Женевиэвы?

– Так нечестно, – протестует он. – Когда мы все это начали, тебе нравился Сандерсон.

– Больше не нравится. – Я с трудом проглатываю. – Но ты по-прежнему любишь Женевиэву.

Отчаявшись, Питер отходит от меня и запускает руки в волосы.

– Боже, что делает тебя таким экспертом в любви? Тебе за всю жизнь нравились пятеро парней. Один гей, один живет в Индиане или в Монтане, или где-то еще. Макларен переехал раньше, чем что-нибудь действительно могло произойти, один встречался с твоей сестрой. И потом остаюсь я. Хмм, что у нас всех есть общего? Какой общий знаменатель?

Я чувствую, как вся кровь хлынула к моему лицу.

– Это нечестно!

Питер склоняется ближе и говорит:

– Тебе нравятся только те парни, с которыми у тебя ничего не получится, потому что ты боишься. Чего ты так боишься?

Я пчусь от него, упираясь прямо в стену.

– Я ничего не боюсь.

– Черта с два, не боишься. Ты скорее создашь в голове воображаемый образ кого-то, чем будешь с реальным человеком.

Я сердито смотрю на него.

– Ты просто бесишься из-за того, что я не умерла от счастья, потому что великий Питер Кавински сказал, что я ему нравлюсь. У тебя *такое* огромное самомнение.

Его глаза сверкают.

– Эй, извини, что не появился на пороге с цветами и с признанием вечной любви к тебе, Лара Джин. Но знаешь, это ненастоящая жизнь. Тебе нужно повзрослеть.

Все. Я не обязана это выслушивать. Я разворачиваюсь на пятках и ухожу. Через плечо я говорю:

– Наслаждайся джакузи.

— Я всегда наслаждаюсь, — отзывается он.

* * *

Меня трясет.

Это правда? Может ли он быть прав?

Вернувшись в комнату, я переодеваюсь в свою фланелевую сорочку и надеваю толстые носки. Я даже не иду мыться. Просто выключаю свет и забираюсь в кровать. Хотя заснуть так и не могу. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу лицо Питера.

Как он посмел сказать, что мне нужно повзрослеть? Что он вообще знает? Как будто он такой зрелый!

Но... прав ли он насчет меня? Разве мне действительно нравятся только те парни, которые никогда не будут моими? Я всегда знала, что Питер был вне моей досягаемости. Всегда знала, что он не принадлежит мне. Но сегодня вечером он заявил, что я ему нравлюсь. Он сказал то, на что я надеялась. Так почему я не смогла просто ответить, что он мне тоже нравится, когда у меня был шанс? Потому что нравится. Он мне тоже нравится. Конечно же. Какая бы девушка не влюбилась в Питера Кавински, самого красивого парня из всех Красивых Парней. Теперь, когда я по-настоящему знаю его, я понимаю, что он намного больше, чем просто красивая оболочка.

Я не хочу больше бояться. Хочу быть смелой. Хочу... чтобы началась жизнь. Мне хочется влюбиться и хочется, чтобы парень полюбил меня в ответ.

Прежде чем отговорить себя, я надеваю стеганое пальто, опускаю ключ в карман и направляюсь к джакузи.

Глава 63

ДЖАКУЗИ НАХОДИТСЯ ПОЗАДИ ГЛАВНОГО ДОМИКА, спрятанная в лесу на деревянной платформе. По пути туда я наталкиваюсь на ребят с мокрыми волосами – все направляются обратно в свои комнаты до комендантского часа. Отбой в одиннадцать, а сейчас уже десять сорок пять. Осталось не так много времени. Надеюсь, Питер все еще там. Не хочу потерять самообладание. Так что я ускоряю шаг и вот тогда замечаю его одного в горячей ванне, с откинутой назад головой и закрытыми глазами.

– Привет, – произношу я, и мой голос эхом раздается в лесу.

Его глаза моментально распахиваются. Нервно он поглядывает через мое плечо.

– Лара Джин! Что ты здесь делаешь?

– Я пришла тебя увидеть, – отвечаю я, и мое дыхание вырывается белыми клубочками пара. Начинаю снимать ботинки и носки. Мои руки трясутся, но не из-за холода. Я нервничаю.

– Эээ... что ты делаешь? – Питер смотрит на меня, словно я чокнутая.

– Забираюсь в ванну! – Дрожа, я расстегиваю пальто и кладу его на скамейку. От воды поднимается пар. Я погружаю ноги и сажусь на край гидромассажной ванны. Жарче, чем в обычной ванне, но все равно приятно. Питер все еще наблюдает за мной с настороженностью. Мое сердце бешено бьется, и мне трудно смотреть ему в глаза. В жизни не испытывала такого страха. – То, о чем ты говорил ранее. Ты застал меня врасплох, поэтому я не знала, что ответить. Но... ну, ты мне тоже нравишься. – Это было произнесено так невнятно и неуверенно, что мне захотелось начать все сначала и сказать это спокойно и уверенно. Я пробую еще раз, громче. – Ты мне нравишься, Питер.

Питер моргает и вдруг выглядит таким юным.

– Я не понимаю девушек. Думаю, разгадал вас, а потом... А потом...

– А потом? – Я задерживаю дыхание, ожидая, что он скажет. Так нервничаю, что продолжаю сглатывать, и для моих ушей этот звук кажется громким. Даже мое дыхание звучит громко. Даже биение моего сердца.

Он смотрит на меня пристально, его зрачки расширены. Смотрит так, словно видит меня впервые.

– А потом я не знаю.

Думаю, я перестану дышать, когда слышу его «Я не знаю». Я все так сильно испортила, что теперь он не знает? Не может быть, чтобы все было

кончено, не тогда, когда я, наконец-то, нашла смелость в себе. Не могу позволить этому произойти.

Мое сердце стучит со скоростью миллион триллионов ударов в минуту, когда я приближаюсь к нему ближе. Я склоняю голову и прикасаюсь своими губами к его и ощущаю, как он вздрагивает от удивления. А затем он целует меня в ответ с открытым ртом; мягкими губами целует меня в ответ. Поначалу я нервничаю, но, когда он подносит руку к моему затылку и приободряюще поглаживает волосы, я немного успокаиваюсь. Хорошо, что я сижу, потому что мои коленки ослабли.

Он стягивает меня в воду, так что теперь я тоже сижу в горячей ванне и моя ночная рубашка промокла насквозь, но меня это не волнует. Меня ничего не волнует. Никогда не знала, что поцелуи могут быть такими приятными.

Мои руки находятся по бокам тела, чтобы не дать струям воды задрать юбку. Питер обхватывает руками мое лицо, целуя меня.

– Ты в порядке? – шепчет он. Его голос звучит по-другому: сдавленно, настойчиво и немного уязвимо. Он не похож на Питера, которого я знаю; он не спокойный или скупающий, или веселый. То, как он смотрит на меня прямо сейчас, – я знаю, он сделал бы все, о чем бы я его ни попросила, и это странное и сильное чувство.

Я обхватываю руками его за шею. Мне нравится запах хлорки на его коже. Он пахнет бассейном, летом и каникулами. Это не похоже на кино. Это лучше, потому что происходит по-настоящему.

– Прикоснись снова к моим волосам, – прошу я его, и уголки его рта приподнимаются.

Я прислоняюсь к нему и целую. Он начинает водить пальцами по моим волосам, и это такое приятное ощущение, что я не могу мыслить здраво. Это лучше, чем мыть волосы в салоне. Провожу руками по его спине вдоль его позвоночника. Он вздрагивает и привлекает меня ближе. Спина парня на ощупь так сильно отличается от спины девушки – более мускулистая, каким-то образом более твердая.

В перерывах между поцелуями он говорит:

– Отбой уже был. Мы должны вернуться внутрь.

– Мне не хочется, – отвечаю я. Все, что я хочу, – остаться и быть здесь с Питером, в этот момент.

– Мне тоже, но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, – произносит Питер. Он выглядит обеспокоенным, и это так мило.

Я нежно прикасаюсь к его щеке тыльной стороной ладони. Она такая гладкая. Я могла бы любоваться его лицом часами, ведь оно такое красивое.

Потом я встаю, и меня сразу же начинает колотить. Я принимаюсь выжимать воду из ночной рубашки.

Питер выпрыгивает из ванны и берет свое полотенце, которое он набрасывает на мои плечи. Затем он дает мне руку, и я выхожу из ванны со стучащими зубами. Он начинает вытирать меня полотенцем. Я сажусь, чтобы надеть носки и ботинки. Последним он надевает на меня пальто. И застегивает его на мне.

Потом мы забегаем обратно в коттедж. Перед тем, как он уходит в сторону ребят, а я направляюсь в крыло девочек, еще раз целую его и чувствую себя так, словно лечу.

Глава 64

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я ВИЖУ ПИТЕРА у автобуса, он стоит со всеми своими друзьями из команды по лакроссу. Сначала я стесняюсь и нервничаю, но затем он замечает меня, и его лицо расплывается в улыбке.

– Подойди, Кави, – говорит он, и я иду к нему, а Питер перебрасывает мою сумку через свое плечо. На ухо он мне говорит: – Ты же сидишь со мной, верно?

Я киваю.

Когда мы заходим в автобус, кто-то присвистывает. Кажется, что люди глазеют на нас, и поначалу я думаю, это просто мое воображение. Но потом я вижу Женевьеву, смотрящую прямо на меня и что-то нашептывающую Эмили Нуссбаум. По моей спине пробегают мурашки.

– Женевьева продолжает смотреть на меня, – шепчу я Питеру.

– Это потому что ты так восхитительно причудлива, – отвечает он, кладет руки мне на плечи и целует в щеку. И я забываю о Женевьеве.

Мы с Питером сидим в центре автобуса с Гейбом и ребятами по лакроссу. Я машу Крис, чтобы она села с нами, но она уютно устроилась с Чарли Бланчадом. У меня не было возможности рассказать ей о прошлой ночи. Когда я вернулась обратно в номер, она уже спала. Утром же мы обе проспали и у нас не было времени. Расскажу ей обо всем позже. Но сейчас отчасти приятно, что мы с Питером единственные, кто знает об этом.

По дороге домой я делюсь с ребятами палочками Поки и мы играем жаркую партию Уно, которую я также захватила.

* * *

Через час после начала поездки мы останавливаемся у закусочной, чтобы позавтракать. Я съедаю булочку с корицей. Мы с Питером держимся за руки, спрятав их под столом.

Я иду в туалет, а там Женевьева в одиночестве накладывает блеск для губ. Захожу в кабинку, чтобы пописать, и надеюсь, к тому моменту как выйду, она уйдет. Но она по-прежнему там. Я быстро мою руки, а потом она произносит:

– А ты знаешь, что, когда мы были детьми, я хотела быть тобою? – Я застываю. Женевьева со щелчком захлопывает свою косметичку. – Я

хотела, чтобы твой папа был моим папой, а Марго и Китти – моими сестрами. Я любила приходить к тебе домой. Надеялась и молилась, чтобы ты пригласила меня переночевать. Я ненавидела оставаться дома с отцом.

Сбивчиво я отвечаю:

– Я... я этого не знала. Мне нравилось приходить к тебе домой, потому что твоя мама была такой милой со мной.

– Она действительно любила тебя, – говорит Женевьева.

Я собираю все свое мужество и спрашиваю:

– Так почему ты перестала дружить со мной?

Женевьева, сощурив глаза, глядит на меня.

– Ты на самом деле не знаешь?

– Нет.

– В тот день у меня дома в седьмом классе ты поцеловала Питера. Ты же знала, что он мне нравился, но ты все равно поцеловала его. – Я отпрянула, а она продолжает: – Я всегда знала, что твои ханжеские замашки – всего лишь обман. Не удивительно, что ты и моя двоюродная сестра теперь лучшие подружки. Хотя Крис, по крайней мере, не отрицает свою распутность. Она не притворяется.

Все мое тело становится неподвижным.

– О чем ты говоришь?

Она смеется, и становится как-то страшно, насколько довольной она выглядит. И вот тогда я знаю, что мне конец. Я подготавливаюсь ко всем подлостям, что могут слететь с ее губ, но даже тогда я не готова к тому, что последует дальше.

– Я говорю о том, как прошлой ночью вы с Питером занимались необузданным сексом в джакузи.

В голове становится совершенно пусто. Возможно, я даже отключилась на секунду. Я чувствую, как пошатываюсь. Кто-нибудь принесите быстро нашатырь; я собираюсь упасть в обморок.

У меня в голове все плывет.

– Кто рассказал тебе это? – выдавливаю я. – Кто сказал?

Женевьева склоняет голову набок.

– Все?

– Но... но мы *не*...

– Извини, но я считаю, это отвратительно. Я имею в виду секс в горячей ванне – в *общественной* ванне – это просто. – Ее передергивает. – Бог знает, какая дрянь там плавает. Лара Джин, семьи пользуются той ванной. Прямо сейчас там могла бы быть семья.

От слез покалывает глаза.

– Все, что мы делали, это целовались. Не знаю, почему люди вообще такое говорят?

– Эмм, потому что Питер сказал, что вы занимались?

По моему телу проходит озноб. Это неправда. Не может быть правдой.

Все парни считают его богом, потому что он убедил милашку Лару Джин Кави отдаться ему в гидромассажной ванне. Так, чтобы ты знала, единственная причина, по которой Питер встречался с тобой вообще, – моя ревность. Его это не могло принять тот факт, что я бросила его ради более взрослого парня. Он использовал тебя. Если подвернулся бесплатный секс, тем лучше. Но он по-прежнему прибегает по первому моему зову. Все потому, что он любит меня. Он никогда не полюбит другую так же сильно, как он любит меня. – Что бы она ни увидела на моем лице, ей, должно быть, это понравилось, потому что она улыбается. – Теперь, когда мы с Блейком расстались... ну, я полагаю, мы увидим, не так ли?

Я стою онемевшая и неподвижная, пока она поправляет перед зеркалом свои волосы.

– Но не беспокойся. Теперь, когда ты шлюха, уверена, у тебя будет много парней, которые захотят встречаться с тобой. На одну ночь.

Я убегаю из дамской комнаты и мчусь обратно в автобус. Я плачу.

Глава 65

НАРОД НАЧИНАЕТ ГУСЬКОМ ЗАХОДИТЬ ОБРАТНО В АВТОБУС. Я ощущаю на себе их взгляды, так что сию, повернув голову в сторону окна. Я провожу пальцем по краю запотевшего окна. Оно холодное, поэтому на нем остается след.

Крис опускается рядом со мной. Она произносит низким голосом:

– Эмм, я только что услышала кое-что бредовое.

Я тупо спрашиваю:

– Что ты слышала? Что прошлой ночью у меня с Питером был секс в горячей ванне?

– О, мой бог! Да! Ты в порядке?

У меня сильно сдавливает грудь. Если я сделаю глубокий вдох, то снова начну плакать, я уверена в этом.

Я закрываю глаза.

– У нас не было секса. Кто тебе это сказал?

– Чарли.

Питер пробирается по проходу. Он останавливается у нашего места.

– Эй, почему ты не вернулась обратно к столу? Все в порядке? – Питер нависает над сиденьем, глядя на меня обеспокоенными глазами.

Я отвечаю тихим голосом:

– Все болтают о том, как мы занимались сексом в ванной.

Питер стонет.

– Людям не следует совать нос в чужие дела. – Он не кажется удивленным, нисколько.

– Так ты знал?

– Некоторые ребята спрашивали меня об этом сегодня утром.

– Но... откуда у них вообще взялась подобная мысль? – У меня такое чувство, что меня сейчас стошнит.

Питер пожимает плечами.

– Не знаю, может быть, кто-то нас видел. Какое это вообще имеет значение? Это же неправда.

Я плотнее сжимаю губы. Нельзя расплакаться прямо сейчас, потому что если начну, то не смогу остановиться. Я буду плакать всю дорогу домой, и все увидят. Не могу этого допустить. Мой взгляд прикован к точке где-то над плечом Питера.

– Не понимаю. Почему ты на меня злишься? – Он все еще в

замешательстве.

Народ начинает собираться позади Питера. Им нужно добраться до своих мест.

– Люди позади тебя ждут, – произношу я.

Питер спрашивает:

– Крис, могу я занять свое место?

Крис поглядывает на меня, и я отрицательно качаю головой.

– Теперь это мое место, Кавински, – отвечает она.

– Ну же, Лара Джин, – говорит Питер, прикасаясь к моему плечу.

Я шарахаюсь от него, и у него отвисает челюсть. Люди смотрят на нас, перешептываются и посмеиваются. Питер оглядывается через плечо, его лицо покраснело. Затем он, наконец, проходит дальше.

– Ты в порядке? – спрашивает Крис.

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

– Нет. Не совсем.

Она вздыхает.

– Несправедливо по отношению к девушке. Ребятам легко. Уверена, они все поздравляют его, похлопывая по спине за то, какой он жеребец.

Всхлипывая, я говорю:

– Ты думаешь, это он всем рассказал?

– Кто знает?

Слеза стекает по моей щеке, и Крис вытирает ее рукавом своего свитера.

– Возможно, это был не он. Но это не важно, Лара Джин, потому что, даже если он и не поддерживает все эти разговоры, сомневаюсь, что он им препятствует, если понимаешь, о чем я.

Я отрицательно качаю головой.

– То, о чем я говорю, – уверена, он отрицает это с самодовольной улыбкой на лице. Таковы парни типа Питера. Они обожают казаться настоящими мужчинами, чтобы все остальные ребята на них равнялись. – Она добавляет с горечью: – Их больше заботит собственная репутация, чем чувства девушки. – Крис покачивает головой. – Но что сделано, то сделано. Тебе просто нужно высоко держать голову и вести себя, как будто тебе на все нахрать.

Я киваю и проливаю еще больше слез.

– Говорю тебе, он этого не стоит. Пусть Джен забирает его. – Крис взъерошивает мои волосы. – Что ты еще можешь сделать, малышка?

Последней на борт заходит Женевьева. Я быстро распрямляюсь, вытираю глаза и приготавливаюсь. Но она не сразу идет к своему месту, а

останавливается у кресла Бэти Морган и что-то шепчет ей на ухо. Бэти охает, поворачивается в своем кресле и смотрит прямо на меня.

О мой бог.

Мы с Крис наблюдаем, как Женевьева идет от сиденья к сиденью.

– Сука, – выдыхает Крис.

Слезы застилают глаза.

Я сейчас собираюсь поспать, – кладу голову на плечо Крис и плачу.
Она крепко обнимает меня.

Глава 66

МАРГО С КИТТИ ЗАБИРАЮТ МЕНЯ ИЗ ШКОЛЫ. Они расспрашивают, как прошла поездка, оставалась ли я весь день на детской трассе. Я стараюсь быть радостной. Я даже придумываю историю о том, как скатилась со склона по синей трассе. Марго мягко спрашивает:

– Все в порядке?

Я колеблюсь. Марго всегда знает, когда я говорю неправду.

– Ага. Я просто устала. Мы с Крис болтали допоздна.

– Когда вернемся домой, вздремни, – советует Марго.

Мой телефон гудит, и я смотрю на него. Сообщение от Питера.

Мы можем поговорить?

Я отключаю телефон.

– Думаю, может просто проспять все рождественские каникулы, – говорю я. Спасибо Господу и Иисусу за рождественские каникулы. По меньшей мере, у меня есть десять дней до того, как мне придется снова пойти в школу и встретиться со всеми. Может, я просто никогда туда не вернусь. Возможно, я смогу убедить папу обучать меня на дому.

Когда папа с Китти ложатся спать, мы с Марго в гостиную заворачиваем подарки. Посреди дела Марго решает, что мы должны устроить концерт на следующий день после Рождества. Я надеялась, что она позабудет о своей грандиозной идее с концертом, но память у Марго всегда была убийственной.

– Будет построжественская, предновогодняя вечеринка, – говорит она, завязывая бант на одном из подарков от папы для Китти.

– Получается слишком «в последнюю минуту», – заявляю я, осторожно отрезая лист оберточной бумаги с лошадками-качалками. Я суперосторожна, потому что хочу сохранить полоску для фоновой страницы альбома Марго, который почти готов. – Никто не придет.

– Нет, придут! Мы так давно ничего не устраивали. Бывало, тонны людей приходили. – Марго встает и начинает спускать вниз мамины старые поваренные книги и раскладывать их на журнальном столике. – Не будь Гринчем. Считаю, это должно стать традицией, которую мы вернем ради Китти.

Я отрезаю полоску толстой зеленой ленты. Может быть, эта вечеринка

поможет мне отвлечься.

– Найди то средиземноморское блюдо из курицы, которое готовила мама. С медово-йогуртовым соусом.

– Да! А помнишь заправку из икры? Люди *обожают* заправку из икры. Мы ее тоже должны приготовить. Нам следует сделать сырны палочки или сырны пышки?

– Сырны пышки, – отвечаю я. Марго так возбуждена, что даже в моем нынешнем состоянии жалости к себе я не могу ей не позавидовать.

Она приносит из кухни ручку и бумагу и начинает записывать.

– Итак, мы сделаем блюдо из курицы, икру, сырны пышки, пунш... Можем испечь печенье или пирожные. И пригласим всех соседей – Джоша с родителями, Шаховых, мисс Ротшильд. Кого из своих друзей ты хочешь позвать? Крис?

Я отрицательно качаю головой.

– Крис навещает родственников в Бока-Ратон.

– А что насчет Питера? Он мог бы взять маму, и разве у него нет младшего брата? – Я вижу, как она старается.

– Давай обойдемся без Питера, – предлагаю я.

Она морщит лоб и отрывает взгляд от своего списка.

– Что-то случилось во время лыжной поездки?

Я отвечаю слишком быстро:

– Нет. Ничего не случилось.

– Тогда почему нет? Я хочу узнать его лучше, Лара Джин.

– Думаю, он тоже уедет за город. – Могу сказать, что Марго мне не верит, но она больше не давит на меня.

В тот же вечер Марго рассылает приглашения и сразу получает пять «Да». В разделе для комментариев тетушка Д. – не наша настоящая тетя, а одна из маминых лучших подружек – пишет: *«Марго, не могу дождаться, чтобы услышать ваше с папой исполнение «Милая, снаружи холодно»!»* Еще одна концертная традиция. Марго с папой поют «Милая, снаружи холодно», а мне всегда поручают петь «Малыш Санта». Я привыкла это делать, лежа на фортепьяно в маминых шпильках и лисьем боа бабушки. Но не в этом году. Ни за что.

Когда на следующий день Марго пытается уговорить меня пойти вместе с ней и Китти к соседям, чтобы отнести им корзиночки с печеньем, я отказываюсь, говоря, что устала. Я поднимаюсь к себе в комнату, чтобы доделать заключительные штрихи в альбоме Марго, и слушаю только медленные песни из «Грязных танцев». Продолжаю проверять телефон, не написал ли Питер снова. Он не писал, зато это сделал Джош.

Я слышал, что произошло. Ты в порядке?

Итак, Джош знает. А ведь он даже не в нашем классе. Неужели вся школа в курсе?

Я пишу в ответ: *«Это неправда»*, и он отвечает: *«Тебе не нужно мне об этом говорить – я ни на мгновение не поверил»*, из-за чего я чувствую, что вот-вот заплачу.

С тех пор как Марго вернулась домой, они встречались один раз, но не отправились в ту поездку в Округ Колумбия, о которой упоминал Джош. Наверное, даже к лучшему, если я выну страницу Джоша– и-Марго из скрапбука.

Я засиживаюсь допоздна на случай, если Питер снова напишет. И думаю про себя: если Питер отправит сообщение или позвонит мне сегодня, то я буду знать, что он тоже думает обо мне, и, возможно, прощу его. Но он не звонит и не пишет.

Около трех часов утра я выбрасываю все его записки. Удаляю фотографию Питера из телефона; удаляю его номер. Я считаю, что, если просто удалю его, получится, будто всего этого никогда и не было, и моему сердцу не будет так больно.

Глава 67

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО. Китти будит всех, пока еще темно, что является ее традицией, а папа как обычно делает вафли. Мы едим вафли только на Рождество, поскольку все согласились, что для одного занятия слишком уж много хлопот: доставать железную вафельницу, чистить ее и убирать обратно на верхнюю полку шкафа, где мы ее храним. И к тому же это придает вафлям особенную значимость.

Мы по очереди разворачиваем подарки, чтобы продлить весь процесс. Я дарю Марго шарф и альбом, который ей безумно нравится. Она тщательно рассматривает каждую страницу, восхищаясь моей работой; отмечает выбор шрифтов и бумажные вырезки. Прижимая альбом к груди, она произносит:

– Это идеальный подарок, – и я чувствую, как все напряжение и ссоры между нами испаряются в небытие. Подарок Марго для меня – бледно-розовый кашемировый свитер из Шотландии. Я примеряю его поверх ночной рубашки; он такой мягкий и роскошный.

Подарок Китти от Марго – художественный набор из масляной пастели, акварельных красок и специальных маркеров. Китти визжит как поросенок. В ответ она дарит ей носки с обезьянками. Я дарю Китти новую корзинку для велосипеда и муравьиную ферму, которую она просила несколько месяцев назад, а Китти вручает мне книгу по вязанию.

– Так что ты сможешь вязать лучше, – говорит она.

Мы все трое внесли свою долю в подарок для папы – плотный скандинавский свитер, в котором он выглядит как рыбак. Он ему немного великоват, но папа настаивает, что ему свитер так даже больше нравится. Папа дарит Марго новый навороченный ридер, Китти – велосипедный шлем с ее именем на нем – Кэтрин, не Китти, а мне подарочный сертификат в «Линден&Уайт».

– Я хотел купить тебе то ожерелье с медальоном, на которое ты всегда смотришь, но его не было, – произносит папа. – Но уверен, ты найдешь себе там что-нибудь еще, что тебе так же сильно понравится. – Я вскакиваю на ноги и обнимаю его. И чувствую, что готова расплакаться.

Санта, он же папа, приносит глупые подарки, такие, как мешки угля, водные пистолеты с исчезающими чернилами внутри, а также практичные, как, например, спортивные носки, чернила для принтера и мой любимый вид ручек. Полагаю, Санта тоже отоваривается в «Костко».

Когда мы заканчиваем открывать подарки, я вижу, что Китти разочарована тем, что нет щенка, но она не говорит ни слова. Я обнимаю ее и шепчу:

– Есть еще твой день рождения в следующем месяце, – и она кивает.

Папа идет проверить, нагрелась ли вафельница, и тут раздается звонок в дверь.

– Китти, не могла бы ты проверить? – кричит он из кухни.

Китти идет к двери, и, спустя несколько секунд, раздается ее пронзительный крик. Мы с Марго вскакиваем и бежим к двери, и прямо там, на коврике, стоит корзина со щенком кремового цвета и ленточкой на шее. Мы все начинаем прыгать и кричать.

Китти сгребает щенка в руки и бежит с ним в гостиную, где стоит папа, улыбаясь.

– Папочка, папочка, папочка! – визжит она. – Спасибо, спасибо, спасибо!

По словам папы, он взял щенка из приюта для животных две ночи назад, и наша соседка мисс Ротшильд прятала его в своем доме. Кстати, он мальчик – мы поняли это очень быстро, после того как он описал пол на всей кухне. Но порода – помесь пшеничного терьера, на что Китти заявляет, она гораздо лучше, чем акита или немецкая овчарка.

– Я всегда хотела собаку с челкой, – говорю я, прижимая его к щеке.

– Как мы назовем его? – спрашивает Марго. Мы все глядим на Китти, которая в задумчивости пожевывает нижнюю губу.

– Я не знаю, – отвечает она.

– Как насчет Сэнди? – предлагаю я.

Китти ухмыляется:

– Неоригинально.

Так что я добавляю:

– А что насчет Франсуа? Мы можем сокращенно звать его Фрэнки.

– Нет, спасибо, – произносит Китти. Склонив голову, она говорит: – Что насчет Джейми?

– Джейми, – повторяет папа. – Мне нравится.

Марго кивает.

– Приятно звучит.

– А его полное имя? – интересуюсь я, ставя его на пол.

Китти быстро отвечает:

– Джейми Фокс-Пикл, но так мы будем звать его, только когда он вляпается в неприятности. – Она хлопает в ладоши и произносит воркующим голосом: – Сюда, Джейми! – и он быстро несется к ней, виляя

хвостом как сумасшедший.

Я никогда не видела ее такой счастливой и терпеливой. Она проводит все Рождество, пытаясь обучить его трюкам и выводя на улицу пописать. Ее глаза не прекращают светиться. Из-за этого мне хочется вновь стать маленькой, чтобы все проблемы могли быть решены рождественским щенком.

Я проверяю телефон только один раз, чтобы посмотреть, звонил ли Питер. Но он не звонил.

Глава 68

Утром, в день вечеринки я спускаюсь вниз после десяти, а они уже вкалывают в течение нескольких часов. Марго – шеф-повар, а папа – ее со-шеф. Он крошит репчатый лук, сельдерей и моет кастрюли. Нам же она говорит:

– Лара Джин, мне нужно, чтобы ты привела в порядок ванную комнату внизу, помыла и убрала там все. Китти, за тобой оформление.

– А мы можем, по крайней мере, сначала съесть кашу? – спрашиваю я.

– Да, но поторапливайтесь, – она возвращается к замешиванию теста для печенья.

Я шепчу Китти:

– Я даже не хотела этой вечеринки, а теперь она заставляет меня чистить туалет. Почему тебе достается хорошая работа?

– Потому что я самая маленькая, – отвечает Китти, взбираясь на табурет у барной стойки.

Марго разворачивается и говорит:

– Алло, туалет в любом случае нуждается в чистке! И это стоит того. Мы так давно не устраивали концерта, – она засовывает лист с печеньем в духовку. – Папочка, мне понадобится, чтобы ты в ближайшее время сбежал в магазин. У нас заканчивается сметана, и нам нужен большой мешок льда.

– Есть, Капитан, – отвечает папа.

Единственного, кого Марго не заставила работать, – Джейми Фокс-Пикла, который дремлет под елкой.

На мне бабочка в красно-зеленую клетку с белой рубашкой и клетчатая юбка. В одном из модных блогов я вычитала, что вся фишка заключается в смешивании клеток. Я иду в комнату Китти умоляю ее заплести мне косу в корону. Она кривит губы и говорит:

– Это не очень сексуально.

Я хмурюсь.

– Извини? Я не пытаюсь выглядеть сексуальной! Я стараюсь выглядеть празднично.

– Ну... ты похожа на шотландскую официантку или, может, на бармена из Бруклина.

– Что ты знаешь о бруклинских барменах, Кэтрин? – спрашиваю я.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд.

– Знаю! Я смотрю Эйч-би-оу^[39].

Хмм. Возможно нам придется поставить родительский контроль на телевизоре.

Китти идет к моему шкафу и достает красное вязаное платье без плечиков с шуршащей юбкой.

– Надень это. Оно празднично-рождественское, но менее похоже на костюм эльфа.

– Хорошо, но я приколю к нему брошку в форме конфетной трости.

– Хорошо, ты можешь нацепить брошку. Но оставь волосы распущенными. Никакой косы, – я состраиваю самую лучшую свою грустную физиономию – с надутыми губками, но Китти качает головой. – Я завью концы волос, чтобы придать им немного формы, но никаких косичек.

Я включаю плойку в розетку и сажусь на пол с Джейми на коленях. Китти усаживается на кровать и разделяет пряди моих волос. Она закручивает их как настоящий профи.

– Джош ответил «да» на приглашение? – спрашивает меня она.

– Не уверена, – отвечаю я.

– А что насчет Питера?

– Он не придет, – произношу я.

– Почему нет?

– Он просто не может, – говорю я ей.

* * *

Марго за пианино играет «Голубое Рождество», и наш старый учитель по музыке, мистер Чой, сидит рядом с ней, подпевая. В другом конце комнаты папа демонстрирует новый кактус Шаховым с соседней улицы, а Китти с Джошем и несколькими другими детьми пытаются научить Джейми сидеть. Я потягиваю клюквенно-имбирный пунш и разговариваю с тетусшкой Д. о ее разводе, когда входит Питер Кавински в зеленом свитере и рубашке на пуговицах, неся рождественскую жестяную коробку. Я едва не давлюсь пуншем.

Китти замечает его тогда же, когда и я.

– Ты пришел! – кричит она. Китти несется прямо в его объятия. Он ставит на пол коробку печенья и поднимает сестренку, подбрасывая, а когда отпускает вниз, она берет его за руку и подводит к столу, где я переставляю тарелки с печеньем.

– Посмотри, что принес Питер, – произносит она, толкая его вперед.

Он вручает мне коробку печенья.

– Вот. Мама сделала печенье с изюмом.

– Что ты здесь делаешь? – осуждающе шепчу я.

– Ребенок пригласил меня, – он качает головой в сторону Китти, которая уже убежала обратно к щенку. Джош встает, глядя на нас с неодобрением.

– Нам надо поговорить.

Итак, теперь он хочет поговорить. Что ж, слишком поздно.

– Нам не о чем говорить.

Питер берет меня за локоть, и я пытаюсь стряхнуть его руку, но он не отпускает и отводит меня в кухню.

– Я хочу, чтобы ты придумал предлог для Китти и ушел, – говорю я. – И можешь забрать с собой свое печенье.

– Сначала скажи, почему ты так зла на меня.

– Потому что! – выпаливаю я. – Все говорят о том, как мы занимались сексом в джакузи, и теперь в их глазах я шлюха, а тебе до лампочки!

– Я сказал ребятам, что мы не занимались этим!

– Правда? Ты рассказал им, что все, чем мы занимались, – это целовались? – Питер колеблется, и я продолжаю: – Или же ты сказал: «Парни, у нас не было секса в гидромассажной ванне», при этом делая сексуальные намеки.

Питер сердито взирает на меня.

– Кави, поверь в меня хоть немного.

– Кавински, ты такой подонок.

Я разворачиваюсь. Джош, стоя в дверях, сердито взирает на Питера.

– По твоей вине люди болтают гадости о Ларе Джин, – Джош качает головой с отвращением. – Она бы никогда такого не сделала.

– Говори потише, – шепчу я. Мой взгляд блуждает по кухне. Этого не происходит прямо сейчас. На вечеринке с людьми, которых я знаю всю свою жизнь и которые находятся сейчас в соседней комнате.

Челюсть Питера подергивается.

– Это приватный разговор, Джош, между мной и моей девушкой. Почему бы тебе не пойти поиграть в «World of Warcraft» или типа того. Или, может быть, по телевизору показывают «Властелин Колец».

– Да пошел ты, Кавински, – отвечает Джош. Я ахаю. Мне же Джош говорит: – Лара Джин, вот именно от этого я пытался тебя защитить. Он не достаточно хорош для тебя. Он только потащит тебя на дно.

Питер напрягается.

– Приди в себя! Ты ей больше не нравишься. Все кончено. Двигайся

дальше.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, – произносит Джош.

– Без разницы, чувак. Она рассказала мне, что ты пытался ее поцеловать. Попробуй снова, и я надеру тебе задницу.

Джош выпускает короткий смешок.

– Валяй.

В моей груди поднимается паника, когда Питер делает целенаправленное движение к Джошу. Я тяну Питера за руку.

– Прекрати!

И вот тогда я вижу ее. Марго, стоящую в нескольких футах позади Джоша, держащую руку у рта. Музыка замолкла, мир прекратил вращаться, потому что Марго все слышала.

– Это неправда? Пожалуйста, скажите мне, что это неправда.

Я открываю и закрываю рот. Мне не нужно ничего говорить, потому что она уже знает. Марго знает меня слишком хорошо.

– Как ты мог? – спрашивает она, и ее голос дрожит. При виде боли в ее глазах мне хочется умереть. Я никогда прежде не видела такого взгляда.

– Марго, – начинает Джош, но она качает головой и отступает.

– Убирайся, – произносит она, и ее голос срывается. Затем она смотрит на меня. – Ты моя *сестра*. Ты человек, которому я доверяю больше, чем кому-либо.

– Гоу-Гоу, подожди... – но она уже ушла. Я слышу звук ее шагов, бегущих по лестнице. Слышу, как закрывается, а не захлопывается, ее дверь.

И тогда я начинаю рыдать.

– Мне очень жаль, – говорит мне Джош. Грустный, он добавляет: – Это моя вина. – Он уходит через заднюю дверь.

Питер делает движение, чтобы обнять меня, но я останавливаю его.

– Можешь просто... можешь просто уйти?

Боль и удивление появляются на его лице.

– Конечно, я могу уйти, – отвечает он и выходит из кухни.

Я отправляюсь в ванную по соседству, сажусь на унитаз и плачу. Кто-то стучится, я перестаю плакать и отзываюсь:

– Минуточку.

Миссис Шах говорит радостным голосом:

– Извини, дорогая! – и я слышу, как ее каблуки, цокая, удаляются.

Затем я поднимаюсь и плескаю холодной воды себе в лицо. Глаза все еще красные и опухшие. Я смачиваю полотенце водой и промокаю им лицо. Мама, бывало, так делала, когда я болела. Она клала ледяную

салфетку мне на лоб и заменяла ее на свежую, когда та нагревалась от моего жара. Хотелось бы, чтобы мама была здесь.

* * *

Когда я возвращаюсь на вечеринку, мистер Чой сидит за пианино, играя «Устройте себе веселое Рождество», а мисс Ротшильд зажимает папу в угол на диване. Она опрокидывает бокал шампанского, и у него на лице появляется слегка испуганное выражение. Как только он меня видит, то соскакивает с дивана и подходит ко мне.

– Ну, слава богу, – произносит он. – Где Гоу– Гоу? Мы еще не все спели.

– Она не очень хорошо себя чувствует, – отвечаю я.

– Хм. Пойду проверю.

– Думаю, она хочет побыть одна.

Папа морщит лоб.

– Неужели они с Джошем поссорились? Я только что видел, как он ушел.

Я сглатываю.

– Может быть. Я пойду и поговорю с ней.

Он похлопывает меня по плечу.

– Ты хорошая сестра, родная.

Я выдавливаю улыбку.

– Спасибо, папочка.

Я поднимаюсь по лестнице. Дверь Марго заперта. Я стою около нее и спрашиваю:

– Можно войти?

Нет ответа.

– Пожалуйста, Марго. Пожалуйста, просто дай мне все объяснить...

По-прежнему ничего.

– Извини. Марго, мне так жаль. Пожалуйста, поговори со мной.

Я сажусь возле двери и начинаю плакать. Моя старшая сестра знает, как сделать мне больнее.

Ее молчание, быть отвергнутой ею – самое страшное наказание, которое она могла бы придумать.

Глава 69

ДО ТОГО КАК УМЕРЛА МАМА, МЫ С МАРГО БЫЛИ ВРАГАМИ. Мы постоянно дрались главным образом из-за того, что я всегда портила что-нибудь из ее вещей – какую-то игру, какую-нибудь куклу.

У Марго была любимая кукла по имени Рошель. У Рошель были шелковистые каштановые волосы, и она носила очки, как и Марго. Мама с папой подарили эту игрушку на ее седьмой день рождения.

Рошель была единственной куклой Марго. Она обожала ее. Помню, как я умоляла Марго дать мне ее подержать хотя бы секундочку, но Марго всегда отвечала «нет». Как-то раз я простудилась и не пошла в школу, а осталась дома. Я пробралась в комнату Марго и взяла Рошель. Играла с ней весь обед, притворяясь, что мы с Рошель были лучшими подружками. Я вбила себе в голову, что ее лицо было каким-то невзрачным и она лучше будет смотреться с помадой на губах. И, сделав Рошель красивее, тем самым оказала бы Марго услугу. Я достала из ящика в ванной одну из маминых помад и накрасила кукле губы. И сразу же поняла, что это было ошибкой. Я нанесла ее, выйдя за линию губ, поэтому она выглядела поклоунски, а не изысканно. Тогда я попробовала смыть помаду зубной пастой, но она стала выглядеть так, словно у нее было заболевание рта. Я пряталась под одеялами до возвращения Марго. Когда она увидела, в каком состоянии была Рошель, я услышала ее крик.

После смерти мамы нам всем пришлось измениться. Теперь у всех были новые роли. Мы с Марго больше не дрались, потому что обе понимали – мы должны заботиться о Китти.

– Приглядывайте за сестрой, – всегда повторяла мама. Когда она была жива, мы делали это с неохотой. После того, как ее не стало, мы занимались этим, потому что сами хотели.

* * *

Прошли дни, и по-прежнему ничего. Марго смотрит сквозь меня, говорит со мной только по необходимости. Китти наблюдает за нами с обеспокоенным взглядом. Папа в недоумении и интересуется тем, что с нами происходит, но не принуждает меня к ответу.

Теперь между нами стена, и я чувствую, как Марго отдаляется от меня

все дальше и дальше. Сестры должны ссориться и мириться, потому что они сестры, и они всегда найдут путь обратно друг к другу. Но главное, что меня пугает, – мы, возможно, не найдем.

Глава 70

ЗА МОИМ ОКНОМ ХЛОПЬЯМИ ВАЛИТ СНЕГ, похожий на вату. Двор начинает напоминать хлопковое поле. Надеюсь, снег будет идти весь день и всю ночь. Пусть начнется пурга.

Раздается стук в мою дверь.

Я поднимаю голову с подушки.

– Входите.

Входит папа и садится за стол.

– Итак, – произносит он, почесывая подбородок, как всегда делает, когда чувствует себя некомфортно. – Нам нужно поговорить.

У меня все внутри падает. Я сажусь и обхватываю руками колени.

– Марго рассказала тебе?

Папа откашливается.

– Рассказала, – я не могу даже глядеть на него. – Неловко. Мне никогда не приходилось делать этого с Марго, так что... – Он снова откашливается. – Можно подумать, что я буду лучше в этом вопросе, так как являюсь специалистом в данной области. Просто скажу, я считаю тебя слишком юной, чтобы заниматься сексом, Лара Джин. Не думаю, что ты уже готова. – Он говорит так, словно вот-вот заплачет. – Он. Питер каким-нибудь образом принуждал тебя?

Я чувствую, как вся кровь бросается мне в лицо.

– Папочка, у нас не было секса!

Папа кивает, но не думаю, что он верит мне.

Я твой папа, поэтому, конечно, я бы предпочел, чтобы ты подождала, пока тебе не исполнится пятьдесят, но. – он вновь откашливается, – я хочу, чтобы ты была в безопасности. Поэтому назначу встречу с доктором Худец на понедельник.

Я начинаю плакать.

– Мне не нужно записываться на прием, потому что я ничем не занимаюсь! У меня не было секса! Ни в горячей ванне, ни в любом другом месте. Кто-то все выдумал. Ты должен мне поверить.

У папы страдальческое выражение лица.

– Лара Джин, знаю, нелегко разговаривать об этом с папой, а не с мамой. Хотелось бы мне, чтобы мама была здесь, она смогла бы помочь справиться нам со всем этим.

– Мне бы тоже хотелось, чтобы она была здесь, потому что она бы мне

поверила. – Слезы бегут по щекам. И без того плохо, когда посторонние думают самое худшее обо мне, но я никогда не думала, что моя сестра и папа поверят в это.

– Прости. – Папа обнимает меня. – Извини. Я верю тебе. Если ты говоришь, что не занималась сексом, значит, ты не занималась сексом. Мне просто не хочется, чтобы ты слишком быстро повзрослела. Когда я гляжу на тебя, для меня ты такая же, как и Китти. Ты моя маленькая девочка, Лара Джин.

Я обмякаю, прислонившись к нему. Нет места надежнее, чем папины руки.

– Все кувырком. Ты мне больше не доверяешь. Мы с Питером расстались. Марго ненавидит меня.

– Я верю тебе. Конечно, я доверяю тебе. И, конечно же, вы с Марго помиритесь, как и всегда. Она лишь беспокоилась о тебе, вот почему она ко мне пришла. – Нет, не так. Она сделала это назло. Из-за нее даже папа на секунду подумал обо мне такое.

Папа поднимает мой подбородок и вытирает слезы с лица.

– Должно быть, тебе действительно нравится Питер, да?

– Нет, – всхлипываю я. – Может быть. Не знаю.

Он убирает волосы мне за уши.

– Все будет хорошо.

* * *

Существует особенный вид боя, который можно вести только с сестрой, – когда говоришь слова, которые не можешь взять обратно. Ты произносишь их, потому что не можешь удержаться, ты так зол, что они сами прут из горла и из глаз. Ты так зол, что не можешь мыслить ясно. Все, что видишь, – это кровь.

Как только папа уходит и я слышу, как он идет в свою комнату, чтобы подготовиться ко сну, я без стука врываюсь в комнату Марго. Марго сидит за столом за своим ноутбуком. Она удивленно глядит на меня.

Утирая глаза, я говорю:

– Ты можешь злиться на меня сколько хочешь, но ты не имела права идти к папе за моей спиной.

Натянутым, как струны пианино голосом, она произносит:

– Я сделала это не в отместку. А потому что ты явно не имеешь понятия, что делаешь. И если ты не будешь осторожна, то, в конечном

итоге, пополнишь печальную подростковую статистику, – холодно, словно разговаривая с посторонним, Марго продолжает: – Ты изменилась, Лара Джин. Честно говоря, я даже больше не знаю, кто ты.

– Да, ты определенно меня больше не знаешь, раз подумала хоть на мгновение, что я буду заниматься сексом во время школьной поездки! В джакузи, на виду у всех, кто может случайно пройти мимо? Должно быть, ты меня совсем не знаешь! – А затем я выкладываю припасенную для нее карту. – Только потому, что у тебя был секс с Джошем, еще не значит, что я буду заниматься сексом с Питером.

Марго втягивает воздух.

– *Говори тише.*

Я счастлива, что смогла ее тоже ранить. Я кричу:

– Теперь, когда папа уже разочарован во мне, он не может быть разочарован также и в тебе, верно?

Я разворачиваюсь кругом, чтобы вернуться к себе в комнату, и Марго следует за мной по пятам.

– Вернись обратно! – кричит она.

– Нет! – я пытаюсь закрыть дверь перед ее лицом, но она придерживает ее ногой. – Убирайся!

Я прислоняюсь к двери спиной, но Марго сильнее меня. Она проталкивает себе путь и запирает за собой дверь.

Она продвигается ко мне, а я отступаю от нее. В ее взгляде появился опасный огонек. Она в праведном гневе. Я чувствую, как начинаю сжиматься, съеживаться.

– Лара Джин, откуда ты знаешь, что у меня с Джошем был секс? Он сам тебе рассказал, пока вы двое встречались за моей спиной?

– Мы никогда не встречались за твоей спиной! Это было совсем не так.

– Тогда как это было? – требует она.

Рыдание вырывается из моего горла.

– Мне он первой понравился. Он нравился мне в то лето, перед девятым классом. Я думала... Думала, что я тоже нравлюсь ему. Но потом в один прекрасный день ты заявила, что вы встречаетесь, так что я, я просто проглотила это. И написала ему прощальное письмо.

Лицо Марго искажается в усмешке.

– И ты серьезно полагаешь, что я пожалею тебя сейчас?

Нет. Я просто пытаюсь объяснить, что произошло. Он мне перестал нравиться, клянусь. Я никогда не думала о нем в этом смысле. Но потом, после того как ты уехала, я поняла, что глубоко внутри у меня все еще остались к нему чувства. А когда мое письмо было отправлено и Джош все

узнал, я начала притворяться, что встречаюсь с Питером...

Она покачивает головой.

– Просто прекрати. Я не хочу этого слышать. Я даже не знаю, о чем ты прямо сейчас говоришь.

– Мы с Джошем поцеловались только разок. *Один раз.* И это было огромной ошибкой, я даже не хотела этого делать вообще. Ты та, кого он любит. Не я.

Она отвечает:

– Как я теперь могу верить в то, что ты мне говоришь?

– Потому что это правда. – Дрожа, я продолжаю: – Ты понятия не имеешь, какой властью обладаешь надо мной. Сколько значит для меня твое мнение. Как сильно на тебя я равняюсь.

Лицо Марго морщится, она сдерживает слезы.

– Знаешь, что мама всегда мне говорила? – она поднимает выше подбородок. – «Позаботься о своих сестрах». Вот это я и делала. Я всегда старалась ставить тебя и Китти на первое место. Ты хоть представляешь, как было тяжело находиться так далеко от вас? Как было одиноко? Все, что я хотела, – просто вернуться домой, но не могла, потому что должна быть сильной. Должна быть. – она с трудом сглатывает воздух, – хорошим примером. Я не могу быть слабой. Я должна показать вам, как быть смелой. Потому что... потому что мамы нет здесь, чтобы сделать это.

Слезы скатываются по моим щекам.

– Знаю. Тебе не нужно мне этого говорить, Гоу– Гоу. Я знаю, как много ты для нас сделала.

– Но потом я уехала, и, похоже, что вы больше во мне так сильно не нуждаетесь, как я думала, – ее голос срывается. – Вы прекрасно обходитесь и без меня.

– Только потому, что ты меня всему научила! – выкрикиваю я.

Лицо Марго смягчается.

– Прости, – плачу я. – Я так сожалею.

– Ты мне нужна, Лара Джин.

Она делает шаг мне навстречу, и я шагаю по направлению к ней. Мы падаем в объятия друг друга, рыдая. Облегчение, которое я испытываю, неизмеримо. Мы сестры, и нет ничего, что она или я могли бы сказать или сделать, чтобы это изменить.

Папа стучится в дверь.

– Девочки? У вас все в порядке?

Мы смотрим друг на друга и одновременно произносим:

– Все хорошо, папочка.

Глава 71

КАНУН НОВОГО ГОДА.

Канун Нового года всегда был для нас домашним праздником. Мы делаем попкорн и пьем игристый сидр, а в полночь выходим во двор и зажигаем бенгальские огни.

Несколько друзей Марго из средней школы устраивают вечеринку в коттедже в горах. Она заявила, что не собирается ехать и лучше останется с нами, но мы с Китти заставили ее. Я надеюсь, что Джош тоже поедет и они поговорят. И кто знает, что произойдет дальше. В конце концов, это же канун Нового года. Ночь для новых начинаний.

Мы отправили папу на вечеринку, устроенную кем-то из больницы. Китти выгладила рубашку, а я выбрала галстук, и мы выпроводили его за дверь. Думаю, бабушка права; не хорошо быть папе одному.

– Почему ты до сих пор грустишь? – спрашивает меня Китти, когда я насыпаю для нас попкорн в тарелку. Мы на кухне; она сидит на табурете у барной стойки и болтает ногами. Щенок свернулся клубочком под ее стулом, смотря на Китти полными надеждой глазами. – Вы с Марго помирились. Чего горевать-то?

Я собираюсь отрицать, что грущу, но потом просто вздыхаю и говорю:

– Не знаю.

Китти хватает горсть попкорна и роняет несколько хлопьев на пол, которые тут же проглатывает Джейми.

– Как можно не знать?

– Потому что иногда ты чувствуешь грусть, но не можешь ее объяснить.

Китти склоняет голову набок.

– ПМС?

Я отсчитываю дни с момента последних месячных.

– Нет. Не ПМС. Просто потому, что девушке грустно, еще не значит, что это имеет какое-то отношение к ПМС.

– Тогда почему? – не унимается Китти.

– Я не знаю! Может быть, я по кому-то скучаю.

– Ты скучаешь по Питеру? Или Джошу?

Я колеблюсь.

– По Питеру. – Несмотря ни на что, по Питеру.

– Так позвони ему.

– Не могу.

– Почему нет?

Не знаю, как ей ответить. Все так неловко, и я хочу быть той, на кого она может равняться. Но Китти ждет, ее маленький лоб сморщился, и я знаю, что должна рассказать ей правду.

– Китти, это был обман. Абсолютно все. Мы никогда в действительности не были вместе. Я ему никогда по-настоящему не нравилась.

Китти морщится.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «это был обман»?

Вздыхая, я отвечаю:

– Все началось с тех писем. Помнишь, как пропала моя коробка из-под шляпы? – Китти кивает. – Внутри были письма. Письма, которые я написала парням, которых любила. Они должны были быть личными и никогда не должны были быть отправлены, но потом кто-то их разослал, и все пошло кувырком. Джош получил одно и Питер, и я была настолько унижена... мы с Питером решили притвориться, что встречаемся, чтобы я могла сохранить репутацию в глазах Джоша, а Питер мог заставить ревновать свою бывшую. Потом все вышло из-под контроля.

Китти нервно покусывает губу.

– Лара Джин... если я скажу тебе кое-что, ты должна пообещать мне не злиться.

– Что? Просто скажи мне.

– Сперва пообещай.

– Хорошо, обещаю, я не буду злиться. – Мурашки пробегают по спине.

В спешке Китти выпаливает:

– Я – та, кто разослал письма.

– *Что?* – вновь вскрикиваю я, но менее громко. – Китти, как ты могла так поступить со мной?

Она опускает голову.

– Потому что я была зла на тебя. Ты дразнила меня тем, что мне нравится Джош. Ты сказала, что я собиралась назвать собаку в честь него. Я была так зла на тебя. Поэтому, когда ты спала... я пробралась в твою комнату и украла твою коробку. Я прочла все твои письма, а затем отправила их. Я сразу же об этом пожалела, но было уже слишком поздно.

– Откуда ты вообще узнала о моих письмах? – кричу я.

Она украдкой поглядывает на меня.

– Потому что иногда я перебираю твои вещи, когда тебя нет дома.

Я собираюсь еще раз накричать на нее, а затем вспоминаю, как сама

прочла письмо Марго от Джоша, и прикусываю язык. Так спокойно, как только могу, я произношу:

– Ты хоть знаешь, сколько хлопот ты мне доставила? Как ты можешь быть настолько недоброжелательной ко мне?

– Извини, – шепчет она. Крупные слезы образуются в уголках ее глаз, и одна плюхается, словно капля дождя.

Мне хочется обнять ее, чтобы утешить, но я все еще злюсь.

– Все хорошо, – говорю я голосом, который далек от этого. Ничего бы этого не произошло, если бы она не разослала письма.

Китти вскакивает и бежит вверх. И я думаю, что она отправилась в свою комнату поплакать наедине с собой. Знаю, что должна сделать. Мне следует пойти и утешить ее, по-настоящему ее простить. Теперь моя очередь быть хорошим примером. Быть хорошей старшей сестрой.

Я собираюсь уже пойти вверх, когда она прибегает обратно на кухню. С моей коробкой из-под шляпы в руках.

Когда были только мы с Марго, мама покупала все в двух экземплярах: голубое для Марго и розовое для меня. Одежда, чучела животных, пасхальные корзинки – все в двух разных цветах.

Все должно было быть по-честному. У нас должно было быть одинаковое количество морковных палочек или картофеля фри, или шариков, или ластиков в форме кексов. За исключением того, что я постоянно теряю свои резинки или слишком быстро съедаю морковные палочки, а потом выпрашиваю одну у Марго. Иногда мама заставляла ее поделиться, что (даже я понимала) было нечестно; Марго явно не должна была быть наказана за то, что слишком медленно ела или не следила за своим ластиком. После рождения Китти мама старалась покупать голубые, розовые и желтые вещи, но намного труднее найти одну и ту же вещь в трех разных цветах. К тому же Китти была младше нас, так что нам не хотелось тех же игрушек, что и ей.

Коробка из-под шляпы, возможно, была единственным подарком от мамы, который был только для меня. Мне не нужно было делиться ею – она была моей и только моей.

Когда я открыла ее, то ожидала найти там шляпу, может быть, соломенную шляпку с мягкими и гибкими полями, или кепку мальчишки, доставляющего газеты, – но она была пуста.

– Это для твоих особенных вещей, – сказала она. – Ты можешь положить сюда самое ценное, самое любимое, самое сокровенное.

– Что, например? – спросила я.

– Все, что поместится внутрь. Все, что захочешь сохранить лишь для

себя.

* * *

Маленький заостренный подбородок Китти дрожит, и она произносит:

– Мне очень жаль, Лара Джин.

Когда я вижу, как дрожит ее подбородок, то не могу больше злиться. Просто не могу даже чуть-чуть. Так что я подхожу к ней и крепко обнимаю.

– Все в порядке, – говорю я, и она от облегчения обмякает. – Ты можешь оставить коробку. Положи в нее все свои секреты.

Китти качает головой.

– Нет, она твоя. Мне она не нужна, – она пихает ее мне. – Я положила в нее кое-что для тебя.

Я открываю коробку, а там записки. Записки, записки и еще раз записки. Записки Питера. Записки Питера, которые я выбросила.

– Я нашла их, когда выбрасывала мусор, – произносит она. И поспешно добавляет: – Я прочла только парочку. И тогда оставила их, потому что поняла, что они могли быть важными.

Я прикасаюсь к той, которую Питер сложил в самолетик.

– Китти... ты же знаешь, что мы с Питером не будем снова вместе, верно?

Китти хватается миску с попкорном и говорит:

– Просто прочти их, – затем она идет в гостиную и включает телевизор.

Я закрываю коробку и забираю ее с собой наверх. В своей комнате я сажусь на пол и раскладываю их вокруг себя.

Большинство записок содержит просто что-то вроде: «Встретимся у твоего шкафчика после школы» и «Могу я одолжить твои вчерашние записи по химии?» Я нахожу одну с паутинкой с Хэллоуина, и она вызывает у меня улыбку. В другой говорится: «Можешь сегодня поехать домой на автобусе? Я хочу сделать Китти сюрприз и забрать ее из школы, чтобы она смогла продемонстрировать меня и мою машину своим друзьям». «Спасибо за поездку со мной на распродажу недвижимости в эти выходные. Ты сделала день веселым. Я твой должник». «Не забудь положить для меня корейский йогурт!» «Если ты сделаешь тупое клюквенное печенье из белого шоколада Джоса, а не мое с изюмом, то все кончено». Я расхохоталась. А потом одно я перечитываю снова и снова: «Ты сегодня прелестно выглядишь. Ты нравишься мне в голубом».

Я никогда раньше не получала любовного письма. Но таким образом, читая все эти записки одну за другой, складывается ощущение, будто я все же получила одно. Похоже на то... похоже на то, что всегда был только Питер. Как будто все, кто были до него, нужны лишь для того, чтобы подготовить меня к этому. Думаю, теперь я вижу разницу между «любить кого-то издалека» и «любить кого-то вблизи». Когда ты видишь их близко, то видишь их настоящих, но и они видят реального тебя. И Питер видит. Он видит меня, а я вижу его.

Любовь пугает: она меняется, может уйти. Это часть риска. Я не хочу больше бояться. Хочу быть смелой, как Марго. В конце концов, сейчас почти Новый год.

Ближе к полуночи я зову Китти, щенка и беру бенгальские огни. Мы надеваем теплые пальто, и я заставляю Китти надеть шапку.

– Должны ли мы надеть шапку на Джейми тоже? – спрашивает она меня.

– Ему она не нужна, – отвечаю я ей. – У него уже есть шубка.

На небе дюжина звезд, они похожи на далекие самоцветы. Нам так повезло жить возле гор. Ты ощущаешь себя ближе к звездам. К небесам.

Я для каждой из нас зажигаю бенгальские огни, и Китти начинает кружиться на снегу в танце, создавая огненное кольцо из своей свечи. Она пытается уговорить Джейми попрыгать через них, но тот не поддается. Все, что он хочет делать, – это писать по всему двору. Повезло, что у нас есть забор, а иначе он бы описал всю дорогу вниз по кварталу.

В спальне Джоша горит свет. Я вижу его в окне, когда он открывает его и кричит:

– Девочки Сонг!

Китти орет:

– Хочешь зажечь бенгальский огонек?

– Может быть, в следующем году, – отзывается Джош. Я поднимаю на него взгляд и машу своим огоньком. И он улыбается: такое чувство, что между нами все хорошо. Так или иначе, Джош будет в нашей жизни. И я уверена, внезапно чувствую уверенность, что все в точности так, как оно и должно быть, что я не должна бояться прощаний, потому что прощание необязательно должно быть навсегда.

Когда я снова в своей комнате во фланелевой ночной сорочке, то достаю специальную гладкую ручку и хорошую плотную бумагу для писем и начинаю писать. Не прощальное письмо. А самое обычное старомодное любовное письмо.

Дорогой Питер...

Благодарности

Всем моим любимым книжникам:

Зарине Джеффри, прекраснейшей из них всех. Я думаю, что мы созданы друг для друга.

Джастину Чанда – за то, что «окольцевал» мою книгу.

Всем сотрудникам издательства Simon&Schuster; особенно Полу Кричтону, Лидии Финн, Суджи Ким, Крисси Ноа, Люсилль Реттино, Николь Руссо, Анне Зафьян – за дружбу.

И передаю привет Кэти Хершбергер; мы почти лучше узнали друг друга.

Люси Камминс. Я брошу к твоим ногам цветы и шоколадные сердечки за ту красоту, что ты вносишь в каждую книгу.

Адель Гриффин, Джулия Фаркас и Беннет Мэдисо – читатели, писатели и просто друзья – сонеты в вашу честь. Я испытываю благоговейный трепет перед вашим талантом, и мне посчастливилось быть вашим другом.

Сиобан Вивиан. Моя дорогая, если в мире и существуют родственные души, то ты – моя.

И Эмили ван Бик – за все, всегда.

С любовью, Дженни.

---

notes

Примечания

1

Товарный знак сухого завтрака из овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками в форме колечек.

«Костко» – сеть магазинов.

«Таргет» – сеть магазинов.

Заварное мороженое – десерт, похожий на обычное мороженое, но сделанный из яиц, сливок и сахара.

FYI (англ. «For Your Information») – К вашему сведению.

Кимчи – блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приправленные квашеные овощи, в первую очередь пекинскую капусту.

Тройное «А» – Автомобильная Ассоциация Америки.

Школьная куртка – куртка с эмблемой школы или колледжа, которую обычно носят спортсмены.

Скрапбукинг (англ. scrapbooking, от англ. scrapbook: scrap – вырезка, book – книга, буквально «книга из вырезок») – вид рукодельного искусства, заключающийся в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов.

Васи – японская бумага. Ленты клейкие, напоминают малярный скотч, только гораздо тоньше.

Бочче – итальянская игра на точность, похожая на боулинг.

«Хоум дিপосу» (англ. Home Depot, Inc.) – компания, владеющая сетью магазинов-складов по продаже строительных и отделочных материалов для дома.

«Уэндиз» – сеть экспресс-кафе.

«Сандэ» (англ. sundae) – десерт из мороженого.

«Гудвилл» (англ. Goodwill) – благотворительный магазин. Американцы обычно не выбрасывают старые и ненужные вещи, а относят их в Гудвилл, где полученные вещи продаются за низкие цены, а вырученные деньги идут на благотворительность.

Уно – американская карточная настольная игра.

Фриттата – итальянский омлет, который готовят с начинками из сыра, овощей, колбасы или мяса.

Тако – мексиканский пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из рубленого мяса, томатов, сыра, салатных листов.

Дорамы – азиатские сериалы, самыми популярными из которых являются японского и корейского производства. Несмотря на название, дорамы выпускаются в различном жанре: комедия, романтика, ужасы, детективы.

Крафт – фирменное название различных продуктов.

Шинти – командная игра с клюшками и мячом, распространенная в Шотландии.

Мужской галстук с очень широкими концами, модный с середины XIX века; носится, наматывая вокруг шеи, и завязывается под подбородком; двойной узел или бант закрепляется в определенном месте булавками.

«Четыре Локо» – в своем составе имеют кофеин, алкоголь, туарин и гуаран.

«Кэпнкранч» – товарный знак детского сухого завтрака из кукурузной и овсяной муки с витаминными добавками в форме подушечек производства компании «Куэйкер оутс».

Large (англ.) – большой.

Tiny (англ.) – крошечный.

«Райс Криспи» – хрустящий воздушный рис, любимое угощение американских детей. Напоминает татарский чак-чак.

Крупная сеть супермаркетов одноименной компании.

Товарный знак пластиковых контейнеров для хранения пищевых продуктов.

Рамен – лапша быстрого приготовления. Обычно подается в мясном бульоне с мясом и овощами.

Ду-воп (англ. doo-wop) – жанр музыки, популярный в 50-х.

Сибсы – родные братья и сестры.

Сальмонелла – род бактерий, имеющих форму палочки и вызывающих опасные инфекционные заболевания кишечника у людей и животных.

Эн-Пи-АР – Национальное общественное радио США.

Отсылка к фильму «16 свечей».

Смоурсы – вид зефира. Традиционное лакомство, которое готовят и едят у костра.

Модель ООН – это ролевая игра, в ходе которой студенты и учащиеся старших классов в течение пяти дней воспроизводят работу органов Организации Объединенных Наций.

Поки – японская закуска. Бисквитные палочки, покрытые шоколадом.

«Хоум бокс офис» (Эйч-би-оу) – одна из первых компаний кабельного телевидения.